

1612 И 1812 ГОДЫ
КАК КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ
В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Сборник научных трудов

Санкт-Петербург
Президентская библиотека
2013

УДК 947(08)
ББК 63.3(2)44я431
63.3(2)521.1-686я431
О-43

Редакционная коллегия:

М. А. Шибаев, канд. ист. наук, *Е. Б. Грузнова*, канд. ист. наук

На обложке:

Въезд князя Пожарского в Кремль. 1875. Литографская мастерская И. К. Иванова, Москва. Фрагмент. Из собрания Российской национальной библиотеки

Виктор. *Сражение при Бородине 26 августа (7 сентября) 1812 года.* Литография середины XIX в. с картины П. Гесса. Фрагмент. Из собрания Государственного Русского музея

1612 и 1812 годы как ключевые этапы в формировании

О-43 **национального исторического сознания** : сборник научных трудов [Всероссийского круглого стола, 21 ноября 2012 г. / редкол.: М. А. Шибаев, канд. ист. наук, Е. Б. Грузнова, канд. ист. наук]. – СПб. : Президентская библиотека, 2013. – 190 с. – (Сборники Президентской библиотеки).

ISBN 978-5-905273-31-5.

В сборник вошли материалы Всероссийского круглого стола «1612 и 1812 годы как ключевые этапы в формировании национального исторического сознания», проведенного 21 ноября 2012 г. Президентской библиотекой имени Б. Н. Ельцина совместно с кафедрой западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Авторы публикаций, каждый со своей стороны, стремились к единой цели – осмыслению механизмов формирования и трансляции представлений о героических вехах нашей истории.

Для специалистов в области истории культуры, искусствоведов, филологов, социологов, студентов гуманитарных специальностей и всех интересующихся проблемами отечественной истории и культуры.

УДК 947(08)
ББК 63.3(2)44я431
63.3(2)521.1-686я431

Электронная версия настоящего издания является свободно распространяемой. Любое лицо вправе безвозмездно воспроизводить и доводить до всеобщего сведения в электронной форме настоящее издание на весь срок охраны авторского права и на территории всего мира при условии некоммерческого характера использования, сохранения целостности всего издания, указания имен авторов, первоначального адреса публикации www.rplib.ru и данного текста условий.

Осуществление указанных действий означает принятие настоящих условий.

© ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина», 2013
© Коллектив авторов, 2013

ISBN 978-5-905273-31-5

Содержание

Введение	4
<i>Д. О. Цыткин, М. А. Шибаев.</i> 1612 и 1812 годы в современном массовом историческом сознании (к постановке проблемы).....	6
<i>О. С. Абрамкин.</i> 1612 и 1812 годы как ключевые этапы в формировании национального исторического сознания (по материалам учебной и популярной литературы конца XVIII – XIX столетия)	15
<i>Е. Б. Грузнова.</i> Актуализация национального наследия России в связи с событиями 1612 и 1812 годов	31
<i>А. В. Березкин.</i> События 1612 года как историческое основание современного государственного праздника	44
<i>А. А. Романова.</i> Смута и развитие русской агиографии	54
<i>А. И. Раздорский.</i> Осада Курской крепости в 1612 году в «Повести о граде Курске» XVII века	60
<i>Е. А. Михайлова.</i> Музыкальные подношения императорской семье в честь 300-летия царствования Дома Романовых: из фондов отдела рукописей Российской национальной библиотеки.....	73
<i>А. И. Сапожников.</i> «Скифская война» в 1812 году	81
<i>С. А. Тихомиров.</i> Вологодские ополченцы в Отечественной войне 1812 года.....	94
<i>М. А. Смирнова.</i> Отечественная война 1812 года в памяти купечества: по материалам мемуаров.....	128
<i>М. В. Кожухова.</i> Отечественная война 1812 года в европейской и русской карикатуре.....	140
<i>Ю. К. Руденко.</i> Отечественная война 1812 года и философско-историческая концепция Л. Н. Толстого	156
<i>А. А. Шелаева.</i> Статья Н. С. Лескова «Герои отечественной войны 1812 года по гр. Л. Н. Толстому» (1869) как ключ к пониманию истории в романе «Война и мир».....	169
<i>Е. С. Кащенко.</i> События 1812 года в отечественных кинематографических интерпретациях.....	181
Сведения об авторах.....	187

Введение

Представляемый на суд читателя сборник сформирован на основе материалов Всероссийского круглого стола, проведенного 21 ноября 2012 г. Президентской библиотекой имени Б. Н. Ельцина совместно с кафедрой западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Круглый стол проходил в рамках ежегодной научной конференции «История и культура», которая уже более десяти лет проводится под эгидой кафедры на историческом факультете СПбГУ. В 2012 г. благодаря инициативе Президентской библиотеки конференция впервые прошла как совместное мероприятие двух научных центров: библиотеки и кафедры. Она была приурочена к двум ключевым датам 2012 г.: празднованию 400-летия освобождения Москвы от польской интервенции в 1612 г. и 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 г.

На современном этапе развития российской государственности важнейшее значение имеет формирование позитивного самосознания нации, и исторические исследования героического прошлого страны играют здесь немаловажную роль. Для осуществления этой миссии требуется не только глубокое и всестороннее изучение ключевых событий отечественной истории, но и анализ массовых источников, повлиявших на структуру исторического сознания нашего народа и формирующих представление о событиях 1612 и 1812 гг. как об этапах становления российского национального характера и ментальности, факторах культурной и политической идентификации гражданина. Конференция 2012 г. ставила своей целью не просто осветить те или иные локальные аспекты событий 1612 и 1812 гг., но и дать ответ на вопрос о том, как они отразились в сознании российского общества и повлияли на его восприятие истории. Еще одной важной задачей был сопоставительный анализ отражения этих двух событий в массовом историческом сознании россиян, выявление общих закономерностей, а также различий в механизме создания представлений о прошлом в современном обществе.

Участники настоящего издания – историки, филологи, искусствоведы – в основном работают в трех учреждениях Санкт-Петербурга: в Президентской библиотеке, Санкт-Петербургском государственном университете и Российской национальной библиотеке. Вниманию читателя представлен широкий тематический диапазон статей – от агиографии до истории кино, от рассмотрения концептуальных подходов школьных учебников до истории европейской и русской карикатуры. Тем не менее авторы публикаций – каждый со своей стороны – стремились к единой цели: осмыслению принципов формирования и трансляции представлений о героических вехах нашей истории.

Статьи в сборнике выстроены согласно тематической логике. Подборку открывают работы, посвященные сравнительному анализу исторических вех 1612 и 1812 гг. За ними следуют статьи, осмысляющие события 1612 г., Смутного времени и воцарения династии Романовых. Завершают сборник исследования, отражающие те или иные аспекты истории Отечественной войны 1812 г.

Авторы этой книги выражают надежду на то, что их труд станет определенным научным заданием в рамках проводимого в 2012 г. Года российской истории.

М. А. Шубаев

1612 и 1812 годы в современном массовом историческом сознании (к постановке проблемы)

Изучение массового исторического сознания неразрывно связано с теми узловыми моментами, или «местами памяти» (как их называл П. Нора¹), на которые опирается человеческое представление об истории. Несомненно, рассматриваемые даты являются знаковыми точками для изучения отражения и влияния тех или иных источников на массовое историческое сознание. Наши выводы основываются на результатах комплексного исследования «Структурные конфликты в историческом сознании россиян как потенциальная угроза национальной безопасности: историко-социологический анализ», проводившегося в 2008–2009 гг. на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета по заказу Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации при поддержке фонда «Вехи эпох»². Исследование велось в двух аспектах: историческом и социологическом. В данном сообщении мы остановимся прежде всего на результатах анализа источников «исторического знания», формирующих массовое сознание.

Работа по проекту заняла весь 2008 г. (в начале 2009-го был подготовлен к публикации итоговый отчет) и в своей «исторической» части включала следующие виды исследований: 1) Анализ учебников по истории СССР и России как для школы, так и для поступающих в вузы, а также вузовских учебников для неисторических специальностей (специализированные учебники, написанные для исторических факультетов, не рассматривались из-за узости целевой аудитории); 2) Анализ исторических кинофильмов (художествен-

ных и документальных); 3) Анализ историко-популярной литературы (художественных произведений и пользующихся наибольшим спросом научно-популярных сочинений, отражающих историю СССР и России). В последнем случае в качестве дополнительного источника были привлечены наиболее востребованные интернет-ресурсы, в которых затрагивается тема отечественной истории.

Изучение всех источников, как и сам проект, носило пилотно-реперный характер. Из всей совокупности материалов для каждого из типов источников (по специально разработанной методике) было выбрано ограниченное количество единиц анализа – «экспертных текстов», – примерно равное 77 ± 5 единицам для каждого типа. Кроме того, мы рассмотрели 10 интернет-ресурсов.

На основании анализа «экспертных текстов» было выделено 4 концепции («магистральные» тенденции), которые лежат в основе подходов к изложению истории России. Условно эти концепции были определены как: *государственно-патриотическая, унитарно-социальная, национально-либеральная и радикально-либеральная*. В зависимости от той или иной концепции одни и те же события или персоналии могут оцениваться их носителями иногда диаметрально противоположно. Рассмотрим эти концепции.

1. Государственно-патриотическая концепция берет свое начало в трудах Н. М. Карамзина. В ее основе – образ Родины, сильной централизованной государственной власти, которая является необходимым условием благополучного существования России в целом и каждого гражданина в частности. Для этой концепции главными являются: признание исторической обусловленности мощного, независимого государства; подчинение интересов конкретной личности интересам этого государства; положительная оценка подавляющего большинства российских правителей, акцент на их позитивном вкладе в историю. Положительно оценивается внешняя политика Российского государства. Негативно – Запад и западные либеральные влияния, которые так или иначе направлены на разрушение или ослабление сильного государства.

2. Унитарно-социальная концепция. Ее истоки восходят к революционным демократам середины XIX в. и идеям утопического коммунизма. В значительной степени эта концепция является

¹ См., например: *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // *Франция – память* / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 17–50.

² Помимо авторов настоящей статьи, в состав группы исторического анализа проекта входили: научные сотрудники – Ростовцев Е. А., Соловьев Д. В., Шилов Д. Н.; лаборанты – Павлов С. В., Ржешевская А. Ю., Сидочук И. В., Сосницкий Д. А.

вариантом и продолжением государственно-патриотической, только с марксистским уклоном. Для нее характерна позитивная оценка участия государства в политическом регулировании экономических и социальных процессов. Данная концепция постулирует относительную прогрессивность существующего государственного строя до конца XVIII в., а затем его нарастающую реакционность с XIX в. вплоть до событий 1917 г. Положительно оцениваются социальные движения и классовая борьба. Также однообразно положительно маркируются практически все без исключения события истории СССР.

3. Национально-либеральная концепция являлась наиболее распространенной в дореволюционной исторической науке, долгое время доминируя в высших учебных заведениях нашей страны. Она опиралась на монументальные труды С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, других знаменитых историков и юристов. После 1917 г. отдельные элементы этой концепции также присутствовали в отечественных исторических трудах (в основном связанных с исследованием «русского феодализма» – А. А. Зимина, Я. С. Лурье и др.). Данная концепция, с одной стороны, предполагает значительную роль государства в осуществлении масштабных преобразований, с другой – избирательное отношение к западному опыту при учете национальной специфики. При этом подразумевается, что историческое развитие России ведет к расширению прав личности, которое не противоречит интересам национального государства. Негативная оценка дается правителям, проявлявшим авторитаризм, и, наоборот, весьма позитивно оцениваются правители-реформаторы, направлявшие страну к большей либерализации.

4. Радикально-либеральная концепция, так же как и национально-либеральная, базируется на традиционных либеральных ценностях, но в более радикальном их варианте. При этом подразумеваются последовательное уменьшение регулирующей роли государства и поощрение стихийных общественных процессов, активное применение западного опыта, резкая критика авторитаризма и жестко централизованного государства. Данная концепция, во многом восходящая к идеям П. Я. Чаадаева, поддерживалась радикальными западниками и либералами. Ее разделяли многие совет-

ские диссиденты, исповедовавшие идеи универсализма западной либеральной демократии. Для радикально-либеральной концепции характерно представление о том, что деспотическое и реакционное государство являлось основным элементом, проблемой и главным тормозом российской истории до 1917 г., а это, в конце концов, и привело к разрушению дореволюционного общества. Однако и для периода после 1917-го подчеркивается почти полное отсутствие достижений советской системы. Свою главную надежду и опору носители этой концепции видят в западных ценностях и идеалах, которые, по их мнению, должны быть привиты российскому обществу.

В нашем исследовании приоритетным был анализ *учебников и учебных пособий*. Значение первых для изучения существующих в обществе моделей (концепций) отечественной истории, безусловно, первостепенно. Учебники являются квинтэссенцией наиболее распространенных в профессиональном историческом сообществе и признанных (а зачастую – и рекомендованных) государством взглядов на историю России с древнейших времен до наших дней. Именно учебники обеспечивают ту идейную и фактическую основу, на которой базируется преподавание предмета в средних и старших классах школы и которая целенаправленно закладывается в сознание подрастающих граждан. Учебные пособия обладают меньшей, чем у учебников, аудиторией потенциальных потребителей их информации, поэтому были использованы в нашем исследовании в меньшем количестве и играли в нем вспомогательную роль. Тем не менее они представляют определенный и весьма существенный интерес, так как по своему жанру охватывают историю России в целом и, соответственно, должны содержать единые, «непрерывные» ее концепции, чего нет в учебниках, посвященных, как правило, весьма ограниченному хронологическому периоду.

Учебники по самой своей сути призваны выполнять функцию «конструирования» истории, в них наиболее ярко проявляется генезис концепций. Именно учебники в наиболее концентрированном виде транслируют массовому историческому сознанию базовые модели истории России и СССР. При отборе учебников и учебных пособий для анализа учитывались следующие факторы: 1) тираж

учебника; 2) количество выдержанных им изданий; 3) равномерность распределения учебников по охвату тех или иных исторических периодов истории России и СССР. Выборка была сделана из более чем 2000 учебников и учебных пособий, вышедших в нашей стране за 1965–2007 гг. При этом особое внимание мы уделили изучению изданий, опубликованных в течение последних лет (с 2000-х гг.), как наиболее востребованных в современной школе и одновременно наиболее разнообразных в концептуальном отношении. Реперное исследование учебников предполагало создание нескольких временных «срезов» (выборок), на основании анализа которых делался вывод об общих тенденциях, связанных с изменениями парадигм исторического развития России, транслируемых учебниками массовому историческому сознанию с середины 60-х гг. XX в. и до сегодняшнего дня¹.

К исследованию были привлечены также наиболее популярные произведения художественной литературы, публицистика и материалы общественно-политической тематики, художественные и научно-популярные фильмы, чаще других появлявшиеся на экранах за последние два десятилетия; анализировались и наиболее востребованные интернет-ресурсы, в которых присутствует тематика, связанная с российской историей.

Проблема освещения в источниках событий 1612 г.

События 1612 г. рассматриваются в учебниках, как правило, в рамках Смутного времени. При этом нет принципиальной разницы в изложении материала в учебниках разных периодов и разной концептуальной направленности. В советских учебниках больше акцентируется внимание на социальной, классово-борьбе; отмечается, что крестьянская война под руководством И. Болотникова подготовила размах всенародной патриотической борьбы за независимость. В постсоветских учебниках Смутное время трактуется

уже в контексте гражданской войны. При этом сама эпоха Смуты в основном представлена личностями Бориса Годунова и Лжедмитрия I. Выход из Смутного времени оценивается во всех концепциях учебной литературы как явление в общем позитивное. Однако в учебных изданиях, относящихся к радикально-либеральной концепции, подчеркивается отсутствие договора между обществом и новым царем (Михаилом Романовым). В целом пантеон героев 1612 г., как правило, ограничен К. Мининым и Д. Пожарским. Иллюстративный ряд учебников почти всегда включает как обязательный атрибут памятник двум лидерам ополчения в Москве. При этом гораздо меньше в иллюстрациях представлена личность И. Сусанина. В историко-популярной литературе 1612 г. также в целом «заслоняется» общим периодом Смуты, который стал тяжелым испытанием для народа. В киноисточниках можно наблюдать относительный консенсус концепций в оценке личности Бориса Годунова (умеренно-положительные) и его сына Федора (весьма положительные: за образованность). Необходимо при этом отметить, что игровые и документальные фильмы, наиболее широко транслировавшиеся по телеканалам в течение последних 20 лет, вообще не демонстрируют особого стремления к отражению средневекового периода истории России. Если в последнее время и были сняты игровые фильмы об Александре Невском и событиях 1612 г., то кинодокументалистика и кинопублицистика не проявляют к периоду русского Средневековья серьезного интереса, за исключением фигуры Ивана Грозного, и то, вероятно, по причине аналогий с личностью И. В. Сталина. Следует отметить, что вплоть до самого последнего времени события 1612 г. находились на периферии внимания почти всех источников, но тем не менее были окрашены в позитивные тона, что дает возможность рассматривать их как явно недооцененный ресурс национальной консолидации. Сейчас мы не наблюдаем системного подхода к построению государственно-патриотической схемы истории России ни со стороны государства, ни со стороны каких-либо партий и общественных групп. Некоторые попытки в этой области наметились только в последнее время. В частности, было создано два игровых художественных фильма, относящихся к двум «бесконфликтным зонам» в представлении русского

¹ Более подробно тенденции изложения отечественной истории в учебниках представлены в публикации: Шибаетв М. А. В поисках утраченного: Учебники последних лет по отечественной истории // Пушкин. 2009. № 3. С. 72–75.

Средневековья, – «Александр. Невская битва» (реж. И. Каленов, 2008) и «1612» (реж. В. Хотиненко, 2007).

Анализируя осмысление и освещение событий 1612 г. в источниках и их влияние на массовое историческое сознание, можно отметить две проблемы:

1. Во-первых, невысокий интерес в целом к данному периоду, который не является объектом актуализации в массовом историческом сознании. В связи с этим надо отметить определенную закономерность существования общественного интереса к национальной истории на современном этапе: чем более мы удаляемся вглубь веков, тем менее востребованными становятся воспоминания о той или иной эпохе. Русское Средневековье в определенном смысле превращается в зону «национального мифа». Мы не наблюдаем отражения этого периода отечественной истории в популярных исторических произведениях и литературных текстах последних десятилетий.

2. Во-вторых, события 1612 г. зачастую подаются в рамках Смутного времени (особенно это характерно для учебной литературы) и не выделены из него. При этом само Смутное время явно имеет во всех типах источников и концепций негативную коннотацию как период хаоса, разрухи, народных страданий, духовного, экономического и государственного кризиса, о котором не очень хочется вспоминать.

Данные выводы были подтверждены и результатами социологических исследований проекта (правда, только в рамках Санкт-Петербурга)¹. Как показывают опросы, XVII в., кроме редких упоминаний (в интервью) о Смуте и времени царствования Алексея Михайловича, является «белым пятном» в историческом сознании петербуржцев. Для многих респондентов за временем Ивана Грозного сразу следует эпоха Петра I. Это означает, что предложенная дата еще относительно нового праздника «4 ноября 1612 года» ложится на неподготовленную почву и, соответственно, не может быть понята (адекватно воспринята) большинством россиян.

¹ Руководитель группы социологического анализа проекта – Карбаинов Н. И.; научный сотрудник – Хохлова А. М.; лаборанты – Кинчарова А. В., Петрова Е. В., Росугубу И. А.

Проблема освещения в источниках событий 1812 г.

Совершенно иная ситуация наблюдается с трактовкой событий Отечественной войны 1812 г., которая наряду с фигурой Александра Невского и Великой Отечественной войной входит в так называемую «зону консенсуса», где нет противоречий в оценках.

В учебной литературе подчеркивается, что Отечественная война 1812 г. была справедливой, оборонительной и приобрела национально-освободительный характер. Данная точка зрения транслируется во всех концепциях. Различаются эти концепции лишь в деталях. Так, в советских учебниках (представляющих унитарно-социальную концепцию) обязательно подчеркивается интернациональный характер борьбы против войск Наполеона. В литературных источниках (на которые огромное влияние оказал роман Л. Н. Толстого «Война и мир») проводится идея, что победа России – это победа народа, а не власти и полководцев, а главный герой победы – близкий к народу М. И. Кутузов – настоящий народный герой. Сходная подача материала наблюдается и в других источниках. Так, киноисточники, транслируемые населению России последние несколько десятилетий, поддерживают представление о том, что победа над Наполеоном является безусловной заслугой всего народа, а верховная власть имеет к ней лишь опосредованное отношение. Яркий тому пример – фильм «Гусарская баллада» (реж. Э. Рязанов, 1962), тяготеющий тем не менее к государственно-патриотической концепции. Более того, в некоторых литературных текстах радикально-либеральной направленности отмечается, что командование русской армии было отделено от простого народа, а руководство государства недальновидно думало лишь о достижении своих целей любой ценой, в результате чего победа в войне была достигнута за счет неоправданно больших жертв.

Наше исследование выявило, что Отечественная война 1812 г. для всех концепций оказывается последней значимой точкой консенсуса, после которой наблюдается резкое расхождение трактовок исторических событий вплоть до Великой Отечественной войны, хотя, конечно, встречаются некоторые «конфликты» парадигм

представления и предшествующей национальной истории. Применительно к периоду после 1812 г. в либеральных концепциях подчеркивается реакционный характер самодержавия, что во многом корреспондирует с унитарно-социальной концепцией, принятой в советских учебниках.

Социологические исследования, проведенные в рамках проекта, показали, что чаще всего респонденты называли ключевыми событиями XIX в. Отечественную войну 1812 г. и отмену крепостного права. Отечественная война 1812 г. оценивается в массовом сознании очень позитивно. И главный герой этой войны, с точки зрения петербуржцев, – Кутузов.

Таким образом, можно сделать вывод, что степень актуализации событий 1612 и 1812 гг. в массовом историческом сознании в настоящее время различна. Это подтверждается как анализом источников, так и данными социологии. Наглядным примером могут служить и проходившие в 2012 г. праздничные мероприятия: 200 лет победы над французами были отмечены явно более масштабно, чем победа над поляками в ноябре 1612 г.

1612 и 1812 годы как ключевые этапы в формировании национального исторического сознания (по материалам учебной и популярной литературы конца XVIII – XIX столетия)

Темой настоящего исследования является сравнительный анализ концептуальной направленности представления событий 1612 и 1812 гг. – знаковых для отечественной истории и важных для понимания механизмов формирования национального исторического сознания – в массовых дореволюционных исторических источниках. Для анализа нами были отобраны материалы учебной и популярной литературы XIX столетия – исторические календари, которые публиковались в составе разного вида календарно-справочных изданий¹ и имели статус официального государственного источника информации, и школьные учебники по отечественной истории. В первую очередь нас интересовало их идеологическое содержание, отражающее политику Российской империи в области формирования и развития государственной концепции русской истории.

Ни для кого не секрет, что история или определенная трактовка исторических событий во все времена использовались как средство управления общественным сознанием. В наши дни эти процессы осуществляются с помощью средств массовой информации и коммуникации, в том числе интернет-среды. Ярким примером здесь могут служить электронные ресурсы Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина², значительная часть которых посвящена истории становления и развития российской государственности. В XIX столетии одним из таких массовых источников по популяризации событий отечественной истории являлись календари, издававшиеся в типографии Петербургской Академии наук.

¹ Месяцесловы, адрес-календари, придворные календари, Санкт-Петербургские календари.

² Более подробную информацию о содержании электронного фонда Президентской библиотеки см. на портале www.prlib.ru.

По наблюдению С. В. Морозовой, календари, согласно европейской традиции, сложившейся в начале XVIII в., использовались для распространения научных знаний¹. Календари Академии наук издавались с 1727 г. на протяжении всего XVIII в. и вплоть до последней четверти XIX столетия и содержали различные справочные материалы и информационные статьи научно-популярного характера, нередко сопровождавшиеся иллюстрациями и картами. Входивший в их состав русский исторический календарь был призван выполнять функцию информирования, «просвещения» общества краткими сведениями по истории и культуре и в результате формировать общественное историческое сознание. Во второй половине XVIII и в XIX в. все большее внимание уделялось содержанию статей, а также, что немаловажно, трактовке в них исторических событий.

С 1770 г. академические календари стали носить общее название месяцесловов, в составе которых перечни основных исторических событий публиковались в специальных разделах. К тому времени Петербургская Академия наук начала печатать и так называемые «обыкновенные исторические и географические месяцесловы с наставлениями», в которых помещались новости о значимых достижениях в области астрономии, истории, географии, метеорологии и другие научные сведения. Позднее в приложениях к таким изданиям можно было обнаружить хронологический обзор текущих событий. Следует отметить, что календари и месяцесловы были очень важны как для самой Академии наук, так и для государства в целом. Они были весьма популярны среди читающей публики и имели значительный тираж.

В XIX в. произошло дальнейшее развитие исторического календаря, востребованность которого наряду с учебниками по отечественной истории продолжала увеличиваться. Можно утверждать, что календарь оставался широко распространенным источником знаний по русской истории и совместно со школьной учебной литературой по истории являлся действенным механизмом управления общественным сознанием. Такое положение в свою очередь дает

основание полагать, что на основе сведений учебной и популярной литературы, издававшейся государственными типографиями, мы достаточно четко можем представить направление государственной политики Российской империи в области отражения событий национальной истории вообще и 1612 и 1812 гг. в частности.

В первую очередь необходимо отметить, что подача исторического материала в календаре начала XIX в. существенно отличалась от таковой во второй половине названного столетия. Это обусловлено прежде всего тем, что национальная история в XVIII – первой половине XIX в. была ориентирована на историю всемирную и европейскую и постоянно с ней сопоставлялась. Данный факт подтверждается построением и содержанием исторического календаря указанного периода. Однако к середине XIX столетия ситуация изменилась. В 1830-е гг. из русского исторического календаря исчезли даты всемирной истории, и, напротив, в нем стали отмечаться знаменательные события из отечественной истории, которые характеризовали Россию как великую, могущественную державу.

Переориентация исторического календаря на национальную историю произошла при императоре Николае I, политика которого была направлена на укрепление российской государственности, державного достоинства власти. Именно в годы его правления в России формировалась идея сильного государства и проводились соответствующие реформы. И именно в 30-е гг. XIX в., как и в допетровский период, взоры представителей русской культуры были обращены к национальной истории.

Это обстоятельство нашло отражение и в русском историческом календаре, опубликованном в 1840 г. В нем впервые появилась дата – 862 год, «начало Руси», – ставшая с тех пор первой среди прочих¹. И не случайно там же упоминалась еще одна дата – 1613 год, «восшествие Дома Романовых на Российский престол»². С 1841 г. вместо «Хронологии достопамятных происшествий» календарь теперь показывал «Хронологию достопамятных происшествий *Российской Истории*»³.

¹ Месяцеслов на 1841 год. СПб., [1840]. С. 181.

² То же.

³ То же.

¹ Морозова С. В. Календари и месяцесловы Петербургской Академии наук как просветительский проект // История Петербурга. 2009. № 1 (47). С. 44–53.

Стоит обратить внимание на то, что в 1840 г. перерасчет лет производился все еще от сотворения мира. Но уже в календаре на 1852 г.¹ счет стали вести от Рождества Христова, что говорит об окончательной переориентации исторического календаря на национальную историю. Следует полагать, что во многом это было связано с волеизъявлением российского государя, так как «21 августа 1852 года последовал Высочайший Указ Николая I, согласно которому 862-й год получил официальный статус „начального события российской государственности“»². Данный акт свидетельствует о том, что императора волновал вопрос о характере содержания исторических сведений, передаваемых широкой публике, а точнее говоря, беспокоила их идеологическая составляющая.

Что касается событий Смутного времени, то, помимо восшествия на российский престол представителя династии Романовых, знаменовавшего окончание Смуты, в календаре за 1868 г. отражены «разрушение Москвы Поляками» и «изгнание Поляков из Москвы»³. Возможно, появление этих дат в историческом календаре было связано с польским восстанием 1863–1864 гг. и его последствиями для политической и общественной жизни России.

Похожую ситуацию можно наблюдать и на материале школьной учебной литературы, в которой трактовки официальных изданий разнятся в зависимости от смены государственной концепции представления национальной истории.

Начало становления школьного исторического образования в России в отечественной историографии принято связывать с реформами Петра I, когда наряду с духовными были открыты первые светские учебные заведения, потребовавшие создания новых учебных изданий. «Осознание уже в начале XVIII в. того факта, что без исторического знания невозможно было представить существование самой государственности, побудило реформа-

тора к активизации просветительских преобразований»¹. Начиная со второй половины XVIII столетия школьное историческое образование находилось под пристальным вниманием государства. В этот период основной учебной книгой по русской истории можно считать «Краткий российский летописец»², написанный отечественным ученым-энциклопедистом М. В. Ломоносовым совместно с русским книговедом А. И. Богдановым в 1760 г. К концу XVIII в. «Летописец» Ломоносова постепенно заменил ранее использовавшийся «Синописис»³ как издание по русской истории для широкого круга читателей⁴.

В 70–90-е гг. XVIII в. в России появился целый ряд изданий по русской истории: «Краткая Московская летопись» А. П. Сумарокова (1774), «Изображение российской истории» А. Л. Шлецера (1768; 1769–1774), «Новый Синописис» П. М. Захарьина (1798) – все эти книги выпускались небольшими тиражами в 600–1200 экземпляров⁵. Однако некоторые исследователи к первому школьному учебнику по отечественной истории этого периода склонны причислять «Краткую российскую историю»⁶ – учебную книгу, в текст которой еще до публикации в 1799 г. императрица Екатерина II собственноручно внесла свои замечания.

¹ *Топчиева В. И.* Эволюция школьного исторического образования в России (конец XVIII – XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2004. С. 18.

² *Ломоносов М. В.* Краткий российский летописец с родословием. СПб., 1760.

³ Слово «синописис» в переводе с греческого означает «общий взгляд». Следовательно, в книге было помещено краткое изложение событий российской истории.

⁴ Синописис, или Краткое описание от различных летописцев, о начале славяно-русского народа и первоначальных князьях богоспасаемого града Киева: С присовокуплением современных росписей великих князей, царей и императоров всероссийских... генерал-губернаторов, губернаторов, польских каштелянов и комендантов российских, начальствовавших в Киеве с 130 г. доныне... [Киев], 1672.

⁵ *Шлецер А. Л.* Изображение российской истории / пер. с французского Н. А. Назимова. СПб. б/г; *Сумароков А. П.* Краткая Московская летопись. СПб., 1774; Новый Синописис, или Краткое описание славяно-русского народа, владычествование всероссийских государей в Новгороде, Киеве, Владимире и Москве с подробным описанием полководцев от Дмитрия Ивановича, великого князя Московского, и о последующих за ним великих князей и царях до вступления на престол Государь императора Петра Великого. Николаев, 1798.

⁶ *[Янкович де Мириево Ф. И.]* Краткая российская история, изданная в пользу Народных училищ Российской империи. СПб., 1799.

¹ Месяцеслов на високосный 1852 год. СПб., [1851]. С. 211–214.

² *Смирнов В. Г.* Историческая справка о дате возникновения государственности в России [Электронный ресурс] // 1150 лет зарождения российской государственности. 09.02.2013. URL: <http://www.1150russia.ru/o-date-vozniknoveniya-gosudarstvennosti.html>.

³ Месяцеслов на (високосный) 1868 год. СПб., [1867]. С. 85.

Государственная идеология реформ Александра I была направлена, помимо всего прочего, на создание единой национальной системы образования. В 1802 г. указом российского императора было учреждено Министерство народного просвещения. По словам В. И. Топчиевой, «создание центрального государственного органа, сферой которого явилось образование, стало шагом, обеспечившим системную работу и ответственность государства за обучение и воспитание своих граждан»¹. Несмотря на стремление некоторых авторов первой четверти XIX столетия предложить собственную версию официального учебника по русской истории², по нашему мнению, первым учебным пособием, в котором четко и последовательно были реализованы задачи государственной политики в области отражения исторической действительности, стало «Сокращение российской истории Н. М. Карамзина в пользу юношества»³. В учебном руководстве Карамзина рассматривался ряд крупных сюжетов отечественной истории, демонстрировавших величие и могущество российской державы и убеждавших учащихся в том, что Россия во все времена держалась на сильной власти государя.

После декабрьских событий 1825 г. в российском школьном историческом образовании, как и в остальных сферах общественной жизни, был установлен жесткий контроль со стороны власти. В эти годы среди учебной литературы по отечественной истории лидирующие позиции принадлежали книгам академика Петербургской Академии наук Н. Г. Устрялова «Начертание русской истории для средних учебных заведений» и «Руководство к первоначальному изучению русской истории». Его учебники на протяжении 20 лет⁴ являлись основным учебным руководством по русской истории

¹ Топчиева В. И. Указ. соч. С. 19.

² См., например: Русская история в пользу воспитания, сочиненная Сергеем Глинкой. Ч. 1–14. М., 1818–1819 (Ч. 1–14. 3-е изд. М., 1823–1824).

³ Сокращение российской истории Н. М. Карамзина в пользу юношества и учащихся российскому языку, с знаками ударения, истолкования труднейших слов и речений, на немецком и французском языках, и ссылками на грамматические правила, изданное Августом Вильгельмом Таппе, доктором богословия и философии. Ч. 1, 2. СПб., 1819.

⁴ Устрялов Н. Г. Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб., 1839–1857; Его же. Руководство к первоначальному изучению русской истории: С историческим атласом. СПб., 1840–1859.

в средней школе. Однако в своих произведениях Устрялов руководствовался схемой изложения исторического процесса, разработанной еще Карамзиным, и часто описывал исторические события с церковно-монархических позиций.

Нарастание революционного движения в России в эпоху правления императора Александра II во второй половине XIX в. резко обострило идеологическую борьбу, затронувшую школьное историческое образование. В 1871 г. был издан Устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения, согласно которому в российских гимназиях количество часов, отводимых на преподавание истории, было сокращено. Российское правительство, понимая, каким действенным орудием социально-политического воспитания населения является преподавание истории, поддерживало издание той учебной литературы, в которой была представлена монархическая концепция исторического прошлого. «Насаждая официозные учебники, правящие круги стремились увести учащихся подальше от революционных событий современности»¹. Первыми среди таких «официозных» учебников, пришедших на смену книгам Н. Г. Устрялова, стали «Краткие очерки русской истории» и «Сокращенное руководство к русской истории» Д. И. Иловайского, приобретшего широкую известность в качестве автора учебников по русской и всеобщей истории для начальной и средней школы. Его учебники более полувека² господствовали среди остальной учебной литературы по истории в средней школе.

Несмотря на высокую популярность и авторитетность произведений Иловайского в рассматриваемый период многие учебники других авторов также были востребованы в российской школе. Во второй половине XIX – начале XX в. помимо изданий Иловайского было опубликовано несколько десятков книг по русской истории, одобренных Министерством народного просвещения в качестве учебников для средней школы. Среди литературы, на которой стоял гриф «допущено» или «одобрено» Ученым комитетом Министерства,

¹ Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории (конец XVIII в. – вторая половина 1930-х гг.). М., 2010. С. 77.

² Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории: курс старшего возраста. Вып. 1–2. М., 1860–1912; Его же. Руководство к русской истории: средний курс. М., 1862–1916.

выделялись учебники Н. Горбова, К. Елпатьевского, Ф. Новицкого, выдержавшие не один десяток изданий¹.

После событий первой русской революции 1905–1907 гг. в российском обществе началось широкое обсуждение вопросов реформирования исторического образования и поиск путей обновления школьной учебной литературы. В России появилось большое количество изданий по истории для младшего и среднего школьного возраста, в которых были отражены взгляды историков либерального и демократического направлений развития страны, принадлежавших преимущественно двум школам отечественной историографии – московской во главе с ординарным академиком Петербургской Академии наук В. О. Ключевским и петербургской во главе с профессором русской истории С. Ф. Платоновым. Содержание такого рода учебников разрабатывалось авторами, которые стремились к объективному отражению курса русской истории, отказавшись от однобокого освещения исторических событий, представленного в работах официально-государственной направленности. Повествовательно-описательный стиль изложения материала, свойственный школьной литературе XIX столетия, был значительно дополнен аналитическими рассуждениями. Новые учебники содержали также богатый иллюстративный материал. Благодаря многочисленным достоинствам такие издания были высоко оценены педагогической общественностью и во многом определили методическое построение учебных книг по русской истории вплоть до конца 1917 г.²

Оценки исторических персонажей эпохи Смуты в дореволюционной школьной учебной литературе изменялись в соответствии со сменой государственной концепции национальной истории. Наибольший интерес, согласно проведенному анализу, авторы прояв-

¹ Горбов Н. М. Русская история для начальных школ: учебное руководство для низших училищ. М., 1883–1915; Елпатьевский К. В. Учебник русской истории. СПб., 1888–1915; Новицкий Ф. Краткая русская история. СПб., 1900–1917.

² О методической составляющей учебной литературы по отечественной истории для средних учебных заведений рубежа XIX–XX вв. См. подробнее: Орловский А. Я. Школьные учебники по русской истории в России в конце XIX – начале XX в. (опыт создания и методического построения) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2002.

ляли к личностям Бориса Годунова и Лжедмитрия I. Стоит подчеркнуть, что их образы в учебниках разных эпох описаны по-разному. При этом можно отметить небольшой интерес всех источников к личности первого русского царя из династии Романовых Михаила Федоровича.

В изданиях официального толка фигуре Бориса Годунова приписываются отрицательные черты, а период его правления оценивается в целом как неудачный. Негативный взгляд на эпоху Бориса Годунова существовал в учебной литературе вплоть до конца XIX столетия. У Ломоносова читаем: «Шурин Государев Борис Годунов ради великой своей власти, злобы и гордости ненавидим стал боярами и народом <...> Царевича Дмитрия Иоанновича велел убить злодейским образом в Угличе <...> Дарами, ласкательством, обещаниями и угрозами привел к тому бояр и народ, что его на царство выбрали и посадили мимо Федора Никитича [Романова, двоюродного брата Федора Иоанновича – О. А.] <...> Царь Борис Годунов нарочно принимал клеветников и доносителей на бояр, а особливо на Романовых...»¹; и далее читаем, что «от страха Борис уморил себя отравой»², когда узнал о приближении самозванца к Москве с войском. Положительную характеристику деяний Годунова можно найти в учебнике Сумарокова («Годунов Москву выстроил еще лучше... Приказы московские старанием Годунова построены... Возвращены Ямбург, Копорье и Иван город. Годунов умножил России пышность...»³). Все авторы последующих эпох описывают государя исключительно в негативных тонах. Заметим, что и сам Сумароков в целом пишет о Годунове как о злодее, который «велел умертвить Дмитрия Иоанновича»⁴. В «Новом Синописе» Захарьина царь Борис назван хитрым («властолюбивый Годунов простирал вредоносные замыслы, и приготавливал себе путь к престолу, не щадил он хитрой лести и лицемерства, ни самых лютейших жестокостей»⁵) и трусливым («Царь Борис впал в отчаяние и сокрушаемый тяжкою горестию, внезапно скончался (некоторые уверяют, что он из

¹ Ломоносов М. В. Указ. соч. С. 35–37.

² Там же. С. 38.

³ Сумароков А. П. Указ. соч. С. 15.

⁴ Там же.

⁵ Захарьин П. М. Указ. соч. С. 310.

отчаяния отравил себя ядом)»¹). Похожая характеристика встречается и в тексте «Краткой российской истории»: «Борис Годунов проискал своими был успешен...»². Также исключительно негативно изобразил Годунова Устрялов: «...убиение царевича Димитрия, по тайному повелению Бориса Годунова, который, будучи увлечен незаконным властолюбием, решил омыть руки в крови царственного отрока, чтобы пресечь державный дом Иоанна Калиты и овладеть престолом <...> Борис Годунов не мог скрыть своего преступного участия перед судом Божиим. Общий голос народа обвинял его в злодействе»³.

В учебниках либерального и демократического направления, напротив, фигура Годунова представлена более привлекательной. Смягченную и даже позитивную оценку периода правления Бориса Годунова можно найти в учебниках второй половины XIX – начала XX столетия: в «Руководстве к русской истории» Иловайского («Царствование Бориса Годунова было несчастливо <...> притом Россию посетили страшный голод и моровое поветрие»⁴), «Русской истории для начальных школ» Горбова («Первые два года Борис Годунов правил необыкновенно хорошо, делал много добра народу, заводил сношения с европейскими государствами, выписывал в Россию разных ученых и ремесленников»⁵), «Учебнике русской истории» Елпатьевского («Распоряжения Годунова как правителя государства показывают его ум и замечательные государственные способности»⁶), «Краткой русской истории» Новицкого («Годунов был человек хитрый и очень осторожный <...> Борис Годунов правил хорошо <...> Несмотря на это, царствование Годунова было несчастливо»⁷), «Кратком пособии по русской истории» Ключевского (Царь Борис законным путем земского соборного

¹ Захарьин П. М. Указ. соч. С. 321.

² [Янкович де Мириево Ф. И.] Указ. соч. С. 132.

³ Устрялов Н. Г. Начертание русской истории для средних учебных заведений. Изд. 10-е. СПб., 1857. С. 144–145.

⁴ Иловайский Д. И. Руководство к русской истории: средний курс. Изд. 44-е. М., 1916. С. 67.

⁵ Горбов Н. М. Русская история для начальных школ. Изд. 19-е. М., 1915. С. 85.

⁶ Елпатьевский К. В. Учебник русской истории. Изд. 14-е. Пг., 1915. С. 139.

⁷ Новицкий Ф. Краткая русская история. 27-е изд. СПб., 1917. С. 41.

избрания вступил на престол»¹) и «Учебнике русской истории для средней школы» Платонова («Природа одарила Бориса большим умом и правительственным талантом. Он держал власть в своих руках умело и твердо. Получив влияние и силу в то время, когда государство было расшатано и разорено опричниной и тяжелыми войнами, Годунов устремил все свои способности на то, чтобы успокоить страну и поднять ее благосостояние. По свидетельству современников, он достиг в этом деле значительных успехов. При нем поднялась торговля, уменьшились недоимки, наполнилась царская казна. Вместо казней и оргий Грозного наступила тишина и спокойствие; люди «начаша от скорби бывшая утешаться и тихо и безмятежно жити». Приписывая такую благодать святым молитвам царя Федора, русские люди отдавали справедливость и дарованиям Бориса Годунова. Они в один голос хвалили его как умелого правителя; хвалили даже и те, которые были его политическими врагами»²; «В управлении государством Борис <...> всеми мерами стремился к восстановлению народного благосостояния, потрясенного в эпоху Грозного. Он уклонялся от внешних столкновений, не желая втягивать государство в новые войны. Он заботился об укреплении правосудия и справедливости и желал истребить лихоимство и самоуправство и оградить мирное население от насильников <...> Во время своего венчания на царство Борис взялся за ворот своей сорочки, шитой жемчугом, и в порыве чувства сказал патриарху, что и эту последнюю сорочку разделит с бедными и нищими в своем царстве. И действительно, он делал много добра и льгот простонародью»³).

Лжедмитрий I в официальной учебной литературе был охарактеризован как самозванец-авантюрист, в либеральной же – как новый по духу человек на вершине власти, отличавшийся умом и способностью решать разнообразные споры. Так, читаем исключительно негативную оценку пребывания Лжедмитрия на московском престоле в учебниках Устрялова («Вскоре он [Лжедмитрий – О. А.]

¹ Ключевский В. О. Краткое пособие по русской истории. 8-е изд. М., 1917. С. 123.

² Платонов С. Ф. Учебник русской истории для средней школы: курс систематический: Ч. 1–2. СПб., 1909–1910. С. 174.

³ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 181.

озлобил все сословия безрассудным легкомыслием: бояре негодовали на него за безпрестанные похвалы всему иноземному; духовенство за намерение отнять у монастырей поместья; народ за презрение старинных обычаев, освященных веками¹⁾ и Иловайского («Лжедмитрий предался свадебным пирам»²⁾). Постепенно к концу XIX столетия такой жесткий взгляд сменяется на более лояльное отношение к самозванцу. В литературе этого периода все больше отмечают ум и способности Лжедмитрия: «Несмотря на свой ум, Лжедмитрий был необыкновенно легкомыслен»³⁾; «Лжедмитрий сначала расположил к себе народ ласковым обхождением и милосердием <...> В думе бояре не мало дивились его уму и умению разрешать самые трудные дела <...> себя он называл не только царем, но и императором»⁴⁾; «Он [Лжедмитрий – О. А.] был умный, ловкий человек, готовый на всякое отчаянное предприятие»⁵⁾; «Первый самозванец правил деятельно и твердо <...> Он действовал слишком самостоятельно, проводил свои особые планы независимо от бояр»⁶⁾; «Некоторые из бывших в Москве при царе Дмитриии иностранцев рассказывали, что царь отличался необыкновенным умом и деловитостью, чем будто бы удивлял бояр»⁷⁾.

Оценки образов царей Федора Иоанновича и Василия Шуйского, представленные в дореволюционной школьной учебной литературе, на протяжении рассматриваемого периода не претерпели существенных изменений. Деяния царя Федора, как правило, рассматривались только с положительной стороны: «государь ходил в Ливонию с великим войском и возвратил себе Иван Город, Ямбург и Копорье»⁸⁾; «государь тихий»⁹⁾; «Иоанна Грозного все боялись, – царя Федора все любили, как святого, как человека, который только о том и думает, как бы делать добро и предотвращать зло»¹⁰⁾;

¹⁾ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 149.

²⁾ Иловайский Д. И. Указ. соч. С. 69–71.

³⁾ Горбов Н. М. Указ. соч. С. 88.

⁴⁾ Елпатьевский К. В. Указ. соч. С. 143.

⁵⁾ Новицкий Ф. Указ. соч. С. 41–42.

⁶⁾ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 125.

⁷⁾ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 186.

⁸⁾ Ломоносов М. В. Указ. соч. С. 35–36.

⁹⁾ Сумароков А. П. Указ. соч. С. 14.

¹⁰⁾ Горбов Н. М. Указ. соч. С. 81.

«учреждение патриаршества и прикрепление крестьян к земле были самыми важными делами, совершенными при царе Федоре»¹⁾; «почти все царствование Федора протекло мирно»²⁾. Напротив, образ Шуйского всегда изображался в негативных красках: Ломоносов подчеркивал его стремление к захвату власти³⁾, у Сумарокова «он был очень лукав, да и лицо ему показывать народу было противно; чего ради силою постригли его и отдали полякам...»⁴⁾, Устрялов указывал на его тщеславие («новый царь [Василий Иванович Шуйский – О. А.] сделал все для утверждения себя на престоле; но ни заслуги, ни знаменитость рода, ни государственный ум Василия не смогли водворить тишины в России»⁵⁾), другие считали его «человеком слабым и лживым»⁶⁾, «самовластным и мстительным»⁷⁾, на которого, тем не менее, «смотрели как на полуцаря, непохожего на предшествовавших государей <...> он не обладал способностями правителя и не умел действовать смело и решительно, как того требовали обстоятельства времени»⁸⁾; поэтому, по мнению авторов, «он не сумел ни успокоить народ, ни заслужить его расположение»⁹⁾.

Выход из Смутного времени оценивается всеми авторами как явление в общем позитивное: «на конец по плачевном России расхищении, какого и от Татар не бывало, старанием купца Козьмы Минина, под предводительством Дмитрия Михайловича Пожарского, а с другой стороны князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого Москва взята, и от поляков и воров очищена»¹⁰⁾; «дом Романовых для спасения России воссиявший, спешил беспримерное сделать величие»¹¹⁾; «поляки мужеством и разумом князя Пожарского покорены. А Михаил Федорович избран на царство»¹²⁾; «исхитив Москву

¹⁾ Горбов Н. М. Указ. соч. С. 83–84.

²⁾ Новицкий Ф. Указ. соч. С. 40.

³⁾ Ломоносов М. В. Указ. соч. С. 39–40.

⁴⁾ Сумароков А. П. Указ. соч. С. 19.

⁵⁾ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 150.

⁶⁾ Горбов Н. М. Указ. соч. С. 89.

⁷⁾ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 187.

⁸⁾ Елпатьевский К. В. Указ. соч. С. 145–146.

⁹⁾ Новицкий Ф. Указ. соч. С. 42.

¹⁰⁾ Ломоносов М. В. Указ. соч. С. 41.

¹¹⁾ Шлецер Г. Указ. соч. С. 14.

¹²⁾ Сумароков А. П. Указ. соч. С. 20.

из рук Поляков, Пожарский и товарищи его известили все государство о спасении града первопрестольного <...> Избранием Михаила положен предел смутам самозванцев»¹; «избрание Михаила Романа на царский престол прошло с замечательным единодушием»²; «в короткое время составилось большое войско, потому что Русские со всех концов земли спешили поступить для защиты отечества»³; «стала подниматься вся Россия: города вооружались быстро и единодушно <...> все думали о спасении государства»⁴.

Трактовка событий, связанных с Отечественной войной 1812 г. и нашедших отражение в учебной и популярной литературе конца XVIII – XIX столетий, также разнится в зависимости от смены политического курса в стране. Так, фигура французского императора Наполеона Бонапарта в официальной учебной литературе всего XIX столетия всегда изображалась в резко отрицательной форме: «Наполеон, овладев кормилом правления во Франции, обнаружил намерением поработить своей власти всю Европу <...> Наполеон, стремясь к владычеству над всею Европою, новыми самовластными поступками доказал, что он не уважал ни святости договоров, ни дружбы Российского императора»⁵; «Наполеон Бонапарт <...> заставил признать его своим императором <...> он думал, что весь мир должен ему покориться. Одну за другой объявил он войны всем европейским государям <...> многих законных государей он сверг с престолов»⁶; «Он [Наполеон – О.А.] <...> неукротимый завоеватель <...> самовластно распоряжался в 3. Европе»⁷.

Александр I, напротив, был представлен в образе спасителя Европы от Наполеона («Слава Александра, как мудрого строителя державы, тем блистательнее, что только неусыпная забота его о благе подданных могла найти и время и средства к столь многотрудному делу, среди непрестанных войн, веденных им в защиту

¹ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 160–162.

² Иловайский Д. И. Указ. соч. С. 73.

³ Горбов Н. М. Указ. соч. С. 94.

⁴ Новицкий Ф. Указ. соч. С. 44–45.

⁵ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 273–278.

⁶ Горбов Н. М. Указ. соч. С. 152–153.

⁷ Елпатьевский К. В. Указ. соч. С. 389–392.

и для спасения Европы от власти Наполеона»¹; «Александр решился освободить Европу от тяжелой власти Наполеоновой. Этот подвиг есть самое блестящее дело его царствования. Только он, равно мудрый политик и полководец искусный, равно твердый и великодушный, мог соединить государей Европейских неразрывным союзом к одной общей цели»²). Также авторами учебников отмечались и личные качества русского императора: «Он [Александр I – О. А.] был человек редкой доброты»³; «Александр при красивой наружности, величественной и благородной осанке отличался необычайной добротой, приветливостью в обхождении, искренней готовностью содействовать благополучию каждого; на всех окружающих он производил чарующее впечатление»⁴; «По характеру император был ласковый, приветливый и обладал необыкновенно добрым сердцем. С самого начала своего царствования он приобрел сильную привязанность народа»⁵; «Александр усваивал себе сентиментальные вкусы и отличался чрезвычайною мягкостью манер и обращения <...> он всегда превосходно владел собой и умел прятать свое внутренне настроение»⁶.

Кроме того, стоит отметить, что уже к середине XIX в. образ Александра I как спасителя Европы от власти Наполеона начал внедряться в общественное историческое сознание посредством массовой популярной литературы. В историческом календаре за 1841 г. впервые появилась дата «14 сентября 1815 г.» под названием «Заключение договора братского и христианского союза»⁷ – таким образом отмечалась заслуга российского императора в создании Священного Союза.

К началу XX столетия отношения России и Франции изменились и перестали носить враждебный характер, о чем могут свидетельствовать перемены в представлении исторических персонажей в школьной учебной литературе по истории. Характеристика

¹ Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 273.

² Там же. С. 282–283.

³ Горбов Н. М. Указ. соч. С. 151.

⁴ Елпатьевский К. В. Указ. соч. С. 382.

⁵ Новицкий Ф. Указ. соч. С. 68.

⁶ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 379.

⁷ Месяцеслов на 1841 год. СПб., [1840]. С. 184.

1612 и 1812 годы как ключевые этапы в формировании национального исторического сознания (по материалам учебной и популярной литературы конца XVIII – XIX столетия)

Наполеона, несколько десятилетий носившая резко негативную окраску, в учебниках второй половины XIX – XX в. сменилась на противоположную, и у некоторых авторов – даже хвалебную. Так, в учебнике Елпатьевского мы находим слова, относимые к французскому императору, – «гениальный полководец, по своим качествам превосходивший всех вождей нового времени и поставленный в один ряд с Александром Македонским, Ганнибалом и Юлием Цезарем¹; у Платонова: «[Наполеон – О. А.] был внимателен и любезен при личных встречах»².

На основании проведенного сравнительного анализа мы определили, что концептуальная направленность представления событий отечественной истории 1612 и 1812 гг., нашедших отражение в массовых дореволюционных исторических источниках (исторических календарях и школьных учебниках по русской истории), в целом является выражением государственной политики в области формирования государственной концепции русской истории. Анализ информации, заложенной в исследуемых типах исторических источников, позволяет утверждать, что календари и учебники формировали общественное историческое сознание образованной части российского общества.

Е. Б. Грузнова

Актуализация национального наследия России в связи с событиями 1612 и 1812 годов

Памятные даты во все времена у всех народов являлись хорошим поводом для переосмысления своего прошлого, актуализации своего культурно-исторического наследия. Именно поэтому 2012 г., на который выпал целый ряд юбилейных торжеств, связанных с важнейшими вехами становления и развития Российского государства, получил в нашей стране официальный статус Года российской истории. Отмечавшиеся в его рамках события так или иначе нашли отражение в деятельности Президентской библиотеки, основной целью которой является сохранение, умножение и продвижение в электронной среде информационных ресурсов, связанных с теорией, историей и практикой российской государственности и русским языком как государственным языком Российской Федерации. В сотрудничестве с партнерами проведено несколько научных конференций с интернет-трансляциями, подготовлен ряд тематических выставок, видеозаписи по экспозициям которых представлены на портале учреждения. Благодаря привлечению коллег из ведущих вузов страны проведена серия лекций в режиме открытой трансляции в Интернет также с последующим размещением видеозаписи на портале библиотеки. Непосредственно к памятным датам специалистами библиотеки подготовлены информационные материалы для разделов портала «Актуальное» и «День в истории», но главное – сформировано несколько специальных тематических коллекций, которые представляют собой структурированные подборки цифровых копий печатных изданий и архивных документов, хранящихся в электронном фонде Президентской библиотеки.

Особое место среди этих материалов занимают ресурсы, посвященные событиям Смутного времени и Отечественной войны 1812 г., поскольку они теснейшим образом связаны и с раскрытием основной тематической коллекции библиотеки в 2012 г. –

¹ Елпатьевский К. В. Указ. соч. С. 393.

² Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 390.

«Российский народ». И в 1612 г., и 200 лет спустя поднявшийся на борьбу с внешним врагом народ смог отстоять независимость своей страны, а лучшие его представители по праву заняли место в отечественном пантеоне славы. Угроза целостности и самому существованию Российского государства и национальной культуры в обоих случаях привела к активизации потребности социума в самопознании и определении дальнейших ориентиров своего развития. Огромное значение для формирования национального сознания и на рубеже XVI–XVII вв., и в начале XIX столетия имел процесс переосмысления различными слоями общества собственных культурных традиций, представлений о предназначении государства и требований к его правителям.

Подобные ситуации не раз возникали и в предшествующий период русской истории. Однако после призвания варягов в середине IX в. на протяжении всего Средневековья они не имели столь глобального характера для судеб всей страны. Та целостность, которой удалось достичь в периоды XV–XVI и XVII–XVIII вв., могла сохраниться и преумножиться в переломные моменты истории лишь при условии осознания всеми слоями общества, а не только его политической элитой, единства своей судьбы с судьбой Отечества.

На рубеже XVI–XVII столетий этому осознанию предшествовал период распада прежней системы отношений, поскольку впервые за много веков страна осталась без «природного» правителя из некогда выбранной династии Рюриковичей. Для человека Средневековья правитель был не просто политическим лидером, но символом благорасположения высших сил к стране и ее обитателям. Преждевременная смерть двух наследников Ивана Грозного (Ивана и Дмитрия) и единодушно отмечаемое в современных событиях источниках безволие третьего, Федора Иоанновича, сами по себе уже являлись признаком утраты этого благорасположения. Поэтому не случайно центральным вопросом Смутного времени стал вопрос об обеспечении государства новой властью, способной вернуть на землю мир, порядок и процветание, как когда-то это было сделано призванными на Русь варягами. И вполне закономерно, что в коллекции Президентской библиотеки «Преодоление Смуты на Руси» эта тема отра-

жена в трех из шести основных разделов – «Московское государство в конце XVI в. Причины Смутного времени», «Борьба за московский престол» и «Романовы. Воцарение новой династии».

Родственные связи с ушедшей династией сами по себе не могли обеспечить новым претендентам на московский трон надежного положения. В условиях череды голодных лет, нараставшего гражданского противостояния и внешней нестабильности ни Годуновы, ни Шуйские не могли удержаться у власти, поскольку не пользовались поддержкой широких слоев общества и не сумели доказать свою пригодность для роли «природных» царей. Для преодоления ситуации к выбору достойного, жизнеспособного и дееспособного правящего рода, как и несколько столетий назад, должны были подключиться самые разные социальные группы. Но для этого прежде должна была окончательно умереть надежда на возврат докризисной ситуации через возведение на царство истинного царя, прямого наследника Ивана Грозного¹.

Эта надежда имела столь глубокие корни в традиционном сознании, что печального опыта правления Лжедмитрия I оказалось недостаточно, и после него появилась целая череда самозванцев, каждому из которых удавалось найти своих приверженцев². Но все же для большинства населения эта надежда умерла вместе с первым самозванцем, поскольку его противники смогли задействовать в качестве доказательств его неистинности не только нарушение им русских бытовых обычаев, но и природные знамена – наступивший после убийства Лжедмитрия великий холод,

¹ Пушкарев Л. Н. Менталитет на рубеже XVI–XVII веков (Эпоха Смуты) // Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 4. Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003. С. 11–20; Уланов В. Политические и культурно-бытовые последствия Смуты // Смутное время в Московском государстве. М., 1913. С. 242–257; Ульяновский В. И. Внутренняя политика Лжедмитрия I в оценке дворянской и буржуазной историографии // Историографический сборник. Вып. 14. Проблемы политической истории России и зарубежных стран. Саратов, 1989. С. 129–131. Большинство приводимых в сносках документов представлено в электронном фонде Президентской библиотеки (прим. автора).

² См., например: Логинова А. С. Провинциальные «лжецаревичи» Смутного времени и отражение самозванчества в русской общественной мысли первой трети XVII века: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004.

который всегда связывался в народном сознании с «нечистыми» покойниками¹. Сожжение его тела, противоречившее требованиям церкви, но соответствовавшее народным представлениям о способах преодоления напастей, дало основание определенным кругам политической элиты начать поиски нового царя вовне и присягнуть наследнику правителя католической Польши королевичу Владиславу. Однако глубокий конфликт населения с пришедшими на Русь вместе с самозванцем поляками и позиция иерархов русской православной церкви превращали эту присягу в иллюзию.

Страна, прошедшая долгий и непростой путь утверждения и сохранения православия в условиях натиска иноверных конфессий, хотела видеть своим правителем только православного царя². И это желание было в полной мере реализовано благодаря ополчению всей земли (под предводительством сельского старосты Кузьмы Минина и князей Д. М. Пожарского и Д. Т. Трубецкого), сумевшему не только объединить общество и изгнать иноземных захватчиков, но и настоять на возведении на трон своего ставленника и восстановить сломанную Смутой систему общественных отношений с четкой иерархией сословий. Богоугодность деятельности ополчения подтверждалась покровительством Казанской иконы Божией Матери, первоначальное перемещение которой в стан защитников под Москву состоялось с благословения патриарха Гермогена (некогда митрополита Казанского). Именно с ней ополченцы 22 октября (1 ноября) 1612 г. освободили Китай-город, обеспечив условия для выборов новой династии. И именно эта дата со временем получила статус официально отмечаемого праздника спасения государства.

Сведения об отдельных этапах складывания праздника сохранились в специально посвященной этому вопросу окружной царской грамоте, направленной 29 сентября (9 октября) 1649 г. архиепископу Вологодскому и Великопермскому Маркеллу. В ней царь напоминал,

¹ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 123; Максим Грек. Сочинения. Ч. 3. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1910. С. 111; Маржерет Ж. Россия начала XVII в. М., 1982. С. 202; Морозова Л. Е. Образ «чужого» в представлении людей Смутного времени начала XVII века // Россия и внешний мир: Диалог культур. М., 1997. С. 22–30; Ульяновский В. И. Указ. соч. С. 125.

² См., например: Бочкарев В. Современники и Смута // Смутное время в Московском государстве. М., 1913. С. 280.

что 22 октября 1612 г. «милостию Божиею и молитвами и заступлением пречистыя владычицы нашей Богородицы, явления чудотворныя иконы Казанския, на память святого Аверкия епискупа Ерополского чудотворца, Московское Государство от литовских людей очистилось, и сего ради Божия милосердия установили праздновать пречистой Богородице, явлению чудотворныя иконы Казанския, в царствующем граде Москве, при отце нашем, блаженныя памяти при Великом Государе Царе и Великом Князе Михаиле Федоровиче всеа Руси»¹. Таким образом, первоначально освобождение страны отмечалось лишь в рамках местного, московского почитания Казанской иконы Божией Матери, которая после изгнания врага была поставлена в специально устроенном особом приделе приходской церкви князя Д. М. Пожарского на Сретенке (Введения Пресвятой Богородицы во храм). Туда ежегодно совершался большой крестный ход из Кремлевского Успенского собора, а в 1636 г. икона была перенесена в построенный на Красной площади Казанский собор².

Общегосударственное значение образ приобрел много позже в связи с другим явленным им чудом – рождением у царя Алексея Михайловича первенца. В окружной царской грамоте разъяснялось, что 22 октября 1648 г. «на праздник пречистыя Богородицы, явления чудотворныя иконы Казанския, во время всенощного пения, Бог одаровал, родися нам сын, Государь Царевич Князь Дмитрий Алексеевич; и мы указали ныне в тот день, Октября в 22 день, праздновать пречистой Богородице, явлению чудотворныя иконы Казанския, во всех городех, по вся годы»³. Рождение наследника было очень важным событием. Оно означало появление третьего поколения правящей династии, подтверждало ее жизнеспособность и правильность сделанного несколько десятилетий назад всенародного выбора. И поэтому год спустя, когда младенец смог преодолеть самый опасный с точки зрения детской смертности период, царь осмелился официально связать два важнейших для его рода и всей

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 4. СПб., 1836. № 40. С. 61.

² Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Киев, 1913. С. 421.

³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 4. СПб., 1836. № 40. С. 61.

страны события единым праздником. Наследник, благодаря которому икона получила общегосударственное почитание, вскоре умер, а отмечавшийся 22 октября день Казанской Богоматери прочно связался в обществе с воспоминаниями о преодолении Смуты.

Как показывает исследование, проведенное на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета в 2008–2009 гг., образы Смуты и Отечественной войны 1812 г. во все времена и во всех направлениях общественно-политической мысли вызывали наименьшее количество споров, являлись точкой консенсуса¹. Возможно, именно поэтому они всегда становились своеобразным эталоном для сравнения. Так, например, образы самозванцев Смутного времени оказались востребованы историческим сознанием в эпоху государственных переворотов, о чем свидетельствует труд князя М. М. Щербатова «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» (СПб., 1793), а эпоха наполеоновских войн привела к актуализации интереса к героям, спасшим Россию от захватчиков 200 лет назад².

Следствием этого интереса явилась и идея возведения памятников людям, оказавшим наибольшее влияние на преодоление той давней катастрофы, которая стала ближе в условиях противостояния с наполеоновской Францией. Большое собрание Академии художеств, определявшее характер архитектурной и художественной деятельности в конце 1802 г., в программе для скульпторов в числе первых «достойнейших к исполнению» назвало «геройские подвиги и патриотические добродетели Кузьмы Минина и князя Пожарского». А просветительская организация «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» в начале 1803 г. предложила «начертать проект для сооружения памятника Пожарскому, Минину и Гермогену» в Москве за счет добровольных пожертвований граждан. Откликнувшийся на эти призывы адъюнкт-ректор скульптурного класса Академии художеств И. П. Мартос в 1804 г.

выставил на суд публики свою первую модель памятника из глины, в которой, однако, не нашлось места Гермогену. Нижегородцы, земляки Кузьмы Минина, также решили увековечить его память на родине и в 1808 г. обратились к правительству с прошением открыть подписку на сбор средств для памятника. Совет Академии художеств поручил подготовить проекты памятника Минину и Пожарскому для Нижнего Новгорода, из которых был выбран проект И. П. Мартоса. Во всех губерниях России с января 1809 г. была открыта подписка на его реализацию; к 1811 г. сумма сбора достигла 136 тысяч рублей, из которых 18 тысяч поступили из Нижегородской губернии. К этому моменту было принято решение о необходимости установки памятника в Москве, на чем настаивал и сам И. П. Мартос, с выделением части средств на создание обелиска в Нижнем Новгороде (открыт в 1828 г.)¹.

Однако юбилейный 1812 год стал для России годом испытаний, и возведение монумента пришлось отложить. События Отечественной войны внесли существенные коррективы в первоначальную идею памятника. Ко времени его открытия в 1818 г. проект приобрел совершенно иное значение, соединив в себе память сразу о двух событиях, связанных с освобождением столицы и спасением страны. На лицевой стороне постамента горельеф изображает граждан-патриотов, жертвующих свое имущество на благо Родины, так же как через 200 лет это будут делать их потомки, а слева запечатлен автор памятника, отдающий Отечеству самое дорогое – двух своих сыновей, которым суждено было пройти через испытания 1812 г.

¹ Концепция по реконструкции и реставрации ансамбля памятника Минину и Пожарскому (скульптор И. П. Мартос, литейщик В. П. Екимов, архитектор А. И. Мельников, каменщик С. С. Суханов, 1818 г., охр. № 1/иск. 1327-р). [Электронный ресурс]. Разработана ООО «Фирма "ВИОЛе-М"» и ООО РНПЦ «РЕКОС» по заказу МОСКОМНАСЛЕДИЕ г. Москвы, 2005 г. URL: <http://viole-m.ru/works/2005/mininupozharskomu/>. См. также в коллекции Президентской библиотеки: Историческое описание монумента, воздвигнутого гражданину Минину и князю Пожарскому в столичном городе Москве: С присовокуплением именного списка особ, принесших денежные пожертвования во всех частях России на сооружение сего монумента. СПб., 1818; Монумент Минину и Пожарскому на крепостной площади в Нижнем Новгороде. Общий вид площади, фасад памятника. Акварель. 1825 (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1488. Оп. 2. Д. 980); Москва. Красная площадь и памятник Минину = Moscow. La Place rouge et le monument Minin: [фотография]. [М., 1890–1900].

¹ Структурные конфликты в историческом сознании россиян как потенциальная угроза национальной безопасности: историко-социологический анализ (Научно-практическое исследование – пилотный проект 2008 г.). Отчет. СПб., 2009.

² См., например: *Ильинский Н.* Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа нижегородского купца Козьмы Минина. СПб., 1799; *Львов П. Ю.* Пожарский и Минин, спасители отечества. СПб., 1810.

Иную роль стал играть и более ранний памятник, посвященный событиям Смуты. Мемориал расположенного на Красной площади Казанского собора органично включил в себя тему борьбы с Наполеоном. Теперь здесь разместили предметы, напомиравшие об изгнании французов, и копию пережившей нашествие и пожар Москвы иконы Св. Николая Чудотворца с Никольской башни. В 1884 г. в память о войне 1812 г. у Никольских ворот были построены две часовни, которые принадлежали Казанскому собору¹.

Но тема Отечественной войны 1812 г. не заслонила образы Смуты, актуализация которых в последующий период лишь усиливалась. В изданиях послевоенного периода появился специальный акцент на гражданской позиции лидеров ополчения начала XVII столетия². Тогда же стало важным показывать единение разных сословий, которое в полной мере проявилось и в войне с Наполеоном. Деятели науки, литературы и искусства на первый план в своих произведениях начали выводить фигуру крестьянина, в очередной раз доказавшего свою любовь к Отечеству. В 1836 г. на сцене впервые прозвучала опера М. И. Глинки «Жизнь за царя», а превращение всех крестьян в граждан страны в результате реформы 1861 г. способствовало дальнейшему росту популярности образа Ивана Сусанина³. Введение же думской системы в начале XX в. пробудило интерес общества к выборному статусу сельского старосты Кузьмы Минина и роли выборных органов

¹ Казанский собор на Красной площади. / [Сост. Смирнов С. А., Королев С. В.] М., 1992. С. XL–XLI.

² См., например: Краткое изображение бессмертных подвигов нижегородского гражданина Козьмы Минина и князя Дмитрия Михайловича Пожарского, взятое из исторических преданий тогдашних времен. М., 1817; *Глухарев И. Н.* Князь Пожарский и нижегородский гражданин Минин, или Освобождение Москвы в 1612 году. 2-е изд., без перемен. Ч. 1. М., 1852; *Извольский С. П.* Гражданин Минин и князь Пожарский, освободители Москвы и отечества в 1612 году. М., 1867.

³ См., например: *Дорогобужин В.* Костромской крестьянин Иван Сусанин, как он положил жизнь за царя. Изд. 3-е. М., 1881; *Ремезов И. С.* Костромской крестьянин Иван Сусанин. Изд. 3-е. СПб., 1882; *Самарянов В. А.* О недавно открытой, нигде не напечатанной, жалованной потомкам Сусанина грамоте. [М., ценз. 1889]; Его же. Памяти Ивана Сусанина, за царя, спасителя веры и царства, живот свой положившего в 7121 (1613) году: ист. исслед. преимущественно по неизданным источникам. 2-е изд., испр. и доп. Рязань, 1884.

в обеспечении стабильности государственной системы¹. В преддверии 300-летия освобождения Руси и юбилея Дома Романовых вновь стала актуальной идея прославления церковных деятелей Смутного времени. К лику святых был причислен духовный вдохновитель спасителей Отечества – патриарх Гермоген, хотя его канонизация потребовала специальных разъяснений². В 1910 г. Московское археологическое общество предложило установить на Красной площади памятник патриарху Гермогену и другому герою Смуты, архимандриту Дионисию, настоятелю Троице-Сергиева монастыря, однако проект не успели претворить в жизнь³. Не удалось реализовать и идею нового памятника К. Минину и Д. М. Пожарскому в Нижнем Новгороде⁴.

Революционная эпоха начала XX в. выдвинула на первый план идею гражданской активности и сделала востребованными сюжеты народных выступлений в эпоху Смуты⁵. Очередное же усиление интереса к событиям 1612 и 1812 гг. было связано с обострением международной обстановки накануне и в период Второй мировой войны, когда вновь оказались актуальными идеи объедине-

¹ См., например: *Парийский С. М.* Нижегородец Кузьма Минин Сухорук выборный вся земля и нижегородцы в 1611 году. Н. Новгород, 1911; *Бочкарев В.* Указ. соч. С. 258–284; *Уланов В.* Указ. соч. С. 242–257.

² См., например: *Булгакова Е.* Патриарх Гермоген и Троицкая Лавра // Смутное время в Московском государстве. М., 1913. С. 190–202; *Волкова Е. Ф.* Патриарх Гермоген: ист. очерк из эпохи Смут. времени. 1610–1612. СПб., 1913; *Святитель Ермоген, патриарх Московский и всея России.* М., 1913; *Соловьев И. И.* Какой смысл и значение имеет причтение святейшего патриарха Ермогена к лику святых? (В ответ недоумевающим и вопрошающим о значении этого торжества и праве на него Святейшего синода). Сергиев Посад, 1913.

³ Казанский собор на Красной площади... С. XL, прим. 240.

⁴ Каталог Исторической Мининской выставки панорамы, устроенной В. И. Бреевым для сбора капитала в фонд построения памятника Козьме Минину и кн. Пожарскому в Нижнем Новгороде. Казань, 1911; Нижегородская губерния. Проект памятника Минину и Пожарскому в гор. Нижнем Новгороде. 1913 (РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 84).

⁵ *Волькенштейн О. А.* Великая смута земли русской. 2-е изд., испр. и доп. Пг., 1917; *Коваленский М. Н.* Московская смута XVII века, ее смысл и значение: ист. очерк. 2-е изд. М., 1922; *Смутное время: очерк истории революционных движений начала XVII столетия.* М., 1921; *Фирсов Н. Н.* Смута и народ на Руси в начале XVII века. М., 1918.

ния всего общества перед лицом завоевателей¹. По наблюдению исследователей, в год 125-летия победы над Наполеоном война 1812 г. вновь стала трактоваться как отечественная (впервые после революции)².

В начале XX в. юбилеи обоих событий были отмечены выходом целого ряда специальных публикаций, в том числе и таких, которые исследовали их взаимосвязь³. Тогда многие вопросы Смуты были рассмотрены в контексте представлений о войне 1812 г.

Эта глубинная связь между двумя важнейшими событиями отечественной истории впервые была установлена на высшем государственном уровне в самом начале наполеоновского нашествия, когда стала очевидной необходимость формирования дополнительных сил в помощь действующей армии. В своем манифесте от 6 (18) июля 1812 г. Александр I сослался на опыт предков, 200 лет назад избавивших страну от неприятеля благодаря ополчению всей земли. Император обратился «ко всем... верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их... единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине

Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина»¹.

Привлечение подданных к решению задач, связанных с самим существованием государства, показывало стремление власти разделить ответственность за судьбу России со своим народом, однажды уже продемонстрировавшим свою способность принимать на себя такую ответственность. И в этом отношении представляется совершенно не случайным назначение на должность главнокомандующего М. И. Кутузова, с которым у императора складывались далеко не простые отношения и полководческий дар которого в последние годы подвергается сомнению целым рядом исследователей². Делая свой выбор, Александр I во многом шел навстречу общественному мнению, для которого Кутузов был не просто представителем блестящей плеяды русских полководцев XVIII в. На момент своего назначения главнокомандующим он исполнял обязанности выборного главы петербургского народного ополчения. Начальником своих ратников его желали видеть жители обеих столиц, о чем свидетельствуют результаты голосования дворянских собраний Москвы и Санкт-Петербурга 16–17 июня 1812 г.³. Поэтому нельзя недооценивать морально-психологическое значение принятого императором решения, благодаря которому, по сути, воспроизводилась ситуация начала XVII в., когда именно признанные обществом лидеры ополчения смогли объединить сограждан и обеспечить спасение Отечества. В начале XIX столетия страна вновь должна была выстоять, сплотив все силы под руководством того, кому она доверяла.

¹ Крестьянская война и польско-шведская интервенция в начале XVII века: материалы и док. М., 1939; Материалы к теме «Крестьянские войны и восстания угнетенных народов в XVII веке». Вып. 3. Первая крестьянская война и польская интервенция в России в начале XVII века. Смоленск, 1938; *Савич А. А.* Разгром польской интервенции в XVII веке. М., 1938. Отечественная война 1812 г.: сб. док. и материалов. М.; Л., 1941; *Савич А. А.* Разгром польской интервенции в XVII веке. М., 1938; *Сивков В. К.* Разгром Наполеона в России в 1812 году. М.; Л., 1941; *Полосин И. И.* Багратион, герой Отечественной войны 1812 года. Ташкент, 1942.

² *Чимаров С. Ю.* Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года. СПб., 2004. С. 42.

³ См., например: *Назаревский В. В.* Великие исторические годовщины 1612–1613–1812: Конец смутного времени, избрание на царство Михаила Феодоровича Романова и Отечественная война. М., 1911; Его же. Патриарх Гермоген, народные ополчения Д. М. Пожарского и К. З. Минина и избрание на царство Михаила Феодоровича Романова: К трехвековым юбилеям 1912 и 1913 гг. М., 1911.

¹ Манифест имп. Александра I от 6 июля 1812 г. о формировании внутреннего ополчения. 1812 (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 354. Л. 8об.–9); Манифест Александра I о необходимости создания ополчения в помощь русской регулярной армии, сражающейся с наполеоновскими войсками: 6/18 июля 1812 г. СПб., 1812. С. 2 (Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп. 2/8. Д. 167. Л. 24).

² *Троицкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002; *Епанчин Ю. Л.* Споры вокруг фельдмаршала: оценка личности М. И. Кутузова в современной историографии // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 7. Саратов, 2006. С. 334–336; *Васильев И. Н.* Несколько громких ударов по хвосту тигра: Операция на р. Березине осенью 1812 г. или реабилитация адм. Чичагова. М., 2001.

³ *Троицкий Н. А.* Указ. соч. С. 138–141.

И не случайно образы участников ополчения и партизанского движения, командующих и воинов регулярной армии той войны были и остаются столь востребованными в научных исследованиях и художественных произведениях. Об этом свидетельствуют и материалы, собранные в коллекции Президентской библиотеки «Отечественная война 1812 года», которые пронизаны идеей всенародного подвига. Достаточно посмотреть на названия театральные пьес XIX – начала XX в., оригиналы которых хранятся в собрании Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки¹, или на изобразительный ряд полководцев, удостоившихся чести быть включенными в Военную галерею 1812 г. (цифровые копии портретов переданы Государственным Эрмитажем). И в наши дни внимание исследователей этого периода в значительной мере привлекают вопросы общественного сознания и деятельности социальных, этнических, территориальных групп и отдельных личностей в переломный момент отечественной истории².

Самый большой раздел указанной коллекции посвящен русскому обществу. Собранные в нем документы рассказывают о подъеме патриотических настроений, помощи населения действующей армии, фор-

мировании и деятельности народного ополчения. Большинство материалов этого и других разделов представляют собой цифровые копии оригиналов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве. Так, после перевода в цифровой формат и размещения в электронном фонде Президентской библиотеки впервые стали доступны широкому кругу интересующихся историей России дела Департамента исполнительной полиции и Общества призрения разоренных от неприятеля. Содержащиеся в них документы позволяют понять, как война повлияла на экономическое положение населения, каким образом власть и общество пытались решить проблемы, которые так и не были полностью преодолены спустя несколько десятилетий после нашествия¹.

Специальный раздел коллекции посвящен увековечиванию памяти о 1812 г. В него вошли не только материалы, связанные с возведением в XIX веке памятных сооружений или празднованием 100-летия победы над наполеоновской армией, но и документы, отражающие актуальность тех давних событий для современной России².

Создание информационных ресурсов, подобных электронным коллекциям Президентской библиотеки «Преодоление Смуты на Руси» и «Отечественная война 1812 года», проведение научных мероприятий, участниками которых благодаря современным технологиям могут стать многочисленные пользователи Интернета, позволяют вновь обратить внимание российского общества на ключевые моменты его истории, дать ему возможность сверить свой путь с ориентирами предков.

¹ *Z. M. Сожженная Москва, или Герои 1812 года: [драма в 3 действиях].* Б. м., б. г.; *Вронченко А. П. Кирилловцы, или Нашествие врагов: героическая драма в 3 действиях с принадлежащими к ней хорами, сражениями и балетом.* [Б. м., 1813]; *Дингельштедт Н. Ф. Дети-партизаны. (На бой с Наполеоном): пьеса для детей в 2 д. и 3 карт.* СПб., 1912; *Зеланд-Дубельт Е. А. Дурова (Девица-кавалерист): пьеса в 5 д. и 6 картинах.* Каменец-Подольск, 1912; *Скобелев И. Н. Кремнев, русский солдат: оригинальное драматическое представление в 3 действиях.* СПб., 1839; *Федоров Б. М. Крестьянин-офицер, или Известие о прогнании французов из Москвы: драма в 2 действиях.* СПб., 1813; *Шабельский А. В. Рядовой Четвертаков, Партизан 1812 года: сцены народной войны в 3 действиях.* [СПб.], [1912].

² *Говорова А. В. Черноморское казачество в отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук.* Курск, 2009; *Дырышева И. Г. Патриотизм дворянства в Отечественной войне 1812 года: дис. ... канд. ист. наук.* СПб., 2007; *Липина И. Ю. Земское ополчение России 1812–1814 гг.: исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном: дис. ... д-ра ист. наук.* СПб., 2008; *Лобачкова М. Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг.: дис. ... канд. ист. наук.* Петрозаводск, 2007; *Скворцов А. А. Северный Кавказ в период борьбы России с Наполеоном и историческая память местного общества об эпохе 1812–1815 гг.: дис. ... канд. ист. наук.* Пятигорск, 2008; *Тюпа Я. В. Общественное мнение России в начале XIX века о наполеоновской Франции: дис. ... канд. ист. наук.* М., 2008.

¹ См., например: Дело о пожертвовании Костромского дворянства для разоренных неприятелям жителей и об уклонении некоторых дворян от взноса пожертвования: 25 ноября 1812 г. – 19 октября 1848 г. (РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Г. 1812. Д. 269). Из материалов дела видно, что в 1842 г. все еще не удавалось взыскать с некоторых уездов недоимки по суммам, выделенным во время войны Дворянским собранием для устройства ополчения, которые необходимо было покрыть вложениями дворян.

² См., например: О праздновании 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года: Указ Президента Российской Федерации от 28 дек. 2007 г. № 1755. М., 2007; В Президентской библиотеке прошла конференция о роли военных моряков в Отечественной войне 1812 года: [фоторепортаж]. СПб., 2012; Исторический календарь «Воспоминания об Отечественной войне 1812 года»: 2012. СПб., 2011; Памятники Бородино: специальный репортаж, посвященный государственному Бородинскому музею-заповеднику. [М.], 2012; Чудо-богатыри = Chudo-bogatyrī : как это было...: 1812: [документальный фильм]. М., 2005.

События 1612 года как историческое основание современного государственного праздника

В истории общественной мысли можно встретить идеи национальной исключительности, причем не только в их банальной форме национального самодовольства и самовозвеличивания, но и, если так можно выразиться, «исключительности наоборот». В последнем случае в сознании людей страна являет собою исключительный пример трагически неправильного выбора, неверно избранного пути.

В последнее время идея «исключительности наоборот» все чаще фигурирует и в отечественном общественном сознании. Так, многим памятно, как в 90-е годы политологи настойчиво объясняли беды нашего государства частой сменой Конституций. В пример же ставили США, которые приняли Конституцию в 1787 г. и с тех пор вводили в нее лишь некоторые поправки. Спору нет, наши сограждане едва осведомлены о содержании ныне действующей Конституции. Но причина здесь вовсе не в частой смене Основного закона. Почему же дипломированные политологи, как правило, умалчивали, что иной самый образованный француз не сможет вспомнить, какая по счету Конституция действует в его стране (так много их принято со времен Великой французской революции). Впрочем, это обстоятельство не лишает французских граждан ни сна, ни покоя. И уж совсем не тревожит англичан отсутствие в их стране писаной Конституции.

На первый взгляд, концепцию «исключительности наоборот» подтверждает и та сумятица, которая сложилась в нашей стране вокруг главного государственного праздника. В целом для стран современного мира характерен выбор государственного светского праздника, опирающегося на историческое событие из недавнего и главным образом революционного по своему характеру прошлого. Так, в США 4 июля празднуют День независимости (в этот день в 1776 г. была принята Декларация независимости). Во Фран-

ции 14 июля отмечают национальный праздник, связанный с событиями Великой французской революции (взятием Бастилии 14 июля 1789 г. и праздником Федерации 14 июля 1790 г.¹). 29 октября в Турции – День республики (в этот день в 1923 г. Национальная ассамблея провозгласила создание новой республики). В СССР «красным днем календаря» было 7 ноября: в этот день отмечалась годовщина Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.

Предпринимавшиеся в нашей стране на рубеже XX–XXI вв. попытки отмечать этот праздник как День согласия и примирения (Указ Президента РФ от 07.11.1996 № 1537 «О Дне согласия и примирения» // СЗ РФ, 1996, № 46, ст. 5242; с изменениями по Указу Президента от 26.11.2001 № 1360 // СЗ РФ, 2001, № 49, ст. 4611) не прижились: граждане «замиряться» не спешили и выходили на демонстрацию разными колоннами.

В результате Федеральный закон, первоначально носивший название «О днях воинской славы (победных днях) России» (ФЗ от 13.03.1995 г. № 33-ФЗ // СЗ РФ, 1995, № 11, ст. 943), а затем переименованный на ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (ФЗ от 21.07.2005 № 98-ФЗ // СЗ РФ, 2005, № 30, ст. 3109), неоднократно переделывался и к настоящему времени претерпел уже четырнадцать редакций².

Начиная с редакции от 21.07.2005 Октябрьская революция, не нашедшая себе места в тексте 1995 г., упоминается в этом законе дважды – среди дней воинской славы и памятных дат. Благодаря изменениям, внесенным 29.12.2004, в статье 1 «Дни воинской славы России» появилась формулировка: «7 ноября – День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 г.)»³. А в редакции от 24.10.2007 в статье 1.1 «Памятные даты России» было возвращено также и исходное значение 7 ноября – «День Октябрьской революции 1917 г.»⁴. Существенным оказалось то, что памятная дата, хотя и вернулась

¹ Озюф М. Революционный праздник: 1789–1799. М., 2003.

² См.: в ред. Федеральных законов от 22.08.2004 № 122-ФЗ, 29.12.2004 № 200-ФЗ, 21.07.2005 № 98-ФЗ, 15.04.2006 № 48-ФЗ, 28.02.2007 № 22-ФЗ, 24.10.2007 № 231-ФЗ.

³ В ред. Федерального закона от 29.12.2004 № 200-ФЗ // СЗ РФ, 2005, № 1, ст. 26.

⁴ В ред. Федерального закона от 24.10.2007 № 231-ФЗ // СЗ РФ, 2007, № 44, ст. 2579.

в календарь, утратила статус выходного дня, что, помимо всего прочего, делает невозможным сколько-нибудь торжественное ее празднование.

В Федеральном законе «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О днях воинской славы (победных днях) России» от 29.12.2004 № 200-ФЗ, вступившем в силу 1 января 2005 г., было сделано дополнение: «4 ноября – День народного единства».

Новый праздник, ставший «красным днем календаря», а следовательно, выходным днем, сразу же органически обрел своих почитателей. Для благочестивых православных людей подарком оказалось совпадение этого дня с отмечаемым Церковью праздником почитания Казанской иконы Божией Матери. В свою очередь Церковь в лице его святейшества патриарха Алексия II признала историческую основу светского праздника – «день изгнания польских и литовских интервентов из Кремля в 1612 г.», событие, достойное увековечения в сознании патриотически настроенных людей. Такой неожиданно сложившийся круг празднующих не удовлетворил ни либеральную интеллигенцию, ни даже некоторых законодателей, которые, как, например, Председатель Государственной Думы Борис Грызлов, высказали идею нового переноса государственного праздника на День Победы, 9 мая, – дату, которая объединила бы действительно всех граждан. Однако публицистические размышления не вылились в законодательную инициативу, и вопрос об очередном пересмотре неоднократно перекраиваемого федерального закона пока не стоит.

О том факте, что праздник 4 Ноября не устоялся как таковой в сознании российских граждан, свидетельствует отношение к нему молодого поколения. Так, в интервью, напечатанном в газете юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета «Петербургский юрист», дан обзор мнений студентов и преподавателей о Дне народного единства¹. Приведем лишь некоторые высказывания. Михаил Козленко, студент 4-го курса: «Праздник с таким идейным содержанием должен основываться на народной памяти о подвиге предков, а не на желании политиков

откреститься от некоторых фрагментов своего прошлого». Елена Валента, студентка 3-го курса: «...великий день Октябрьской революции... преследуя непонятно какие цели, подменили так называемым Днем народного единства, т. е. днем освобождения Руси от польских захватчиков в далеком 1612 г.». Полина Гальперина, студентка 4-го курса: «Отменив официальное празднование Октябрьской революции, которое было выражением коммунистических ценностей, законодатель ввел новый праздник, лишенный внятной идеологической основы. Само наличие Дня народного единства едва ли способно содействовать национальному единению. Более того, исторические события, в память которых учрежден праздник, имеют некий «антипольский» и религиозный контекст (если не ошибаюсь, 4 ноября Русская православная церковь празднует день Казанской иконы Божией Матери). В этом смысле обоснованны опасения некоторых общественных деятелей, что 4 Ноября может вызвать своего рода социальный диссонанс, негативные ассоциации у каких-то слоев населения. Но нельзя не отметить и то, что нововведенный праздник служит хорошим поводом задуматься о самоидентификации, самосознании и истинных ценностях».

Стремление переосмыслить установившиеся стереотипы восприятия официальных государственных праздников характерно не только для российского менталитета.

Во Франции в 1880 г. уходящему своими корнями в годы Великой французской революции празднику 14 Июля был придан официальный характер, и он отмечается и по настоящее время. Однако проведенное президентом Жаком Шираком в 1996 г. пышное празднование 1500-летия крещения Хлодвига показало, что за спиной у старого революционного праздника замаячила тень его конкурента – вполне консервативного и клерикального по своему содержанию¹.

Празднованию юбилея предшествовал в 1996 г. официальный визит французского президента в Ватикан. Папа Иоанн Павел II получил приглашение принять участие в торжествах в Реймсе. Президент Ширак охарактеризовал Францию как «старейшую дочь католической церкви». Общество восприняло это как

¹ Емельянова Е. 4 ноября – День народного единства // Петербургский юрист. Декабрь 2007. № 9. С. 5.

¹ Terrio S. J. Crucible of the Millenium?: The Clovis Affair in Contemporary France // Comparative Studies in Society and History. 1999. Vol. 41. No. 3. P. 438–457.

недвусмысленные знаки того, в какую сторону движется Франция. У этого движения имеется и своя социальная база. Политически эту базу оформляет система правых партий. К ним примыкают и крайние правые во главе с Ле Пеном. Разумеется, в нее входят и различные католические организации. Есть и свои интеллектуалы: значение торжеств по поводу крещения признавал выдающийся медиевист Пьер Шоню.

В работе этнографа-урбаниста Сюанны Террио получила освещение реакция на это празднование другой Франции – «дочери Революции, наследницы Просвещения и защитницы Прав Человека против религиозного догматизма»¹. Оппозицию празднованию крещения короля франков Хлодвига составляли левые интеллектуалы и политики, масонские ложи, зеленые, антирасистские движения, Французская коммунистическая и социалистическая партии и организации, исповедующие свободомыслие.

При чтении материалов, посвященных празднованию юбилея, создается впечатление, что об адресуемых российской публике категориях – «политическая корректность», «толерантность» – на самом Западе едва ли кто осведомлен. Лексика и фразеология сродни той, что можно обнаружить в некогда знаменитой работе «О значении воинствующего материализма». Иного трудно было ожидать на родине Вольтера. А в протестантской по преимуществу Америке торжества благочестивых французских католиков преподносились читателям исключительно в саркастической манере². Часто встречающийся в публикациях мотив – опасение, как бы католический праздник не задел чувств проживающих во Франции мусульман. После событий 11 сентября 2001 г. (начала борьбы с мусульманским экстремизмом и международным терроризмом) эта часть риторики значительно потускнела.

Наступательными и сознательно провоцировавшими обострения полемики были действия Ватикана. Так, избрание католической церковью 22 сентября в качестве дня празднования крещения Хлодвига вместо традиционно отмечаемого 25 декабря (Хлодвиг крещен на Рождество) было воспринято как вызов светскому обществу и своего рода реванш. Дело в том, что в этот день в 1792 г. была провозглашена Первая французская республика, которая положила

¹ Terrio S. J. Op. cit. P. 439.

² Gopnik A. The first Frenchman // New Yorker. 7 November 1996. Vol. 72. No. 30. P. 44–49.

конец монархии и провела в жизнь принцип отделения церкви от государства¹.

Все официальные государственные праздники и дни поминовения современной Турции в основе своей имеют события, связанные с жизнью и деятельностью основателя республики Мустафы Кемала Ататюрка: 19 мая 1919 г. – день, когда Ататюрк поднял вооруженную борьбу в Анатолии, 29 октября 1923 г. – день провозглашения республики. 10 ноября 1938 г. – день смерти Ататюрка (отмечается как национальный день траура). Все эти знаменательные даты носят подчеркнuto светский характер и указывают на новое рождение нации, порвавшей с наследием Османской империи.

День завоевания Стамбула (другими словами, падения Константинополя), ныне широко отмечаемый в исламистских кругах 29 мая, не является официальным праздником, хотя он признается датой, имеющей историческое значение, но отнюдь не играющей основополагающей роли в национальной истории. До недавнего времени ежегодно в этот день проходила скромная официальная церемония, на которой представители военных кругов и стамбульского муниципалитета посещали гробницу Мехмеда II Завоевателя и произносили короткие речи перед группой собранных по этому случаю солдат. Как правило, все свершалось в отсутствие гражданской публики на этой церемонии. Однако в 1994 г. картина празднования существенным образом изменилась в связи с победой исламистов на выборах в городскую администрацию Стамбула². Турецкий исследователь Алеф Чинар приводит описание этого праздника в 1996 и 1997 гг.: в программу праздника были включены парады, фейерверки, концерты для публики на площадях, научные симпозиумы и длящиеся всю ночь народные гулянья на стадионе имени президента Иненю. Изюминкой торжества стало костюмированное представление: провоз по историческим кварталам бывшей Галаты разукрашенных деревянных судов, поставленных на колеса, которые тянули на канатах загримированные и переодетые в форму османских солдат XV в.

¹ Chaddock G. R. Ancient Hero Clovis Stirs French Debate // Christian Science Monitor. 18 October 1996. Vol. 88. No. 206. P. 1.

² Çinar A. National History as a Contested Site: The Conquest of Istanbul and Islamist Negotiations of the Nation // Comparative Studies in Society and History. 2001. Vol. 43. No. 2. P. 364–391.

современные турки. Это шествие – напоминание о кульминационном моменте штурма Константинополя 29 мая 1453 г., когда Мехмеду II удалось перетащить по суше турецкий флот и спустить его на воду в бухте Золотой Рог – уязвимом месте обороны византийцев¹. Участникам этих празднеств присуща смена опоры в национальном самоопределении современных турок: от республики XX в. к глубокому османскому прошлому; от светского к религиозно окрашенному мирозерцанию.

Совершенно кошмарной для христиан представляется сцена из празднования 1997 г., когда одетая в белые одежды женщина, исполнявшая роль городской жительницы-византийки, колени преклоненно преподнесла букет цветов актеру, изображавшему Мехмеда II. Захват Константинополя, как хорошо известно, сопровождался кровавой резней, бесчинствами, обращением жителей в рабство и опустошением города, поэтому представленный на празднике фарс выглядит издевательством над памятью павших. Глубокое сожаление по поводу гибели одной из величайших в истории цивилизаций характерно не только для отечественного византиноведа, но и для современной западной историографии, преодолевшей восходящий к Э. Гиббону негативизм по отношению к Византии².

Еще более пеструю и неоднозначную картину дает обзор тех праздников в культуре западноевропейских стран, которые, утратив статус государственных, сохранились в силу инерции в виде традиций или же изначально сложились как *mores civitatis*, т. е. «обычай местности». Но при внимательном рассмотрении и здесь можно обнаружить проявление медиевистических тенденций в современности.

В городах и селениях Леванта, расположенного на средиземноморском побережье Испании, оформилась традиция «празднеств мавров и христиан». Они включают в себя красочные парады мужчин и женщин в средневековых одеяниях, рыцарские турниры, поединки на мечах. Кульминацией праздника является высадка с флотилии парусных судов мавров и бой с ними в полосе прибоя испанцев. Все это позволяет испанцам воскресить волнующие страницы национальной истории: мусульманского вторжения и последующей Реконквисты. По мнению исследователей, между группами, изобра-

жающими мавров и христиан, отсутствует антагонизм, нет никакой предопределенности, кто из жителей нынешней Испании должен играть либо мавра, либо христианина на этом празднике. Причем в разные годы участники праздника меняются ролями, переходят из одной группы сражающихся в другую¹.

На фоне такого благорасположения к «лубочным» маврам-мусульманам в празднике-игре резким контрастом выделяется реальное негативное отношение жителей Испании к современным мусульманам – марокканцам, которые на таких же утлых суденышках, какие задействованы в представлении, нелегально перебираются на испанский берег в поисках работы².

Среди множества сложившихся в Соединенном Королевстве обычаев отмечать памятные дни остановимся на двух событиях: одно из них предшествовало, а другое последовало за периодом английской революции XVII в. И хотя каждое по-своему вписалось в мифологию именно революционной эпохи, вполне уместно упомянуть их в ряду рассматриваемых нами явлений. Поразителен накал, с которым могут актуализироваться события трех- и даже четырехвековой давности.

В 1605 г. в Англии был раскрыт так называемый «Пороховой заговор», участниками которого были католики, намеревавшиеся взорвать 5 ноября Палату лордов в Вестминстере, куда должен был прибыть король Яков I, члены Тайного совета и члены Палаты общин. Во главе заговора стоял Гай Фокс. Он и другие заговорщики после провала заговора были схвачены, осуждены и казнены в Лондоне 31 января 1606 г. Парламентским актом было установлено: отмечать ежегодно 5 ноября как день благодарения за счастливое спасение³. Смысловое антикатолическое ядро праздника с годами обрастало массой обрядов – как парламентских (торжественный обход стражей, облаченных в униформу XVI в., парламентских подвалов), так

¹ *Driessen H.* Mock Battles between Moors and Christians. Playing the Confrontation of Crescent with Cross in Spain's South // *Ethnologia Europaea*. 1985. Vol. 15. No. 2. P. 105–115; *Harris M.* Muhammad and the Virgin. Folk Dramatization of Battles Between Moors and Christians in Modern Spain // *The Drama Review*. 1994. Vol. 38. No. 1. P. 45–61.

² *Flesler D., Pérez Melgosa A.* Battles of Identity, or Playing “Guest” and “Host”: the Festivals of Moors and Christians in the Context of Moroccan Immigration in Spain // *Journal of Spanish Cultural Studies*. 2003. Vol. 4. No. 2. P. 151–168.

³ James I, c. 1.

¹ *Çinar A.* Op. cit. P. 364.

² См.: *Lawton D.* 1453 and the Stream of Time // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2007. Vol. 37. No. 3. P. 469–491.

и простонародных (разведение костров, запуск фейерверков, сжигание чучела Гая Фокса). Акт оставался в силе до 1859 г., т. е. явно ущемляющий достоинство католиков праздник продолжал считаться официальным в протестантской стране еще 30 лет после ликвидации неравноправного положения католиков в политической сфере в 1829 г. Феномен отмены статута отражал процесс либерализации английского общества в викторианскую эпоху. Уже к концу XIX в. стало возможным говорить о различных версиях «Порохового заговора», а в XX в. и о возможной провокации со стороны протестантов. Казалось, что страсти вокруг этого события должны были поутихнуть и перейти в русло обычной академической дискуссии. Однако этого не произошло. Карнавальная стихия Дня Гая Фокса, точнее сказать, Ночи Гая Фокса, цепко удерживалась в народной культуре: праздник сопровождался разнузданным весельем, антикатолическими выпадами и бесчинствами, граничившими с хулиганством¹. Более того, события «Порохового заговора» в наши дни получили новое значение в свете трагедии 11 сентября 2001 г. Практически все авторы публикаций, посвященных 400-летию раскрытия заговора, затронули тему терроризма и провели параллели между двумя этими событиями². Таким образом, даже давность события начала XVII в. не смягчила остроты межконфессиональных разногласий.

Сегодня, как и прежде, английские школьники учат стишок:

*Remember, remember the fifth of November.
Gunpowder, Treason and Plot.
I see no reason why Gunpowder Treason
Should ever be forgot³.*

Созданный еще в 1795 г. и названный в честь Вильгельма III Оранского протестантский орден оранжистов преследует и ныне

цель увековечить унию Северной Ирландии с Великобританией¹. Отправление службы в ордене связано с такими датами, как 5 ноября, – высадка Вильгельма Оранского в Англии (1688), а также разгром «Порохового заговора» (1605) и особенно – 12 июля. В этот день в 1690 г. Вильгельм III в Ирландии у реки Бойн одержал победу над католическими войсками свергнутого короля Якова II. Проводимый оранжистами в ознаменование этого события марш преследует подчеркнута антикатолические цели и редко обходится без кровопролитных столкновений. Как выразился на исходе прошлого века один из жителей Северной Ирландии: «Мы хотим жить в XX веке, а нас упорно тянут в 1690 год».

Подводя итог краткому обзору, мы можем сказать, что сложившаяся в нашей стране ситуация с главным государственным праздником в принципе далека от всякой исключительности. Во всех рассмотренных нами примерах действует одна и та же мыслительная схема: попытка через голову недавнего революционного прошлого обратиться к своему «национальному» Средневековью и в его событиях обнаружить достаточно веский повод для празднования. Политологи связывают эти тенденции главным образом с набирающим силу так называемым правым популизмом. Однако не следует исключать и того, что по мере отдаления революционных событий в прошлое общественная мысль в различных странах перестает довольствоваться нарисованным в пылу полемики и сражений плакатным портретом нации. В заново осмысляемой биографии народа революция становится лишь одним из решающих моментов. Во всех странах мы видим неоднозначную по своему характеру реакцию на эти усилия: революцию нельзя отменить росчерком пера, даже если это перо в руках высоких законодательных инстанций. Во всех странах дискуссии по поводу старых и вновь вводимых праздников служат процессам самоидентификации в национальной, политической и религиозной сферах.

Нам остается уповать, что в мудрости древних *INVIDIA FESTOS DIES NON AGIT*, кроме лежащего на поверхности смысла (о ненависти, не знающей отдыха), откроется и другой: у ненависти нет праздников.

¹ Roberts D. A. The Orange Order in Ireland: A Religious Institution? // The British Journal of Sociology. 1971. Vol. 22. No. 3. P. 269–282.

¹ Sharpe J. Remember, Remember: A Cultural History of Guy Fawkes Day. Cambr. (Mass.), 2005.

² Seaward P. “Gunpowder Plot: Parliament and Treason”. An Exhibition in Westminster Hall // Parliamentary History. 2005. Vol. 24. Pt. 3. P. 376–377.

³ Мы помним не зря тот день ноября,
Когда плелся заговор подлый.
Никто не забыл, кто порох сокрыл.
И чучело жгут ежегодно.
(Перевод С. Ю. Крицкой).

Смута и развитие русской агиографии

Смутное время существенно повлияло на русскую агиографию и повествования о святых в целом. Прежде всего, естественно, влияние это было разрушительным, так как были сожжены и разорены лихими людьми храмы и обители, расхищены святыни, разграблены библиотеки крупных монастырей, в том числе в Москве, уничтожены многие из хранившихся при церквях и монастырях летописей и сказаний, часть которых существовала в единственном списке.

Следствием кризиса, поразившего Россию в начале XVII столетия, стала утрата определенного пласта житийной литературы. Достаточно распространенным оправданием отсутствия более раннего жития того или иного святого является указание на его утрату в Смуту. Например, во вступлении к «Чудесам» легендарного основателя Вологды преподобного Герасима Вологодского говорится, что более раннее житие сгорело во время разорения Вологды: «Прииде разорение граду Вологде от иноверных, тогда Житие святого и со Службою безвестно утратися»¹.

С другой стороны, подъем национального самосознания повлек за собой создание многочисленных новых произведений: житий, сказаний и повестей. В послесмутное время появляются «рописи» сохранившихся и утраченных святынь, подобные «рописи» монастырей и церквей Великого Новгорода, составленной после окончания шведского владычества в городе².

В отзыве на капитальный труд С. Ф. Платонова³ В. О. Ключевский отметил, что: «Смута поставила русских людей в такое неприглядное для них состояние, которое против их воли тревожило их

чувства и нервы и через них будило мысль»¹ и «... в Смутное время и частью под его влиянием произошел глубокий перелом в древнерусской историографии»².

События Смуты сломали многие стереотипы древнерусской культуры³, что отразилось не только в историографии, но и в книжности в целом⁴. Историографии Смутного времени посвящены многочисленные научные исследования: от классических трудов⁵ до диссертационных работ последних десятилетий⁶, и 400-летний юбилей преодоления Смуты и восстановления российской государственности стал определенным толчком для возобновления изысканий в этой области⁷.

Агиографической литературе времени Смуты свойственен ряд характерных особенностей. Так, Смутное время – эпоха расцвета жанра «видений»⁸. Замечательное литературное явление, характерное именно для послесмутного времени, – возникновение текстов отчасти биографического, отчасти агиографического характера, посвященных не канонизированному святому, но выдающимся общественным деятелям. Наиболее яркий пример: вскоре после событий Смуты была создана «Повесть о князе Михаиле Васильевиче Шуйском», представляющая собой по существу житие князя-воеводы⁹.

¹ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 томах. М., 1989. Т. 7. С. 123.

² Там же. С. 126.

³ Буланин Д. М. Шаховской Семен Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 280.

⁴ Солодкин Я. «Книга» Авраамия Палицына о Смутном времени в исторических повестях, житийной литературе и эпистолографии XVII века // Научные труды Нижневартковского гос. пед. ин-та. Сер. История. Нижневартковск, 1999. Вып. 1. С. 93–96.

⁵ Черепнин Л. В. «Смута» в историографии XVII в. // Исторические записки. М., 1945. № 14. С. 81–128.

⁶ Воскобойник Н. И. Отражение общественного сознания Смутного времени в агиографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.

⁷ Терешкина Д. Б. Концепт «Смута» в русской агиографии (доклад на конференции «Пятье Кремлевские чтения "Военная история России: мифы, факты и память"». Казань, 21–23 ноября 2012 г.).

⁸ Кузнецов Б. В. События Смутного времени в массовых представлениях современников: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁹ Русская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1909. Т. 13. 2-е изд. Стр. 1323–1332; Богданов А. П. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. М., 1998.

¹ Повесть о чудесах Герасима Вологодского // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 603.

² Никольский А. Описание святой Софии в Новгороде и святыни древней Велико-Новгородской области (до 1654 г.) // Вестник археологии и истории. СПб., 1901. Вып. 14. С. 219–226.

³ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888; 2-е изд.: СПб., 1913.

События Смуты оказались центральными в целом ряде житий, посвященных мученикам, исповедникам и подвижникам этой эпохи. Первым здесь следует назвать Житие царевича Димитрия, почитаемого заступником Русской земли. Первоначальная редакция жития была создана в 1606 г. и оказала большое влияние на исторические сочинения, посвященные Смуте, прежде всего на «Иное сказание», а через него – на другие значительные летописные проекты XVII–XVIII вв.¹

Некоторые из житийных памятников, повествующие о событиях и героях Смуты, возникли гораздо позже, в середине – второй половине XVII века: это Житие архиепископа Астраханского Феодосия, по преданию, смело обличавшего Лжедмитрия I², жития погибших в 1612 г. во время разорения Вологодчины игуменов – основателей монастырей, преподобномученика Галактиона Вологодского³ и Евфросина Синозерского⁴. Наиболее известное произведение этого ряда – созданное Симоном Азарьиным Житие игумена Троице-Сергиевой лавры Дионисия Зобниновского⁵. В отдельных житиях, как, например, в Житии преподобного Иринарха Затворника, упоминается о благословении, данном святым на борьбу с интервентами⁶.

События Смутного времени рассматриваются в поздних редакциях памятников более раннего времени. Так, в одной из редакций Жития Макария Желтоводского можно найти описание эпизода боевых действий (поражение Лисовского под Юрьевцем)⁷. «Повесть о избавлении града Устюга Великаго от безбожные литвы и от черкас,

как з Двины шли»¹ была использована при создании одного из чудес Жития Прокопия Устюжского; эпизод, повествующий о разграблении Усть-Шехонского монастыря, вошел в повесть «О зачале и создании Троицкого монастыря, что на Усть-Шексны реки...»²

Иногда память о подвижнике по прошествии нескольких десятилетий практически исчезает: так, в чудесах иерея Петра Черевковского, запись которых велась начиная с 1656 г., о жизненном пути новоявленного святого ничего не сообщается. И только из позднейшего устного предания и указания в тропаре можно сделать предположение, что он принял мученическую смерть от иноземных захватчиков: «Благодерзновенно обличил еси законопреступных ляхов... и томления многа претерпел еси за благочестия исповедание даже до крове...»³

О событиях Смутного времени повествуют сказания о явлении икон, такие как, например, вошедшее в состав Новгородской третьей летописи «Сказание о осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 году»⁴, «О приходе польско-литовских войск под Устюжну Железнопольскую»⁵, «О Новом девичьем монастыре в Ярославле и о чудотворном образе Казанской Богоматери»⁶, «Чудо и икона Богоматери Корсунской Торопецкой»⁷, «О иконе Богоматери Бобаевской»⁸.

¹ Кукушкина М. В. Новая повесть о событиях начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 374–387.

² Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. Сб. статей. М., 2000. С. 187–209.

³ Ромодановская Е. К. «Святой из гробницы»: О некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 143–160.

⁴ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 405–448.

⁵ Токмаков И. Ф. Историко-статистическое и археологическое описание города Устюжны с уездом Новгородской губернии. М., 1897. С. 113–128.

⁶ Турилов А. А. Малоизвестные памятники ярославской литературы XIV – начала XVIII в.: (Сказания о ярославских иконах) // Археографический ежегодник (АЕ) за 1974 г. М., 1975. С. 168–174.

⁷ Шукин В. Д. Корсунско-Богородицкий собор в городе Торопце Псковской епархии. СПб., 1894. С. 32–47; Сиренов А. В. Легенда о Торопецкой иконе Богоматери // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2009. Вып. 1. С. 3–11.

⁸ Буланин Д. М. Иоанн (сер. XVII в.) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 435–436.

¹ Солодкин Я. Г. Житие Димитрия Углицкого // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 340.

² Белоброва О. А. Житие Феодосия Астраханского // Там же. С. 393–394.

³ Соколова Л. В. Житие Галактиона Вологодского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. XVII в. Вып. 3. Ч. 1. С. 337.

⁴ Житие преподобного Евфросина Синозерского / Подг. М. Ю. Хрусталев // Чагода: Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1999. С. 235–260.

⁵ Канон преп. отцу нашему Дионисию, архимандриту Сергиевой лавры, Радонежскому чудотворцу, с присовокуплением жития его. М., 1855.

⁶ РИБ. Т. 13. Ч. 1. Стб. 1349–1416.

⁷ Поньрко Н. В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. – ревнители благочестия // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Л., 1990. Т. 43. С. 59–63.

С эпохой Смуты и оценкой этой эпохи в последующий период связано установление празднования Казанской иконы Божией Матери – одного из палладиумов Российского государства. В Москве празднование Казанской иконы Богородицы было установлено в память событий 22 октября 1612 г. – дня освобождения Китай-города от поляков, а с 1649 г. оно приобрело общегосударственное значение¹.

Следует указать и на косвенное влияние событий Смуты на исторические и агиографические памятники. Утрата старых текстов послужила поводом для сбора сохранившихся и создания новых. На период 1620–1650-х гг. приходится расцвет русской провинциальной агиографии и формирование крупнейших агиографических сводов: в 1620-е – начале 1630-х гг. – миней Германа (Тулупова) и позднее, во второй половине 1646–1654 гг., – миней Иоанна Милютина².

Вряд ли простым совпадением можно объяснить выпуск сразу нескольких изданий, включающих житийные памятники, в том числе первого издания Жития Сергия и Никона Радонежских (М., 1646), и появление во второй трети столетия многих новых памятников, посвященных сохранившимся местным святыням. Вероятно, одним из толчков к созданию таких сводов стала инициатива «сверху»: в печатном Трефологионе 1638 г. упоминается о рассылке по монастырям царской грамоты с распоряжением записывать известия о местных святынях и чудесах от икон. В той или иной мере распространению житийной литературы и сказаний о святынях способствовали патриархи Филарет, Иосиф, Никон, Адриан, а также епархиальные архиереи и игумены монастырей. В этих благоприятных условиях возникали пантеоны святынь и региональные своды агиографических памятников.

В целом послесмутное время – эпоха расцвета региональной агиографии. В XVII – начале XVIII в. были написаны жития многих

основателей обителей в Северной и Центральной России, живших в XV–XVII вв. Часть из них представляет собой более или менее искусные компиляции, иногда подробные и литературно обработанные, иногда же напоминающие, по замечанию В. О. Ключевского, «необработанную записку без литературных притязаний», сопровождаемую «длинным и сухим перечнем чудес»¹. Продолжают создаваться жития князей, особенно живших в XII–XIII вв.; святителей XIII–XVI вв.; праведных мирян, в том числе «младенцев» и жен, юродивых.

Эпоху расцвета пережил в XVII в. жанр сказаний о чудесах святых, о жизни которых ничего известно не было, кроме явления мощей и последующих чудотворений.

Достаточно распространено мнение, что XVII век стал временем упадка, или, по выражению Г. П. Федотова, «утечки» русской святости². Однако эпоха после Смуты, напротив, стала временем сохранения памяти о святости. Святых, прославленных в XVII в., не стало меньше; стало меньше подвижников, живших в XVII в. и причисленных впоследствии к лику святых, поскольку прославление их должно было прийти на вторую половину XVII – XVIII в., но в связи с расколом Русской православной церкви и наступлением нового, синодального, периода оказалось отложенным на два-три столетия. Но это тема для другого исследования.

¹ Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 109; Чугреева Н. Н. «И бывает ход большой»: О почитании иконы Богородицы Казанской в царствование Михаила Феодоровича // Светильник: Религиозное искусство в прошлом и настоящем. 2003. № 2–3. С. 23–52.

² Иосиф, архимандрит. Оглавление Четых Миней священника Иоанна Милютина. М., 1867.

¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 341.

² Федотов Г. П. Святые Древней Руси. СПб., 2004. С. 238.

Осада Курской крепости в 1612 году в «Повести о граде Курске» XVII века

События, происходившие на южной окраине Московского государства в начальный период Смуты, детальным образом рассмотрены в исторической литературе. Исследователями подробно проанализировано движение Лжедмитрия I через южнорусские уезды, описаны мятежи, вспыхнувшие в северских и польских городах после появления самозванца. В гораздо меньшей степени известно об истории этого края в последующие смутные годы.

Одним из значимых для юга России событий, пришедшимся на начало 1610-х гг., стала осада Курской крепости¹ польско-черкасским войском (черкасы в его составе, возможно, даже преобладали). Этот факт местной военно-политической истории получил широкое освещение в курской историко-краеведческой литературе еще с конца XVIII в., однако излагался он, как правило, в пересказе², а не по первоисточнику, которым является рукописная «Повесть о граде Курске».

Эта повесть – древнейший историко-литературный памятник южновеликорусского происхождения, дошедший до наших дней. Она относится к циклу распространенных на Руси произведений, посвященных чудотворным иконам. В своей наиболее полной редакции «Повесть» была составлена, вероятно, в 1660-е гг. (последние по времени события, описанные в ней, относятся к 1660–1662 гг.) Имя ее автора неизвестно, однако можно с уверенностью утверждать, что он был жителем Курска, который он неоднократно называет «нашим градом».

В основу «Повести» положен хронологически последовательный рассказ о чудесах, совершенных Курской иконой Знамения. Только этим, однако, содержание произведения не исчерпывается, поскольку его автор, помимо изложения истории самой иконы, стремился осветить и наиболее значимые моменты в исторической судьбе Курска и Курского края начиная с эпохи Киевской Руси.

Источниками «Повести» были прежде всего «Сказание Авраамия Палицына» (на него ссылается сам автор), жития Феодосия Печерского и митрополита Петра, Киево-Печерский патерик, «Сказание о Новгородской иконе Знамения Божией Матери», царские грамоты XVII в., хранившиеся в Курском Знаменском монастыре, записи о чудесах Курской иконы, а также устные предания, в том числе об осаде Курской крепости в годы Смуты¹. Включение в «Повесть» пространств заимствований из «Сказания Авраамия Палицына» связано со стремлением ее автора показать события Смуты, происходившие в Курском крае, в контексте общерусского исторического процесса.

Известно восемь списков «Повести» (семь самостоятельных и один в составе сборника), хранящихся в Государственном историческом музее (Уваровское, Чертковское, Щукинское собрания), Российской государственной (Румянцевское собрание) и Российской национальной (Основное собрание рукописной книги) библиотеках. Два списка относятся к XVII, пять – к XVIII и один – к XIX вв.

«Повесть» была известна Н. М. Карамзину². Ссылки на нее встречаются также в трудах В. О. Ключевского и А. С. Лаппо-Данилевского³. Харьковский историк Д. И. Багалея, орловский археограф И. Е. Евсеев, курские краеведы А. А. Танков и Н. П. Сенаторский, а также автор этих строк посвятили рассматриваемому памятнику специальные источниковедческие работы⁴.

¹ При описании осады автор «Повести» отмечает: «И много в ту ночь противни на град ратовали и ничто же успеха сотворити и такую себе язву восприяша, яко нецый поведаша ми (выделено нами. – А. Р.), в ту ночь их избиенно быша до 9000...»

² Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 235, 355.

³ Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций в трех кн. М., 1993. Кн. 1. С. 518; Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 80.

⁴ Багалея Д. И. Повесть о граде Курске и Курской иконе Знамения Божией Матери // Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1888 г. Курск, 1887. С. 258–271; Евсеев И. Е. Повесть о граде Курске. Орел, 1905; Танков А. А. Историческая заметка о сказании об иконе Знамения Божией Матери, рекомой Курской // Курские епархиальные ведомости. 1891. Ч. неофиц. № 35, 36, 39, 40; Сенаторский Н. П. Исторические сведения о Курской чудотворной иконе Знамения Пресвятой Богородицы и о явленных ею благодатных действиях милости Божией // Там же. 1912. Ч. неофиц. № 32–35; Раздорский А. И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII века // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 141–154.

¹ Основана в 1596 г. на «старом Курском городище» древнерусского времени.

² Наиболее подробно обстоятельства осады по материалам «Повести» изложены А. В. Зориным (см.: Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. / А. В. Зорин и др. Курск, 2008. С. 484–493).

Материалы «Повести», в том числе касающиеся известий, связанных со Смутой, использовали в своих трудах практически все курские историки и краеведы дореволюционного времени начиная с И. Ф. Башилова и С. И. Ларионова¹. Настоятель Курского Знаменского монастыря Амвросий (Гиновский) пересказал основные сообщения «Повести» в своей книге «История о городе Курске», вышедшей в свет в 1792 г.² Однако до сих пор «Повесть» не опубликована. Ее научное издание по всем известным спискам планирует осуществить автор настоящей статьи.

Значительное место в «Повести» занимает описание событий Смуты как общерусского масштаба (они изложены в основном по «Сказанию Авраамия Палицына»), так и местных, курских. Ключевое значение здесь имеет составляющий особую главу рассказ об осаде Курска 70-тысячным польско-черкасским войском (его численность явно завышена), успешно отраженной защитниками города благодаря помощи божественных сил.

В «Повести», а также в грамоте царя Михаила Федоровича, данной в 1613 г. курскому губному старосте Афанасию Мезенцову (этот документ подтверждает известие памятника о нападении на город поляков и черкас)³, осада Курской крепости датируется 7120 г., что в пересчете на современное летоисчисление охватывает период с сентября 1611 по август 1612 г. По мнению А. В. Зорина, это событие произошло в первые зимние месяцы 1612 г.⁴ Сам факт нападения врагов на город автор «Повести» объясняет тем, что многие куряне

«в веселии пребывающе и повеленной пост <...> несохранением обругаша», за что и были наказаны. Ранее мы полагали, что имеется в виду пост, объявленный Земским собором, созванным для избрания нового царя в феврале 1613 г. Однако, как указал А. В. Зорин, речь в «Повести» идет вероятнее всего о другом посте, объявленном еще осенью 1611 г. В это время по всей России распространились слухи о видении, явившемся в Нижнем Новгороде «некоему мужу по имени Григорию». Согласно этому видению, Московское царство и все православные христиане могли спастись только если «люди по всей Русской земле покаются и станут поститься три дня и три ночи, не только старые и молодые, но и младенцы», а если же не покаются и не станут поститься, «то все погибнут и царство разорится». Духовенство всячески поддерживало эти слухи, и в итоге по приговору всей земли было определено в понедельник, вторник и среду ничего не есть и не пить, а в четверг и пятницу есть всухомятку. В «Повести» же сказано, что враги появились у стен Курска «егда же оно се заповеданныя три дни среды преидоша и в день среды в вечеру».

В качестве предводителя польского войска, осаждавшего Курскую крепость, в «Повести» назван гетман Жолкевский («Желтовский»). В историографии высказывались обоснованные сомнения в том, что осадой руководил именно гетман Станислав Жолкевский, поскольку сам он ничего не пишет об этом в своих записках¹. Д. И. Багалея указывал, что «если автор “Повести” разумеет здесь Ст. Жолкевского, то нужно прямо сказать, что это неверно – ни в 1613 г., ни в 1617–1619 г., во время прихода Владислава в Моск[овское] гос[ударство], его не было при войске; главным предводителем тогда был К. Ходкевич; один Жолкевский упоминается в качестве предводителя польской армии в Московских пределах, но это был молодой Адам Жолкевский, приходивший сюда еще до воцарения Михаила Федоровича»². Не мог осаждать Курск и казачий гетман Сагайдачный, также упоминаемый в «Повести», поскольку его войско прошло через Курский край только в 1618 г. Н. П. Сенаторский предполагал, что осадой возглавлял А. Лисовский³.

¹ См.: Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. 2-е изд. СПб., 1871.

² Багалея Д. И. Указ. соч. С. 270–271.

³ Сенаторский Н. Указ. соч. С. 893.

¹ Башилов И. Ф. Описание Курского наместничества, вообще, и порознь: всякого города и уезда, с планами городам, и картами уездам. Сочиненное в 1785-м году курским губернским землемером, поручиком Иваном Башиловым // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. «Военно-ученый архив» (ВУА). Д. 18001. Л. 22-23; Ларионов С. И. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известиях вкратце, собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества верхней расправы прокурором. М., 1786. С. 12.

² Амвросий (Гиновский). История о городе Курске, о явлении чудотворной Знамения Пресвятыя Богородицы иконы, нарицаемая Курская, о Курском Знаменском монастыре и его настоятелях: Сочиненная в 1786 году из разных рукописей, грамот царских и патриарших, также и из рукописного летописца в Курском Знаменском монастыре находящимся. Курск, 1792.

³ См.: Сенаторский Н. Курский Знаменский монастырь // Курские епархиальные ведомости. 1913. Ч. неофиц. № 45. С. 893.

⁴ Очерки истории Курского края... С. 487.

А. В. Зорин отмечает тот факт, что в 1612 г. под Курском действовали отряды полковников Родкевича и Старинского. Первый захватил двух пленников, второй – двадцать пять. Такое количество пленных свидетельствует о крупномасштабных боевых действиях, что вполне можно соотнести с длительной осадой Курска. Один из указанных полковников, по мнению А. В. Зориной, и стоял во главе осаждавших¹.

Текст главы «Повести» об осаде Курской крепости был впервые опубликован (с небольшими купюрами) в 1887 г. Д. И. Багалеем по одному из списков, находящемуся ныне в Уваровском собрании Государственного исторического музея². В 2001 г. была издана книга «Порубежье. Курский край в XVII в.», в приложении к которой был приведен текст указанной главы³. Издание вышло тиражом 117 экземпляров, является в настоящее время библиографической редкостью и имеется даже не во всех федеральных библиотеках.

В настоящем сборнике публикуется текст главы об осаде Курской крепости (заново сверенный и отредактированный) без каких-либо сокращений по списку середины XVIII в., входящему в состав Основного собрания рукописной книги отдела рукописей Российской национальной библиотеки⁴.

(л. 68 об.) **О нашествии на сию страну гетманов с полскими и литовскими и черкасы и о приходе к граду Курску и о запалении болшого града и о стоянии и о чудеснем явлении.**

(л. 69) И сия же воспомянув на предлежащей яко в лето 7120-го году от малороссийскаго киевския страны на украиняя города бысть нахождение литовских гетманов Саадашнаго и Желтовскаго со множеством воинства. Саадашни же с воинством своим из града Путивля поиде на Болхов, на Белев, на Лихвин, на Перемышль, на Калугу и многа зла там сотвори и православных христиан кровопролития. И от Колуги возвратися вспять, шествоваше к Киеву, на Бел-

град чрез Курской уезд в верх реки Пола¹ на Думчей курган. И егда же мимо града Курска шествовал, тогда к гражданам во ин присла от себе дву человек, объявляя, яко он града Курска уезду и в нем живущих воинству своему заповеда ни единого зла сотворити. Желтовский же из града *(л. 69 об.)* Путивля войск своих с полками поиде на Рылск, на Орел и оттоле воинство свое под многие страны и грады разосла, и оны раззорению предаша и православных христиан крови множество пролитие оучиниша. Зане воинство его нецый поведает, яко числом бе до 70 000, а сего града Курска людие, яко овцы, егда сердца их во благих разблажаше, тогда никако же напасти на ся мнеша быти и в земных делесех, в веселии пребывающе, и повеленной пост мнози несохранением обругаша и ничтоже се преступление заповеди вмениша. И егда же оно се заповеданныя три дни среды преидоша, и в день среды в вечеру оны, гетман Желтовский с воинством своим под град Курск приидоша. А в то время в Курске бе столник и воевода Георгий Игнатъевич *(л. 70)* Татищев². И сего града уездных и посацких людей многих от града сего внезапным своим пришествием от града отлучиша, и человецы вси кийждо побеже во инья окрестныя грады, комуждо ко граду скорейше дойти могуще. И абие же в той час воинству своему повеле ко граду приступити, и зело ратоваша крепце и от речки, рекомой Кур, и болшого града Георгиевския врата и ту часть стены и от Божедомския слободы часть града запалиша. Граждане же, то видевше много сопротивных воинств и крепкое их к сему граду ратование, а во граде малолюдствия, а градом великость зане бе, во оно время множества ради живу-

¹ Так в ркп. Должно быть: *Псла*.

² Татищев Юрий Игнатъевич (? – не ранее 1629), курский воевода в 1612–1616 гг. Рюрикович (23-е колена). В 1614–1616 гг. находился в Курске на воеводстве совместно с М. И. Сафоновым. В 1604 г. пожалован в стольники. В 1618 г. послан в Калугу к кн. Д. М. Пожарскому, но по местническим счетам отказался от поездки, за что был бит кнутом. В том же году находился в Москве во время ее осады польским королевичем Владиславом, был за это награжден вотчиной. В 1619 г. получил титул наместника Курмышского и был послан первым уполномоченным в Торопец и Велиж межевать совместно с польским комиссаром государственную границу между Россией и Речью Посполитой. В 1625 г. находился в Серпухове у городского дела, в 1626 г. – воевода в Вязьме. В 1629 г. пожалован поместным окладом в 1000 четвертей и денежным окладом в 90 руб. (см.: *Раздорский А. И.* Князья, наместники и воеводы Курского края XI–XVIII вв.: Крат. биограф. справ. Курск, 2004. С. 46–47).

¹ Очерки истории Курского края... С. 485.

² *Багалей Д. И.* Указ. соч. С. 262–269.

³ *Зорин А. В., Раздорский А. И.* Порубежье: Курский край в XVII в. Курск, 2001. (Курский край; Т. 6). С. 294–302.

⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Основное собрание рукописной книги (ОР РНБ. ОСПК). Q.IV.10. Л. 68 об.-80.

щих, два забрала едино величайше и велие крепость велику имуще, а малое зело крепость от ветхости не имуще, но за великою граждан малости, еже (л. 70 об.) градов всих во время ратования объяти быша явлением, великий и твердейши град он оставя, а сами вси в малый и нетвердый град поидоша, идеже бе прежде сей образ Пресвятыя Богородицы обиташе. Зане аще он и худейши онаго града, яко и во иных местех, и стены от Куровой по Меловую башню мало где что имуще немогуще его во оно время осадное людми объятии, и худыя места вскоре разъяв храмины утвердиша. Видевше еже граждана вели град изоставиша, возмнеша, яко граждана убоия их на нь пришедших, оставя грады, побегоша и абие напрасно во нь вскочиша. И егда же во град он запаленный внидоша и к малому поидоша, граждана же уготованный ту на брань бывши на сопротивных устремишася, и велие между ими бысть сражение и (л. 71) пролитие крови сюду и сюду, а наипаче на православных христиан и жен и детей велия в том времяни крови пролияся. И егда противнии се видящее, еже граждана из града вон не побегоша и от них во осаде в малой крепости седоша, и сей малый град обступиша всюду твердым обступлением и ратоваша крепким ратованием и жесточайшим ко граду приступлением, хотя во оно время сей град взяти и множество воинства своего на оном месте изгубиша. И видящее, яко сего града приступлением взяти невозмогаша, но и много воинства погубиша, умыслиша да лестию возмогут сей град одолети, некоего же от вои своих прислаша града сего к воеводе и ко гражданам о здаче говорить. И сей, иже гражданом зрители, «елико же нашего множество воинства и что сего дня сотворили болшую вашу и твердейшую (л. 71 об.) крепость взяша, и во многих от вас избиша, а сего ли худейшаго града не имам преодолети, но аще вы живота своего не пощадите и града сего не здадите, то завтра сей град без всякаго закоснения восприимем и без всякаго милосердия всех вас и до сущих младенцев предадим смерти, аще ныне града сего не имате здати, то впредь от вас ваше прошение никако же может быти приятно¹, зане и без ваша здачи сей град восприимем». Граждане же от присланнаго оные словеса слышавше рекоша: «Яко никако же вам сей град имамы здати, но вси желательный есмы за имя Христово помрети». И они,

¹ Так в ркп. *Принято?*

присланнии, поведаша гетману Желтовскому, яко граждане никако же помышляют града здати. Желтовский же повеле воинству своему с пятка под субботу заутра ко граду приступиша от Пятницких (л. 72) врат. Граждане же, видяще их напрасно суровое ко граду оустремление, половину сих врат землею засыпаша, заповеда во граде в сем всюду молчание сотворити противу вопрошения противных на отвещание готовым быти. И донеле же от тое Пятницкие башни вестно о том стрелянием сотворится и по оному завещанию вси тако сохраниша. И егда же противнии ко граду приближашася и уготованным древом хотеша врата низвергнути и стену града подсеками, и в то время напрасно вси противным изо много оружия отповедь учиниша и многих вечно спать сотвориша. И много в ту ночь противнии на град ратовали и ничто же успеха сотворити и такую себе язву восприяша, яко нецый поведаша ми, в ту ночь их избиенно быша до 9000 обаче и тако ратовати града сего не оставаша, (л. 72 об.) но и до седмицы ко граду сице чиниша. Граждане же се видяще, яко противнии град сей ратованием крепце облегоша, со женами и детми притекоша в соборную церковь Воскресение Господа нашего Иисуса Христа и в пределе Пресвятыя Богородицы, идеже прежде обиташе образ ея чюдотворный и многое моление и слезы приносяще пребывше даже до оутреннии. И в то время к народу, пребывающему в молении, некая жена притекши и народу поведаше, яко тоя нощи явилася ей Пресвятая Богородица и повеле ей поведати им, гражданом, дабы рукав, иже к Меловой башне, и безверховую башню града спалити, а аще не спалят, то град сей от противных взят имать быти, аще ли спалят спасется. Слышав же се, народи возвестиша воеводе. И во оно же время белгородской пушкарь именем (л. 73) Иоанн по реклу Москвитин поведаша народу, яко сея нощи зело страшно и преславно чюдо оно видящее, яко от Пятницкия башни по забралу града шествовала в преизящном свете девица, а со обою страну ея два юноша в светлых ризах, да знавает он, яко се шествовала Пресвятая Богородица, град сей от противных защищая. И слышавше се, народи вси удивишася и прославиша Бога и Пречистую Богородицу возблагодариша, и со образом Пресвятыя Богородицы сей град по забралу со многим молением и слезами вкруг обыдоша. И вскоре по завещанию Пресвятыя Богородицы от

онья башни до другия заграда древесы и излишнюю стену с Меловою башнею запалиша. Узревше же, сопротивнии напрасно град конницею и пешцы окруживше, чающе граждан, убоаяся их, побежали, и видевше, яко нигде же по дорогам из града сему со все страны приступати, (л. 73 об.) а наипаче же с того зазженного места, и на оном месте зело множество противных победиша и смерти предаша. И отголе противнии день от дни злохитростное свое на взяти града хитрости, дающе гражданиом тягость велию крепким своим обступлением сотворяюще, яко шанцами всюду окруживше и воду отнявше. И мнози от жажди велию тягость терпяще и снега не могуще на оутоление жажди изыскати. И премилостивый Господь Бог даровал на препитание множество снега, но и тем вси жажди не утоляюще, но не и едина тая болезнь на граждан належаще, но и на сопротивление к противников и зелие зело бысть скудно. А от противных начасте приходаше и гражданиом о здаче глаголаше и се прорицающе, яко они, не взяв града, никако же имут безделни одступити. (л. 74) И видяще их на оное их советование граждан непреклонение во един от дней и се рекоша, яко вскоре к ним на помощь великий гетман Потоцки со множеством войск ко граду сему прийтти имать, и пришествию его и место назнаменуя в близкости быти от града Курска, и аще той велий гетман приидет, то уже никако над вами им никакия милости явити, но, восприяв град, всех предаст вы ни единым милосердием мечю изозщренному. Слышавше же се, граждане устрашишася и видяще себе в толикой велий беде и злострадании, а наипаче же от жажди и от малости зелия зело устрашишася и начаша совещати, о еже бы им како животу своему хотя малую отраду подати и ежели бы им от жажди помирати. Яко сии противнии уже близ есть трех седмиц, егда град наш (л. 74 об.) облегоша, и день от того дни нам тягость являют и что сотворим с сими противными, развее сего еже оставя град сей в лес бежати. Се поведаша еже сего града жена некая, яко вы сея нощи оставя град сей, хотите бежать за реку Тускорь в лес и гетман Желтовский, слышав от оные жены сия словеса, заповеда в полках своих всем сей нощи ко граду сему на приступ отсюду итти с великим брежением и устремлением, а онаго место вон же помышляют бегство сотворити, всю ночь заповеда коннице оуготованней на посечение без

всякаго милосердия народа стояти. И слыша о сем всем воевода и народ зело быша исполнени печали, и видя сие оный якобы посланник, народ сей мысльми мятутся, нача им поведати о еже бы они граждане не усумневались, (л. 75) но имели велию веру ко Пресвятей Богородице, яко же никако от них противных град сей имать быти взятый, зане не во едину ночь мнози от нас в нощах видахом по забралу града шествующу жену во светлей одежде, зрения никако же никто от них на ню могше зрети ниц падоша. А во инья нощи видают по тому же забралу девицу ходящу и округ ея во светлосиятельных ризах 6 мужей и 3 жезлами ходяще им претящим, дабы от града сего вскоре отъити имели. И вси въ их полках дознавают, яко сотворит, сохраняя град сей под своим покровом Пресвятая Богородица. Да в нощах же мнози от них видяще около сего града некоего юношу светлообразна в белом одеянии и на белом кони, якобы некий храбрый воин и страж град сей окружают. А кто он есть муж, никако же они могут разумети и от иных (л. 75 об.) страшных явлении велие в войске их смятение, яко мнози да знавают, еже по сем граде поборают и от них защищает Божия милости глаголю, яко граду сему за таким непреборимым воеводством, что может зла сотворити развее того, еже самим от граждан побиенным быти. И слышавше же сия словеса, воевода и граждане зело умилишася сердцы, яко от толикия велия напасти изволил их сим мужем свободным явити и вси в ночь противных на пришествие ко граду приближишася от граждан на той брани множество противных бысть оубиенно и потом и во инья дни частыми приступы граждан отягощающе, яко и сна в ноцех не имети развее дня. И во един от дней гетман Желтовский виде, яко сего града защищением Божия Матере невозмогша взять, но точию от граждан себе потребление приемля, оумысли от града сего прочь отъити и начаша по (л. 76) литаврам бити и в трубы играти. И виде сие спасской поп, что за речкою Куром, прежней попадьи, которая изменила взять тече к противным и о сем поведаша, еже бы ему от града сего не отходити, но по его совету сотворить, и тако вскоре имут град сей восприти, а развее сего совету никако же есть возможно град сей одолети. Желтовски же, оуслышав о сем, нача его с радостию вопрошати, он же поведает ему, яко граждане от вашего приступа посмеления никако же когда

либо сна приемлют, зане присно ко граду ожидают, а в день всегда без всякия боязни от труда опочивают, и аще они ко граду сему в пятом часу на приступ приидут, то вскоре имут град сей взяти, зане граждане в то время никако же ко граду пришествия опасаются и града стерегут, а итти бы им на приступ от Толчевских¹ ворот. И слышавше же се, гетман Желтовский (л. 76 об.) повеле полков своих воем по его словеси в день на приступ итти вскоре на место, рекомое Толчочевския врата. И ко граду на приступ напрасно приидоша и нецый от них и во град сей внидоша, и узревше се, граждане на оно место много стекошася и крепце с сопротивными борющеся. И на обе страны крови пролияшеся, и в мале от противных не взятся в той час град сей спасеся. И видяще противнии, яко и сим советом граду ничтоже возмогоша, зело освирепишася и частым крепким приступанием начаша град сей озлобляти и гражданам глаголати, яко аще и многое время под сим градом имамы стояти точию еже, не взяв град, никако же имамы отступить, и пребывающу сему граду от противных во obleжении уже близ четырех седмиц и от жажды велии быша изнемогателный, яко уже и к смерти нецыи, и видя себе (л. 77) от них в твердом обступлении и от учащательных приступаний и приодолевании сему граду никако же от их взятия спасому помышляющу быти, зане противнии гражданам зело силни быша. И граждане никогда же крепце с сопротивными за градом противитися могуще, но всегда от них побеждаемы быша и ниоткуды из окрестных стран от помощи человеческой надежды имуща и всякия человеческия помощи быша обнажении. И зело о своем малолюдстве стужаху и недоумевахуся, что сотворити с сопротивными развее сего, еже надеяхуся оным противным от града сего вскоре имут отступить, а противнии никакоже сего помышляюще, но и ко взятию града всякия хитрости устрояюще. И еже дневно зелнее пребывающих дней ко граду жестокими приступы и иными воинными хитростями ратующе. (л. 77 об.) Граждане же, видяще их ко граду наипаче предваршего крепкое оустремление, от избегших сего града людие от рук противных слышанием уверишася, еже противнии ничтоже ино совещают токмо, еже о взятии града всякое ухищрение. И не преодолев никогда же от него безделни отъити хотяще, зане

в та времена той Желтовски с воинством своим зде, в стране нашей, мнози гради и места, Орел и прочи пленению предаша и от сего не сотворят тогожде, иже над протчими грады, никако имут отступить. И граждане же сих мужей словесем вероятельны быша, начаша совет совещати и в нем глаголати: ныне уже граду нашему во обступлении бывшу 4 седмицы, и в день дней ко граду нашему жесточайшим ратованием являются и всякое над ними зло умышляти не престают (л. 78) и мнози гради твердейша сего множество людей исполнении силою своею яша, а мы ни единыя помощи откуду либо чаем, что имамы сотворити с сими, развее сего еже град сей имея противным здати и тем от горкия смерти спаситися, а аще не здадим, то безвременно зле живот свой и з женами нашими и с детьми имамы скончати. И нецы из них муж благодатии божий исполнен и на него всеилнаго Господа Бога и всему христианскому народу явную во всяких бедах скорую помощницу Пресвятую Богородицу крепким огражденны. Слышав сие от народа совещание, от сердечнаго оумиления начаша к народу глаголати, о еже бы им всем сотворити молчание и по молчании от сокрушения сердца нача всем проповедати ясно о всенародное, о Христе Спасе нашем собранное, и о имени его славящееся воинство вемы, яко (л. 78 об.) вси есмы и всякая наша хвала, честь, и живот, и благополучие он есть, и будем во едином уповании и воли его творении и никогда же отступати, но и всегда в нем едином от всех зло находящих, на ны зол сохранении правоверни, и к нему непостыднаго рождшия его Богоматере заступлении не сумнением пребывати жити желающии тии суть во истинну, аще и безчисленными быша бы приключении обложены быти имели и ни единому от человек о их спасении благо помышляти, ни едино были бо кое злоприключение или беда возмогла яти, зане праведен и преподобен Господь во всех делех и словесех своих и призывающим во истинну всем близ есть по пророку волю боящихся его сотворит и молитву их услышит, и спасет их, яко уповаша на него, и уповающии не постыдятся сиречь во время (л. 79) всяких злоб нашествий абие спасении будут, и зрящий на них вси удивятся, яко праведни к оубо состаревся не видех праведника оставлена ниже семени его просяща хлеба весь день милует и взаим дает, и семя его во благословении будут, а мы, ведая есмы известие, непреборимую

¹ Так в ркп.

Божию руку и заступление Пречистыя его Матере разве их от человеческой помощи спасение не щуем получитьи и до идеже сице творити будем, во истинну вам реку, братие и отцы, яко от противных нам никако же свободенным быти, зане порази во дни царей Израилевых Исаяя царя Иудина сына Авина сына Еровоамова, бе воинства его пятьсот тысяць восемьдесят и в четвертое лето царства его прииде противу его царей ефиопских с вои своими десятью сот тмами, а колесниц триста тысяць. И быша между их брани у дебри (л. 79 об.) на севере Мариса и от Иудина царя Асса победися, яко упова на Бога, и в 35 лето царства его взыде на нь царь Израилев во Асса с вои своими и вниде в царство Ассино. Он же убояся его забы Бога спасающаго, посла о помощи к Невоаду царю сирску и прииде Анания пророк ко Ассе царю Иудину и рече ему, еже имел еси упование к царю сирскому, а не ко господу Богу твоему¹. Того ради ушли царя сирска вои от руку твоею не ефиопи ли и ливии бяху тебе в силу многу и в дерзость колесниц милосердия напоени отходяще и благодаряще Бога, яко сподоби нас zde, в стране нашае, сицевое безценное сокровище Пречистыя своя Богоматере чудесоточной иконе пребывати и нам всем от онаго скорое исцеление получитьи и Пресвятую Богородицу прославляюще, яко не изволила нас, сирых, сицевым своим милосердием (л. 80) презрети и дражайши всяких вещей сей своей Богородичной и выну скорой милосердием точащей иконы сея нашае страны лишити.

¹ В данном фрагменте упоминается библейский сюжет, в котором идет речь о войне между иудейским царем Асой и израильским царем Ваасой (3 Цар. 15:16 и след., 32; 2 Пар. 16: 1–6). Аса – сын и преемник иудейского царя Авии, внук Ровоама и правнук Соломона, царствовал с 911 по 970 г. до Р. Х. (3 Цар. 15:9–24; 2 Пар. 14–16; Мф. 1:7). Вааса – один из военачальников в войске израильского царя Навата (Надава), которого он убил и сверг с престола; царствовал с 906 по 883 г. до Р. Х. (3 Цар. 15:27–34). Невоад – это сирийский царь Венадад, разорвавший союз с Ваасой и напавший на него по наущению Асы. Пророк Анания – это провидец Ханани (Хананий), брошенный Асой в темницу за то, что тот порицал его союз с Венададом, заключенный без совета с Богом (2 Пар. 16: 7–10).

Музыкальные подношения императорской семье в честь 300-летия царствования Дома Романовых: из фондов отдела рукописей Российской национальной библиотеки

Следствием событий, происходивших в России в 1612 г., стала важнейшая историческая веха – появление на российском престоле новой правящей династии, династии Романовых. 21 февраля 1613 г. Земский собор избрал на царство Михаила Романова.

В 10-х гг. XX в., в сложной историко-политической обстановке, в условиях падения авторитета царской власти Романовы крайне нуждались в событии, которое могло бы его укрепить, в том числе и за счет обращения к историческому национальному сознанию, исторической памяти. Таким событием должно было стать празднование 300-летия воцарения Дома Романовых.

Ярким показателем размаха, с которым отмечали юбилей, стали «материальные свидетельства»: в память 300-летия Дома Романовых были заложены и освящены храмы, возведены памятники, выпущены юбилейные медали, наследственные нагрудные знаки. Николай II планировал учредить также орден «Трехсотлетие», но идею осуществить не успели – помешала Первая мировая война. Были также выпущены монеты, серия почтовых марок, открытки, яйца Фаберже, предметы домашнего обихода с изображением двуглавого орла и числа «300».

В свою очередь царская семья получила огромное количество подношений как от отдельных лиц, так и от учреждений и организаций. Среди них были не только грамоты и различные предметы, но и художественные произведения, в том числе – музыкальные.

Музыка всегда была неотъемлемой составляющей любых государственных торжеств. Она сопровождала все праздничные мероприятия, программы театров и концертных залов были связаны

с отмечаемым событием. В такие дни звучали как уже широко известные произведения, так и специально сочиненные к данному празднику.

Исполнение гимна Российской империи «Боже, Царя храни» на торжествах, проходивших в честь императорской семьи, являлось неотъемлемой частью ритуала. Гимн сконцентрирован на идее самодержавия, что особенно важно было подчеркнуть в начале XX в., поэтому в дни празднования 300-летия Дома Романовых его можно было услышать на различных мероприятиях и в исполнении самых разных коллективов.

Другим музыкальным символом юбилейных торжеств, отражающим уже сам сюжет воцарения Романовых, стала опера М. И. Глинки «Жизнь за царя». Она исполнялась как в крупных театрах, так и любительскими группами; в праздничных концертах обязательно звучали фрагменты из нее, специальными изданиями к 300-летию были выпущены отдельные номера из этого произведения.

В опере Глинки соединилось несколько важных, ключевых для 1913 г. смысловых акцентов. Ее действие непосредственно связано с событиями 1612–1613 гг., и в эпилоге в оригинальной редакции Глинки, не исковерканной еще советским временем, звучит словословие новому царю. В опере подчеркнута значимость воцарения Михаила Романова для России, страх перед этим событием иноземцев (не случайно поляки так стремились убить Михаила). Подвиг Сусанина показал, «до какой степени лучшие Русские люди тяжелого времени были готовы пожертвовать всем, чтобы защитить и охранить нового Царя»¹.

Другим «родом» музыки, создававшей атмосферу праздничных дней, была музыка, специально сочиненная по случаю торжественного события. В России традиция составлять так называемые произведения «на случай» зародилась еще при Петре I, когда появились виватные, или панегирические, канты – они посвящались крупным

¹ Голубев В. Трехсотлетие великого воспоминания (300-летие избрания на Царство Михаила Федоровича Романова). М., 1913. С. 20. Это одна из многочисленных брошюр, изданных к 300-летию Дома Романовых. В ней высказывается официальный взгляд на оперу Глинки.

событиям государственной жизни, в том числе военным победам. Утвердилась традиция уже в жанре кантаты в царствование Анны Иоанновны. С этого времени кантаты стали органичной частью музыкального оформления торжеств, причем не только придворных, но и праздников, проводимых в различных административных и педагогических учреждениях.

С другой стороны, музыкальным символом могущества России, жанром, так же сопровождавшим торжества со времен Петра I, стал марш.

Собственно, кантата и марш – основные жанры крупной формы, в которых написаны произведения и к 300-летию Дома Романовых. Разумеется, создавались также и небольшие хоры, пьесы для фортепиано и различных других инструментов – как более простая и доступная форма музицирования. К созданию сочинений, посвященных юбилею Романовых, обращались как известные композиторы – Ц. А. Кюи, А. Д. Кастальский, М. М. Ипполитов-Иванов, так и многие учителя музыки учебных заведений, регенты церковных хоров, дирижеры любительских хоров, капельмейстеры военных частей и другие музыканты, руководящие музыкальными коллективами. Некоторые произведения были опубликованы к юбилейным торжествам крупными издателями (например, Юргенсоном), причем нередко в различных переложениях для разных составов (для хора с оркестром, хора и фортепиано, военного оркестра, фортепиано в две руки, фортепиано в четыре руки и других). Такие издания оформлялись под красивой цветной обложкой с надписью вроде «В память 300-летия Дома Романовых». Было и большое количество дешевых изданий, рассчитанных на массовое распространение. Кроме того, встречаются кантаты, напечатанные как приложение к юбилейным брошюрам, во множестве изданных в 1913 г.

Но особого внимания заслуживают музыкальные произведения, преподнесенные царской семье. Они существуют, разумеется, в единственном экземпляре и представляют интерес не только с музыкальной точки зрения, но и в плане художественного оформления. Основной комплекс подношений императорской семье к 300-летию воцарения династии Романовых хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Вместе

Илл. 1: ОР РНБ. Ф. 812 (Собрание Государственной филармонии).
Ед. хр. 57, 31

с другими подношениями, сделанными Романовым на протяжении XVIII – начала XX в., этот массив документов был передан в 1939 г. музыкальной библиотекой тогда еще Ленинградской филармонии, ставшей наследницей библиотеки придворного оркестра. На всех экземплярах стоит печать придворного оркестра или штамп архива придворного оркестра. Туда музыкальные дары поступали после рассмотрения канцелярией Министерства императорского двора: на каждом подношении есть соответствующая надпись с датой «препровождения на хранение», учетным номером и прочими данными. На некоторых документах указаны также дата и номер препровождения на заключение «о музыкальных достоинствах».

Музыкальное подношение – подарок императору, поэтому оно содержит не только нотный текст. Самые простые экземпляры представляют собой нотные листы с бумажной обложкой, на которой название или впечатано, или написано каллиграфическим почерком (илл. 1). Помимо названия произведения, титульный лист, как правило, содержит обозначение торжественного события и посвящение его императорскому величеству.

Илл. 2: ОР РНБ. Ф. 812 (Собрание Государственной филармонии).
Ед. хр. 20, 16

Гораздо чаще музыкальное произведение помещено в специальную папку. Она может быть однотонной с тисненым золотом текстом названия и посвящения (илл. 2). Наиболее красивы, конечно, папки и обложки, оформленные иллюстрациями. На всех рисунках – обязательное обозначение ключевых дат: «1613–1913». Рисунок бывает относительно нейтральным, связанным с образами природы и музыки (илл. 3). Однако чаще можно увидеть изображения царской символики (илл. 4): двуглавого орла, скипетр, державу, шапку Мономаха, герб династии Романовых. Фигура воина (богатыря) символизирует воинскую

Илл. 3: ОР РНБ. Ф. 812
(Собрание Государственной филармонии).
Ед. хр. 15

Илл. 4: ОР РНБ. Ф. 812
(Собрание Государственной
филармонии).
Ед. хр. 35

Илл. 5: ОР РНБ. Ф. 812
(Собрание Государственной
филармонии).
Ед. хр. 58

славу России. Красочное изображение может представлять и образ первого царя династии Романовых Михаила. Так, на одном подношении художник запечатлел его в том возрасте, в котором он венчался на царство (илл. 5). Миниатюры, окружающие его, связаны с жизнью Михаила Романова и значимыми для него местами. Справа от Михаила изображен дом Романовых в Варварке – месте, где родился будущий царь; слева – Успенский собор, в котором Михаил венчался на царство; снизу – монастырь (вероятно, Ипатьевский).

Листы, вложенные в такие папки, оформлены уже гораздо проще. Сохранился экземпляр, где орнаментирован лист с самим нотным текстом (илл. 6). Но, судя по всему, он изначально был вложен в папку, которая, к сожалению, не сохранилась: слишком мало информации на листе (указан лишь жанр и карандашом приписана фамилия композитора).

Конечно, очень важный вопрос связан с авторством этих произведений. Фамилия композитора указана на всех подношениях (а в большинстве случаев и автора иллюстрации). Но кем были эти люди, сказать практически невозможно. Есть лишь два подношения, позволяющие более точно идентифицировать личность автора.

На одном подношении можно увидеть запись: «Посвящает быв-

ший Капельмейстер 11-го Восточно-Сибирского стрелкового, Ее Величес. Государыни Императрицы Марии Федоровны, полка, верноподданный Абрам Яковлевич Краснер». Капельмейстеры были традиционными создателями произведений «на случай». На этом подношении есть еще одна любопытная приписка, сделанная карандашом сверху листа: «Получено из Комнат Его Имп. Величества 21 Февраля 1913 г.», то есть в главный день празднований. Возможно, это произведение было поднесено императору лично, а не посредством канцелярии Министерства императорского двора.

И завершить обзор музыкальных подношений к юбилею Дома Романовых хотелось бы произведением, оригинальным с нескольких точек зрения (илл. 7). Внизу обложки надпись: «От гимназиста VI класса Лодзинской I гимназии Миши Брянцева». Сочинитель – не состоявшийся музыкант, а гимназист VI класса! Обложка художественно оформлена, но тоже необычно. На нарисованный акварелью фон приклеены аккуратно вырезанные из фотографии фигуры людей. Нотный текст написан идеальным каллиграфическим почерком.

Хотелось бы обратить особое внимание на жанры сохранившихся произведений. Практически все они являются маршами (за исключением хора с оркестром «Слава»). Это не случайно,

Илл. 6: ОР РНБ. Ф. 812
(Собрание Государственной
филармонии).
Ед. хр. 27

Илл. 7: ОР РНБ. Ф. 812
(Собрание Государственной
филармонии).
Ед. хр. 7

поскольку музыкальные подношения хранились в библиотеке и архиве придворного оркестра. Но должны были существовать и подаренные императорской семье кантаты и хоры. Они, скорее всего, находились в библиотеке придворного певческого хора, которая, к сожалению, после 1917 г. была расформирована, материалы частично переданы в разные хранилища, частично пропали. Поэтому, как представляется, на данный момент невозможно оценить в целостности весь комплекс подношений к юбилейным торжествам 1913 г. Однако ясно, что подношения императору в честь 300-летия Дома Романовых – эти удивительные памятники русской культуры – являются не только музыкальными или музыкально-поэтическими произведениями, но и обладают художественной ценностью, и должны рассматриваться в единстве всех элементов.

А. И. Сапожников

«Скифская война» в 1812 году

В 1812 г. во время отступления русской армии от Немана до Москвы уничтожалось все, чем мог воспользоваться противник. В древности к подобной тактике прибегали скифы во время вторжения армии персидского царя Дария в Северное Причерноморье, поэтому ее и называют скифской.

С первых дней отступления русских войск вывозились или уничтожались все казенные склады. Столь масштабной акции, безусловно, предшествовала соответствующая подготовка. Еще 28 апреля генерал-лейтенант И. Н. Эссен 1-й (?) запросил военного министра, как поступить в случае отступления с «казенным магазином» в Бресте-Литовском и частными амбарами, расположенными вдоль Буга. Если поступит приказ их сжечь, то к этому необходимо подготовиться заранее¹.

1 июня главнокомандующий 1-й Западной армией М. Б. Барклай де Толли дал донскому атаману М. И. Платову, командовавшему казачьим корпусом в его армии, инструкцию о действиях в случае начала войны. Два ее пункта относятся к рассматриваемому вопросу:

- «действовать ему в тыл и во фланги, стараться овладеть его транспортом и истреблять в тылу неприятельском все, что только может споспешествовать его действиям, *особливо госпитали* (курсив мой. – А. С.);
- отнимать у неприятеля все способы к продовольствию и перевозке нужных для него потребностей, сжигать и истреблять мосты, суда, магазинны и запасы, и увезти или уничтожить всякую упряжь и повозки, *жителям же оставлять только нужное для их прокормления* (курсив мой. – А. С.)»².

Главнокомандующий 2-й Западной армией князь П. И. Багратион получил приказ императора Александра I, в котором предписывалось: «В случае отступления вверенной вам армии, вы

¹ *Рапорт И. Н. Эссена 1-го М. Б. Барклаю де Толли от 28 апреля 1812 г. // Отечественная война 1812 года: материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. 1. Т. 11. СПб., 1909. С. 317.*

² *Приказ М. Б. Барклая де Толли М. И. Платову от 1 июня 1812 г. // Донские казаки в 1812 году: Сб. док. Ростов н/Д, 1954. С. 29.*

заблаговременно обязаны озаботиться *не оставляя неприятелю ни малейших способов к продовольствию, транспортировке его запасов и прочего* (курсив мой. – А. С.)»¹. 10 июня Багратион разослал соответствующие приказы корпусным и отрядным командирам – Д. С. Дохтурову, Н. Н. Раевскому, М. М. Бороздину, И. В. Васильчикову, К. К. Сиверсу, Н. В. Иловайскому 5-му, дословно повторив данную формулировку². Самого Багратиона столь расплывчатый приказ не удовлетворил, и он запросил у военного министра более детальных разъяснений, заметив при этом: «...истребление продовольствия не произведет ли особенного оскорбления в народе; и мы, в собственном краю, не сами ли приготовим неприятеля, вооружив против себя, не говорю помещиков, но самый народ?»³ Багратион просил конкретных указаний о применении столь жестких мер на территории собственного государства.

Барклай де Толли ответил ему уже после начала войны: «Я согласен, что на опустошение целого края не достанет нам времени, сверх того и слава нашего оружия то претит, но и оставлять неприятелю *наполненные магазины не токмо казенные, но и частных людей* (курсив мой. – А. С.), значило бы подавать ему способы к успешному противу нас действию. Уничтожить повозки и упряжь и угнать лошадей по линии, по которой отступают войска, есть мера нужная и необходимая, я полагаю даже нужным испортить и самые мельницы. Какие же должно взять для сего меры, главнокомандующему армии, предписать того не можно, ибо он, будучи на месте, может с лучшею удобностию и скоростию оные произвести»⁴. Главнокомандующие действующими армиями согласно «Учреждению для управления Большой действующей армией» имели широкие полно-

¹ Отношение П. И. Багратиона к М. Б. Барклаю де Толли от 10 июня 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. 1. Т. 13. СПб., 1909. С. 96.

² 1812–1814: [Реляции, письма дневники]: Из собр. Гос. Ист. музея. М., 1992. С. 85–93.

³ Отношение П. И. Багратиона к М. Б. Барклаю де Толли от 10 июня 1812 г. // Генерал Багратион: Сб. док. М., 1945. С. 156.

⁴ Предписание М. Б. Барклаю де Толли П. И. Багратиону от 13 июня 1812 г. // *Иностранцев* М. А. Отечественная война 1812 года. Операции 2-й Западной армии князя Багратиона от начала войны до Смоленска. СПб., 1914. С. 424.

мочия, и военный министр хотел, чтобы князь Багратион взял всю ответственность на себя.

Багратион решил уничтожить все казенные запасы только по линиям коммуникации, не опустошая весь край (впрочем, у отступавших русских войск не было на это времени). Он предписал Платову: «Я не считаю нужным изъясняться с вами насчет истребления запасов продовольствия, ибо Ваше превосходительство, как о сем, так и о уничтожении способов к транспортированию запасов, имете, конечно повеление, и без сомнения, по тракту отступления вашего и вправо и влево, по возможности, воспользуетесь угнать и увезти с собою, а другое истребить»¹.

В ночь на 18 июня войсковой старшина П. Л. Рышкин полка Иловайского 11-го, занимавший заставу в Приборове, сжег казенные магазейны, находившиеся на охраняемой полком дистанции, и отступил². Значительные склады в Кобрине также были сожжены³. 19 июня Багратион предписал Иловайскому 5-му, следовавшему через Слоним: «Старайтесь из казенного магазейна все забрать на подводы и увезти с собою, а затем остальное истребить. Следуя по тракату отсель в соединение со мною, забирайте почтовые станции со всею их принадлежностью, и, таким образом, переправя все за Щару, прикажите своему арьергарду истребить за собою мосты и переправы по сей реке. *Прошу вас наблюдать, ибо и под строгою казнию ответственность будет всякий, кто позволит себе хотя малейшее грабительство или насилие какого-либо рода* (курсив мой. – А. С.)»⁴. Главнокомандующий хотел удержать войска от любого насилия, одновременно требуя от них проведения крайне жестких мер: собрать у населения сотни подвод, увезти на них многопудовые грузы, забрать почтовые станции, уничтожить переправы.

¹ Секретное предписание князя П. И. Багратиона М. И. Платову от 16 июня 1812 г. // 1812–1814: [Реляции, письма дневники]: Из собр. Гос. Ист. музея. М., 1992. С. 33.

² Рапорт Ф. А. Барабанщикова 2-го С. М. Каменскому 2-му от 18 июня 1812 г. // Двадцатый год: Ист. док. собств. канцелярии главнокомандующего 3-ю Зап. армию генерала от кавалерии А. П. Тормасова. СПб., 1912. С. 111, 516.

³ Рапорт комиссионера Шубовского С. М. Каменскому 2-му от 21 июня 1812 г. // Там же. С. 126.

⁴ Приказ П. И. Багратиона Н. В. Иловайскому 5-му от 19 июня 1812 г. // 1812–1814: [Реляции, письма дневники]: Из собр. Гос. Ист. музея. М., 1992. С. 96–97.

Кроме того, вывозили чиновников, которые способны были помочь неприятелю восстановить управление на оставленных территориях. Могли ли подобные действия русских войск не вызвать протест у местных жителей западных губерний, не так давно ставших подданными Российской империи?

Оставляя Лиду, Платов сообщил Багратиону, что городской госпиталь отправлен в тыл на подводах, «а товар сапожный, сукно, сухари и овес, как не на чем вывести отсюда, приказал полкам разобирать, чтобы не оставить ничего неприятелю, мука же и сено, как осталось преданы огню»¹. Местные власти не хотели давать подводы, на возвращение которых в военное время можно было только уповать. Вывезти все казенные склады было невозможно: что-то казаки брали себе, а остальное безжалостно жгли. При таких обстоятельствах могла сохраняться только видимость порядка и дисциплины. Багратион в одном из писем к атаману сделал приписку: «Ради Христа, побрани своих, немилосердно грабят народ поставить против себя это нехорошо»². Вероятно, эта записка была приложена к предписанию от 5 июля: «Предлагаю также вашему высокопревосходительству, чтобы отнюдь грабежа не было, и чтобы обыватели не имели никаких обид и притеснений»³. Через день он отправил к атаману урядника с четырьмя казаками, уличенными в грабеже, для примерного наказания. Урядника разжаловали, как наказали казаков – неизвестно.

В 3-й армии учли опыт отступления 2-й армии. 20 июня командир корпуса граф С. М. Каменский сообщил главнокомандующему А. П. Тормасову, что посылал своего адъютанта штабс-ротмистра Мерлина на разведку к Бресту-Литовскому: «Он доезжал вчера ввечеру до селения Рудня, в коей слышал за верное, что еще вчерашнего дня австрийских войск в Бресте-Литовском не было, из коего городской почтамт, городское правление и прочие судебные места со всеми чиновниками, вывезены казаками нашими, коих в той стороне теперь ни единого нет, и все они потянулись вслед за второй

Западной армией, к стороне Волковыска, зажигая и истребляя все наши провиантские магазейны и забирая с собою все обывательские подводы, почтовых со станций лошадей, так что теперь и проехать в той стороне невозможно, за недостатком, никаких подвод, ни почтовых лошадей по станциям, и что в Бресте, вчера ввечеру, никаких войск совершенно не было, ни наших, ни австрийских»¹. 5 июля Каменский обратил внимание главнокомандующего на тот факт, что в губерниях, оставленных 1-й и 2-й армиями, сожгли только казенные магазейны, в то время как частные достались противнику. Генерал не хотел, чтобы подобное случилось при отступлении 3-й армии, но желал получить приказ на этот счет. Попутно он сообщил о брожении среди местных дворян, начавших присягать на верность традициям прежней Польши². Каменский был сторонником жестких мер по отношению к населению Волыни, он приказал забирать у крестьян всех волов и лошадей³.

1-й отдельный корпус П. Х. Витгенштейна, защищавший дорогу на Петербург, также активно использовал скифскую тактику. Капитан швейцарского 4-го пехотного полка Г. Шумахер описал положение, в котором они оказались в июле: «Почти во всех местах, куда мы приходили, съестные припасы были вывезены или сожжены русскими, деревни были пусты, жителей не было: они убежали, унося с собой всю провизию, в большие окрестные леса. На нашем пути мы не встретили ничего, кроме жалких и безлюдных деревень, дома которых были скорее несчастными избами. Скот, обозы со съестными и боевыми припасами, предназначенными для нас, были по большей части захвачены и уничтожены казаками, которые проskalзывали мимо наших флангов»⁴. Мало того, что местность была опустошена при отступлении: казаки, заходившие в тыл, не давали подвозить продовольствие в передовые отряды противника.

Бригадный генерал А.-Б.-Ж. ван Дедем вспоминал, что в Прус-

¹ Рапорт С. М. Каменского А. П. Тормасову от 20 июня 1812 г. // Двенадцатый год: Ист. док. собств. канцелярии главнокомандующего 3-ю Зап. армию генерала от кавалерии А. П. Тормасова. СПб., 1912. С. 113–114.

² Рапорт С. М. Каменского 2-го А. П. Тормасову от 5 июля 1812 г. // Там же. С. 135.

³ Рапорт С. М. Каменского А. П. Тормасову от 6 июля 1812 г. // Там же. С. 138.

⁴ Француз в России: 1812 г. ... С. 61.

¹ Рапорт М. И. Платова П. И. Багратиону от 20 июня 1812 г. // Там же. С. 42.

² Письмо П. И. Багратиона М. И. Платову, б. д. // Военный сборник. 1906. № 2. С. 187.

³ Предписание П. И. Багратиона М. И. Платову от 5 июля 1812 г. // Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 268. Л. 7.

сии солдат удерживали от грабежей обещаниями: «Когда мы будем на русской территории, вы будете брать все, что захотите...»¹ Однако в России их ждала опустошенная территория, продовольствие приходилось добывать с трудом². Скифская тактика сделала жизнь завоевателей невыносимой и разложила солдат, вынужденных добывать себе пропитание путем жестоких мер, озлоблявших население. С первых дней войны европейские солдаты узнали голод и вкус конины. По этой причине сильные потери понесла легкая кавалерия союзных войск (баварская, саксонская и др.). Они не могли найти пропитания и фуража, сильно возросло и дезертирство³.

От Смоленска, где начались исконно русские земли, действия армии при отступлении стали еще жестче. Чтобы отличить их от предыдущего периода, скажем, что была применена тактика выжженной земли. Начиная со Смоленска стали уничтожать не только запасы, которые могли пригодиться противнику, но и жечь дома, в которых он мог найти пристанище. Жители уходили в леса, а деревни и даже города превращались в пепелище.

Русские мемуаристы вспоминать об этом не любили. Одно из немногих свидетельств удалось найти в мемуарах полковника артиллерии А. П. Никитина, находившегося во время отступления в арьергарде. Он писал: «При отступлении от г. Витебска арьергардом нашим истреблялись огнем по дороге марша и в окрестностях всевозможные запасы, которые могли бы служить малейшим пособием продовольствию неприятелю, что и продолжалось ежедневно на всем отступлении до самой Москвы»⁴.

Покидая Смоленск, русские войска сожгли и без того разрушенный сражением город, оставив противнику только развалины⁵.

Главный хирург армии Наполеона Д.-Ж. Ларрей вспоминал: «В Дорогобуже мы нашли объятые пламенем все дома, которые могли бы послужить приютом. Пожар быстро распространялся, и мы должны были ночевать на биваках. Город подожгли русские

солдаты, а горожане все разбежались. Отсюда начались для нас всевозможные лишения. И этот случай как бы предупреждал нас об иных несчастьях, которые ожидали нас на дальнейшем пути к Москве»¹. Примерно так же описал Ларрей вступление в Вязьму: «Город весь пылал, и армия проходила через него с большим трудом; дул сильный ветер, и потому остановить пожар было невозможно. И здесь горожане покинули свои дома. Можно себе представить, как мы страдали от такого разорения»².

Обер-штальмейстер Наполеона А. Коленкур вспоминал: «Неприятель не оставлял за собою ни одного человека, разрушал свои склады, сжигал свои казенные здания и даже большие частные дома. Многие думали, что пожары в городах, местечках, в которые мы входили, были результатом беспорядков как в нашем авангарде, так и в казачьем арьергарде; я первый, признаюсь в этом, разделял это мнение, не понимая, какой был русским интерес уничтожить все здания гражданских учреждений и даже частные дома, которые не могли сослужить нам большую службу»³. На следующий день Наполеон приказал коменданту Главной квартиры дивизионному генералу О. Коленкуру проникнуть в Вязьму, пока там еще находится русский арьергард, и проверить, действительно ли поджигают сами русские. В Вязьме Коленкур увидел, как казаки поджигают в различных местах заготовленные заранее горючие материалы. Местные жители подтвердили, что казаки приготовили горючие материалы задолго до появления французов и зажгли при их приближении⁴. Подтверждение этому можно найти в мемуарах русского офицера А. Н. Муравьева, следовавшего в арьергарде: «...по выступлении из г. Вязьмы, который мы со всех сторон зажгли, армии направились в Гжатск...»⁵

Казаки шли в арьергарде русской армии и жгли то, что не могли увезти. В 1-й армии, где казачьих полков не хватало, к уничтожению магазинов привлекли гусарские полки. Тем не менее репутация поджигателей досталась преимущественно

¹ Французы в России: 1812 г. ... С. 30.

² Там же. С. 79–80.

³ Там же. С. 112.

⁴ Воспоминания Никитина // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 2. Вильна, 1900. С. 147.

⁵ Французы в России: 1812 г. ... С. 94.

¹ Французы в России: 1812 г. ... С. 118.

² Там же. С. 118.

³ Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 116.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 107.

казакам. Местное население, безусловно, от этого только страдало и несло огромные убытки.

Тактика выжженной земли надломила нравственный стержень в обеих армиях, способствуя распространению мародерства. Солдатам армии Наполеона приходилось любой ценой добывать себе пропитание в уцелевших селениях, но очень скоро эта вынужденная мера превратилась в привычную, что в свою очередь повлекло упадок дисциплины, которая сплачивает армию. Без стержня армия Наполеона развалилась в течение первой же недели отступления.

В русской армии мародерство также приобрело массовый характер. Трудно было удержать от грабежа солдат, оставлявших за собой выжженное пространство. Сначала в грабежах обвинили казаков, которые шли в арьергарде, но затем вирус мародерства охватил и регулярную армию. Александр I требовал принятия самых решительных мер, вплоть до расстрела виновных. 23 июля капитан лейб-гвардии Семеновского полка П. С. Пуцин, будучи в Смоленске, записал в дневнике: «Новый военный закон в нашей армии очень суров; сегодня расстреляли двух за мародерство. От каждой роты командировали по одному человеку присутствовать при исполнении казни»¹. Еще не зная об этом расстреле, император предписал Барклаю де Толли: «Подтверждаю, генерал, вам мои указания по вопросу о грабеже; по получаемым мною известиям он все-таки продолжается. Подумайте, что мы уже в коренных русских областях, которые нужно возможно более щадить. Несколько примеров расстреляния мародеров произвели бы сильное впечатление. Однако до сих пор я не получал от вас донесений, чтобы это было сделано»². Александр I хотел пощадить русские области, но в результате использования тактики выжженной земли именно они наиболее пострадали. 9 августа Барклай ответил императору: «Я употребляю все возможное для поддержания порядка и воспрепятствования насилиям. Я приказал расстрелять в Смоленске семерых отсталых. Эта мера, действительно, произвела впечатление; но до тех пор, пока наши офицеры и даже некоторые полковые командиры не придут

к убеждению в необходимости строгой дисциплины, общая цель поддержания порядка не может быть вполне достигнута»¹.

Прибыв к армии и приняв командование, князь М. И. Кутузов писал начальнику московского ополчения графу И. И. Моркову: «Армии нашел я между Гжатска и Царева Займища. Мародерство, вкравшееся в армии, усилилось так, что, думая сколько можно о сохранении спокойствия в столице и окрестностях, я нахожу обратиться к Вашему сиятельству с тем, чтобы вы находящимся ныне в Можайске, Верее и других местах войскам ополчения вашего дали повеление ваше, что если бы мародеры от армий показались где-либо в окрестностях Москвы, то, перелавливая их, собирать при полках ваших и по собрании некоторого их числа мне доносить»². Таким образом, ратники ополчения должны были ловить солдат-мародеров из регулярной армии.

Применение тактики выжженной земли, безусловно, отразилось на состоянии дисциплины в казачьих полках, действовавших, как правило, обособленно. Известны случаи, когда местные жители, возмущенные действиями казаков, оказывали им сопротивление. Вскоре после Бородинского сражения три десятка казаков прибыли в Боровск и собирались сжечь город. Местные жители обезоружили их и сдали начальству³. Только на первый взгляд это вопиющий факт, но если принять во внимание, что 28 августа 5-й корпус Понятовского вышел уже к с. Фоминскому⁴, находившемуся на дороге из Москвы в Боровск, то действия казаков не покажутся чем-то необычным. И более крупные города были сожжены при отступлении, а неприятель в то время прошел мимо Боровска только потому, что спешил к Москве. При отступлении Боровск сожгли французы.

31 августа калужский гражданский губернатор П. Н. Каверин рапортовал Кутузову: «Получив сей час официальное донесение, что из командированных Его сиятельством князем Петром Ивановичем

¹ Харкевич В. И. Указ. соч. С. 18.

² Письмо М. И. Кутузова к И. И. Моркову от 18 августа 1812 г., Гжатск // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 859. К. 7. № 6. Л. VII.

³ Ульянов А. И. Тарутинский лагерь: «Неудобные факты» // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Малоярославец, 1994. С. 46.

⁴ Воспоминания генерала Колачковского о походе 1812 года // Военский К. А. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. СПб., 1912. С. 236.

¹ Пуцин П. С. Дневник (1812–1814). Л., 1987. С. 54. См. также: Из записок покойного генерал-майора Н. П. Ковальского // Русский вестник. 1871. № 1. С. 93.

² Харкевич В. И. Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 13.

чем Багратионом двух казачьих полков для прикрытия Юхновского уезда полковник Быхалов, с полком своим, следуя через Медынскую округу в Кременской волости, потравил на поле хлеб и производил грабеж; когда же старшины пришли к г. полковнику жаловаться, то вместо удовлетворения приказал их высечь и взято казаками с крестьян по таковому ж пристрастию 250 рублей и высылали всех крестьян из своих домов. Из подобных грабителей 70 человек переловлены крестьянами и представлены в Калугу»¹. Есть все основания предполагать, что казаки действовали в с. Кременском так, как действовали от самой границы. Крестьяне в селениях, куда еще не дошла война, не подозревали, что вся территория вдоль Смоленской дороги уже выжжена казаками по приказу начальства.

Крестьяне тоже начали грабить, прежде всего в районах, примыкавших к театру войны. В сентябре в Боровском уезде бесследно исчезли четыре казака вместе с перегоняемым ими стадом скота. Попытки отыскать их, предпринятые генералом Карповым 2-м, не дали результата².

По свидетельству Д. В. Давыдова, в конце августа в с. Егорьевском (по дороге из Можайска в Медынь) крестьяне истребили команду из 60 казаков Тептярского полка, якобы принятых за неприятеля из-за «нечистого произношения ими русского языка»³.

В начале сентября в д. Новой Слободке Малоярославецкого уезда крестьяне убили 60 казаков вместе с офицером, посчитав их мародерами. Деревенские мужики учтиво встретили казаков и щедро угостили, в том числе и вином. Когда те уснули, крестьяне отобрали у них оружие и связали. На следующий день произошла жестокая расправа, о которой даже спустя столетие местные жители вспоминали с содроганием⁴. Удалось спастись только одному казаку. Случившееся не стали предавать широкой огласке,

поскольку жители заявили, что убитые казаки грабили церкви. В этой истории много странного, ее подробности известны преимущественно из народного предания¹. В нем сначала говорится об обозе из церковных вещей, потом об одной, найденной в кибитке офицера плащанице. При допросе офицера якобы присутствовали чиновники Малоярославецкого земского суда, своим молчанием скрепившие смертный приговор ему и всем казакам. Но возможно ли такое отношение мелких чиновников к офицеру, пользующемуся дворянскими правами? К тому же деревня находилась вблизи Серпуховской дороги, по которой казачьи команды прибывали с Дона в действующую армию.

Подобная история едва не повторилась в с. Вятском Даниловского уезда Ярославской губернии. В селе остановилась на ночлег следовавшая к полку с Дона команда казаков. У большинства казаков было малороссийское произношение. Заподозрив, что это неприятель, в селе ударили в набат, после чего едва не произошла расправа с казаками. Приехавший капитан-исправник не смог остановить возбужденную толпу и ретировался. Расправу остановил священник, указав на нательные кресты, которые имели все казаки².

Мародерствующие группы были реальностью тех дней. Самый крупный отряд из русских мародеров собрал прапорщик 6-го егерского полка Тищенко. Для их поимки были посланы ополченцы, задержавшие мародеров только после боя. По приговору суда прапорщик Тищенко был расстрелян³.

4 сентября в приказе по армии Кутузов запретил солдатам покидать военные лагеря. Это разрешалось делать только в составе команды во главе с офицером. Предписывалось проводить вечерние переключки, а отлучившихся без разрешения «наисторожайше наказывать палками». Полковые лагеря окружали цепью постов

¹ Рапорт П. Н. Каверина М. И. Кутузову от 31 августа 1812 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 103. Оп. 1 / 208а. Св. 0. Д. 107. Ч. 20. Л. 7.

² Ульянов А. И. Указ. соч. С. 53.

³ Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982. С. 164.

⁴ Извеков И. Ф. Предание о 1812 годе, существующее в Авчинской волости, Малоярославецкого уезда, Калужской губернии // Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1910 г. Калуга, 1910. Отдел Исторический. С. 20–27.

¹ См.: Бессонов В. А. «Малая война» в 1812 году. Малоярославецкий уезд // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2006. С. 15–30.

² Невский Е. Н. Мнимые французы // Русский архив. 1877. № 5. С. 50–54.

³ Соколовский М. К. Военно-судные дела в 1812–1814 гг. // Вестник Общества ревнителей истории. Вып. 1. Пг., 1914. С. 140. Случай достаточно незаурядный: был расстрелян дворянин (на военной службе даже низший чин прапорщика давал права дворянства).

и караулов¹. 7 сентября к расстрелу был приговорен казак полка Грекова 21-го, уличенный в грабежах². Надо признать, что пребывание в Тарутинском лагере, где продовольствия было в избытке, благотворно повлияло на русскую армию во всех отношениях. В том числе удалось подтянуть дисциплину в полках³.

В течение почти всего сентября, во время Тарутинского марш-маневра, русский арьергард не использовал тактику выжженной земли, а наоборот пытался скрытно уйти от преследования. Ее восстановил граф Ф. В. Ростопчин, который 19 сентября лично, в присутствии нескольких генералов, в том числе Р. Вильсона, поджег свой дворец в Вороново. Неприятелю он оставил приколоченное к столбу письмо. Обычно данный эпизод трактуют как личный поступок Ростопчина, но, по сути, он стал объявлением о возвращении к прежней тактике.

Наполеон также решил прибегнуть к этой разрушительной тактике. Покидая Москву, он приказал взорвать Кремль. Начав отступление, теперь уже французская армия стала все жечь. Первым сожженным городом стал Боровск. 15 октября генерал М. А. Милорадович сообщил: «Известно, что неприятель по повелению Наполеона зажигает все места, которые проходит»⁴. Это подтверждается и словами французского генерала Ф. Сегюра: «Отныне все, что остается позади, должно предаваться огню. Завоевывая, Наполеон все сохранял; отступая, он будет разрушать»⁵.

Но жгли не только солдаты армии противника. Кутузов требовал от летучих отрядов, действовавших на опережение колонн отступавшего противника, самых жестких действий. Полковнику лейб-гвардии Казачьего полка И. Е. Ефремову, которого он хотел поставить во главе одного из таких отрядов, от имени Кутузова пред-

писывалось: «Вы должны иметь в виду: лишать его всех способов прокормления, *сжигая фураж, самые селения* (курсив мой. – А. С.), переправы, чрез которые он проходит, должны быть уничтожаемы; старайтесь особенно делать частые и ночные нападения. Я не буду распространяться о всех способах, кои вы употребить можете к нанесению величайшего вреда неприятелю, и остаюсь в совершенной уверенности, что вы известною вашею деятельностью в точности исполните ожидание его светлости»¹. Таким образом, русский главнокомандующий фактически позволил командирам летучих отрядов уничтожать русские селения, через которые проходили французы. Не исключено, что устные инструкции были еще более откровенны. Умудренный опытом главнокомандующий был осторожен в изъяснении своих мыслей на бумаге, особенно в официальных документах. Однажды он предложил генералу А. П. Ермолову сообщать ему откровенно обо всем записками, поскольку в рапортах о многом писать нельзя.

На том факте, что в Москву и обратно армия Наполеона шла по выжженной казаками земле, акцентировать внимание не принято. Советские историки, публикуя приказ Кутузова полковнику Ефремову, осторожно отделили точкой с запятой слова «сжигая фураж» и «самые селения»². Подобная осторожность напоминает хрестоматийный пример о расстановке знаков препинания в выражении: «Казнить нельзя помиловать». Однако надо отметить, что местность на путях наступления и отступления наполеоновских войск представляла собой в конце 1812 г. пепелище.

¹ Приказ по армии от 4 сентября 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. 1. Т. 18. СПб., 1912. С. 21.

² Краснов П. Н. Донской казачий полк сто лет назад // Военный сборник. 1895. № 9. С. 65.

³ Приказ по армии от 10 октября 1812 г. // М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 4. Ч. 2. М., 1954. С. 69.

⁴ Отношение М. А. Милорадовича П. П. Коновницину от 15 октября 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. 1. Т. 19. СПб., 1912. С. 71.

⁵ Сегюр Ф. Поход в Россию: Мемуары адъютанта. М., 2002. С. 178.

¹ Приказ М. И. Кутузова И. Е. Ефремову от 19 октября 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Отд. 1. Т. 19. СПб., 1912. С. 143. То же // М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 4. Ч. 2. М., 1954. С. 158. Опубликован по журналу исходящих бумаг канцелярии Кутузова, оригинал, вероятно, не сохранился.

² Приказ М. И. Кутузова И. Е. Ефремову от 19 октября 1812 г. // М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 4. Ч. 2. М., 1954. С. 167.

Вологодские ополченцы в Отечественной войне 1812 года

Отличительной чертой эпохи Отечественной войны 1812 г. являлось стирание резких противоречий между столичной, наполненной политическими событиями жизнью и «вековой тишиной» жизни провинциальной. Экстремальность событий наполеоновского нашествия внесла в облик периферийных территорий существенные изменения, поскольку на смену обычной каждодневности пришли ускоренное протекание социального времени, динамичность психологических процессов, изменение общественных настроений и чувств.

Огромнейшее государство в одночасье превратилось в «кишащий муравейник», в котором, словно в броуновском движении, хаотически перемещались обозы с ранеными защитниками Отечества, нестройные ряды ополченцев, эвакуированное население, пленные и утопавшие в грязи подводы правительственных учреждений. Центр России сместился на периферию, все дороги в государстве теперь вели в провинцию, в тыловые губернии.

По образному выражению Л. Н. Толстого, после перехода в июне 1812 г. через Неман наполеоновских армий в отечественной истории началось «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие». Начало войны Франции против России ознаменовалось неистовыми злодеяниями врага. И в этой ситуации на защиту своего Отечества поднялось все население. Император немедленно обратился к российским сословиям с Манифестом о сборе ополчения¹. Через некоторое время от государя последовало новое повеление с разъяснением правил созыва временного ополчения.

Многие жители губернского города Вологды, и прежде всего

простые люди (ремесленники, мещане, купцы), стали подавать прошения о зачислении их в народное ополчение². Более 140 вологжан сразу же после получения известий о начале военных действий

Отечественной войны 1812 г. Новейший этап историографии характеризуется выходом в свет как общих, так и специализированных исследований, основанных на комплексном изучении источников (отечественных и зарубежных), позволивших обобщить точки зрения историков разных поколений. Подробнее см.: *Штейнгель В. И.* Записки касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 и 1813 годах. СПб., 1814–1815. Ч. 1–2; *Материалы по истории дворянства Санкт-Петербургской губернии.* СПб., 1912. Т. II: Деятельность собрания дворянства. Вып. 1: Ополчение 1812 года: По источникам, собранным А. А. Мироновым; *Векслер А. Ф.* Петербург и ополченские соединения Отечественной войны 1812 года // Петербург и Россия: (Петербургские чтения – 1994). СПб., 1994. С. 17–20; Его же. Петербургское ополчение в Полоцком сражении 6–8 октября 1812 года // Петербургские чтения – 1996. СПб., 1996. С. 379–383; *Жмодиков Ю. Л.* Вопросы формирования Петербургского ополчения в отечественной историографии // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1994. С. 17–23; *Окунев С. Ю.* Государственное ополчение в России в XIX – начале XX века: дисс. на соиск. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; *Дырышева И. Г.* Петербургское ополчение 1812 года: новый взгляд на проблему патриотизма. СПб., 2006; Её же. Патриотизм дворянства в Отечественной войне 1812 года: дисс. на соиск. ... канд. ист. наук. СПб., 2007; *Липина И. Ю.* Земское ополчение Санкт-Петербургской губернии в 1812 году // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 118–123; Её же. Земское ополчение в заграничном походе русской армии, (1813–1814 годы) // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 93–99.

² Об участии жителей Вологодской губернии в Санкт-Петербургском ополчении 1812 г. см.: *Шарапова Е. И.* Малоизвестные документы об участии вологжан в Отечественной войне 1812 года // Вологодский архив. Вологда, 1968. Вып. 2. С. 76–77; *Михайлов Б. Г.* Вологжане в Отечественной войне 1812 года // Вологодский архив. Вологда, 1968. Вып. 3. С. 60–69; *Наумова О. А.* Отечественная война 1812 года в документах вологодских архивов // Бородино и наполеоновские войны: битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003. С. 334–336; *Смирнов Ю. А.* Война 1812 года // Историческое краеведение и архивы: Сборник статей. Вологда, 2003. Вып. 9. С. 189–202; *Вологжане в Отечественной войне 1812 года / Сост. Ю. А. Смирнов.* Вологда, 2003; *Жмодиков Ю. Л., Подмазо А. А.* Вологодские стрелки // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 145–146; *Тихомиров С. А.* Персональный состав офицерского корпуса Вологодского и Олонецкого стрелковых батальонов Санкт-Петербургского ополчения по послужным спискам эпохи наполеоновского нашествия // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Вологда, 2000. Ч. 2. С. 98–116; *Тихомиров С. А.* Вологжане во Франции – французы в Вологде // Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки истории. Вологда, 2004. С. 89–92; *Тихомиров С. А.* Отечественная война 1812 года // Вологодская область: От древности до наших дней. Вологда, 2006. С. 54–63.

¹ Первыми историками Петербургского ополчения стали непосредственные участники и свидетели победы над Наполеоном. Историографическая традиция изучения ополченческих формирований как самостоятельное научное направление сложилась в период николаевского царствования, когда накануне первого серьезного юбилея Отечественной войны 1812 г. закончилось исследование открытых и секретных источников А. И. Михайловским-Данилевским. Позднее стали появляться специальные исследования, особенно накануне столетней годовщины

записалось в ополченцы. Народный характер Отечественной войны 1812 г. проявился в оказании материальной помощи на военные нужды: жители Вологды пожертвовали более 25 тыс. рублей, жители Великого Устюга – более 10 тыс., население Верховажского посада – более 1,3 тыс. Вологодские купцы перечислили в казну по 1 проценту с рубля своих капиталов, устюжские и верховажские – по 0,5 процента. Вологодское дворянство на обмундирование трех полков пожертвовало более 65 тыс. рублей. Не осталось в стороне духовенство, передавшее в губернскую казенную палату значительную сумму. В каждом приходе были установлены специальные кружки для сбора материальных средств.

Столичные власти настоятельно призывали вологодского губернатора поставить в Санкт-Петербургское ополчение стрелков. Правительству Александра I формирование ополчения представлялось необходимым для обороны Петербурга, если Наполеон отправится к северной столице. По этому поводу 19 июля 1812 г. Комитет министров на своем заседании рассматривал рескрипт Александра I об организационных мероприятиях оборонного характера. Согласно этому документу, было решено собрать в Олонецкой и Вологодской губерниях по 500 стрелков и на подводах доставить их в столицу¹. Главнокомандующий в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинов направляет вологодскому гражданскому губернатору предписание «набрать из обитающих в вашей губернии народов,

в стрелянии зверей упражняющихся, до пяти сот человек и более ... с теми самыми ружьями, которые они при своем промысле употребляют», и командировать в Петербург «для причисления их к тому ополчению, которое здесь против неприятеля, вторгнувшегося в пределы России, составляется»; отправлять этих воинов рекомендовалось «по мере, как они набираемы будут, не дожидаясь сбора всего полного обозначенного числа». Однако ни в одном документе властями не указывалось, из каких категорий населения следовало набирать стрелков. Вологодский губернатор, сообщая в Петербург о трудностях сбора людей и о предпринятых им мерах, отмечал, что быстро можно было бы собрать обитающих в ближайших уездах помещичьих крестьян, но «между жителями сего края упражняющихся в стрелянии зверей и имеющих из того особенный промысел находится весьма мало и при всех розысках нельзя бы найти способных более десятой доли назначенного числа, как напротив того, обитающие в уездах Яренском и Усть-Сысольском зыряне все без исключения и в сопредельных с оными Сольвычегодском, Устюжском и Никольском уездах казенные и другого наименования крестьяне большей частью в стрелянии птиц и зверей всегда упражняются, приобретая немаловажные от промысла того выгоды...» При этом губернатор подчеркивал, что жители этих уездов «употребляют ружья, винтовки называемые, а обыкновенных егерских или охотничьих ружей, дробовиками и фузеями здесь именуемых, они почти вовсе не имеют...»

Вологодский губернатор постановил собрать 600 человек. Содержание стрелков производилось из казенных средств: каждый ополченец «на путевое до Петербурга довольствие» получал 10 рублей.

Согласно следующему императорскому рескрипту вологодские стрелки поступали на временную службу, поэтому рекрутский набор для Вологодской губернии сокращался относительно количества выставленных в ополчение воинов. Первая партия вологодских стрелков к месту назначения отправилась 23 августа 1812 г. Известный историк Отечественной войны 1812 г. А. И. Михайловский-Данилевский по этому поводу писал: «Сих звероловов отправили в августе месяце в Петербург для присоединения к тамошнему

¹ Одновременно с жителями Вологодской губернии в ополчение собирались охотники из Олонецкой губернии, которые составили отдельную дружину ополчения. Об участии жителей Олонецкой губернии в Санкт-Петербургском ополчении 1812 г. см.: *Шайкин Н. С.* Из жизни Олонцкого края в Отечественную войну // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1912 год. Петрозаводск, 1912. С. 35–48; *Балагуров Я. А.* Карелия в Отечественной войне 1812 года // На рубеже. 1962. № 4. С. 89–93; *Пашков А. М.* Карелия в 1812 году // Север. 1992. № 8. С. 138–142; *Малышкин С. А., Щедринский Б. Н.* Олонцкие стрелки в Отечественной войне 1812 года // Бомбардир. 1995. № 4. С. 24–27; *Пашков А. М.* Заметки о Карелии в эпоху 1812 года // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 2. Вологда, 2000. С. 208–214; *Пашков А. М.* «В стрелянии зверей упражняющихся...»: мобилизация приписных крестьян Олонецкой губернии в ополчение в 1812 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. общ. и гуманит. науки. 2012. № 7 (128). Т. 1. Ноябрь. С. 25–28.

ополчению»¹.

Столичные власти, встретив ополченцев 5 сентября 1812 г. в Петербурге, были изумлены: стрелки «все вообще не имеют положенных ратнику нужных для одежды каждого вещей». Главнокомандующий Санкт-Петербургским ополчением П. И. Меллер-Закомельский спрашивал главнокомандующего в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинова: «На каком положении приказано делать прием в ополчение означенным сим стрелкам?» Из ответа столичного градоначальника следовало, что никаких особых требований к отбору ополченцев не существовало. Ополченцы должны явиться в Петербург с ружьями, в «простой, крестьянской» одежде².

Сохранившиеся источники свидетельствуют, что ополченцы в Петербург отправлялись несколькими партиями.

Некоторое удивление вызвало появление в Петербурге оставшихся ополченцев. По сообщениям вологодского губернатора, отправленные стрелки имели свои ружья, «кои употребляли они при звериных своих промыслах». Однако по прибытии в столицу... они «оказались... с ружьями негодными». Поэтому 20 сентября 1812 г. император издает повеление о вооружении вологодских стрелков французскими ружьями из запасов Петербургского арсенала. Извещая об этом Артиллерийский департамент, петербургский комендант генерал-лейтенант П. Я. Башуцкий просит «приказать ныне 600 таковых ружей ... выдать». Кроме того, в его послании говорилось о возможности повторных просьб, которые возникнут «по мере прибавления людей»³.

В Петербурге вологодским ополченцам командование выдало из арсенала тирольские штуцера и принялось за активное их обучение. Начальником и учителем «сим звероловам» стал отставной полковник 47-го егерского полка И. Ф. Моренталь. Его помощником назна-

чили бомбардира с ласковым прозвищем Букашка (так назвали его потому, что «в грамоте далее буки он не подвигался»)». Офицерские должности в дружинах замещали отставные военные и столичные гражданские чиновники, изъявившие желание вступить в ополчение.

Недолго пришлось мудрому старому командиру заниматься обучением вологжан, «которые в своих дремучих лесах и из своих самодельных винтовок били белку, в момент ея прыжка с одной сосны на другую, и били непременно в голову, чтобы шкурку не попортить. Приноровясь к штуцерам и выучась необходимым ружейным приемам, они все – тысяча слишком человек – стали такими же мастерами в стрельбе, каким был бомбардир Букашка, многие из них, так же как и он, сумели бы выжать из жар-птицы светленькое яичко»².

Вологодское ополчение в декабре 1812 г. принимало участие в битве при Лабио, а в середине января 1813 г. – во взятии Кенигсберга. После удачных боев воины вступили в Кенигсберг, где их приветствовал главнокомандующий Санкт-Петербургским ополчением генерал П. Х. Витгенштейн. Современники вспоминали, что на него особенно благоприятное впечатление произвели стройный порядок и общий вид стрелков.

Из Кенигсберга вологодские ополченцы отправились к Данцигу. У стен этого города, обнесенного прекрасной, построенной по последнему слову военного градостроительного искусства крепостью, происходили ожесточенные бои.

По окончании баталии за Данциг стрелки в составе армии генерала П. Х. Витгенштейна участвовали во многих сражениях по пути от границ России до Парижа. Они совершили переход через Пруссию, Саксонию, Силезию, Чехию, южную Германию и прошли по территории побежденной Франции до самой ее столицы.

Храбрость вологодских ополченцев отмечена одним из безымянных русских художников-карикуристов эпохи наполеоновского нашествия. Немало подобных картин и рисунков сохрани-

¹ Цит. по: Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки по истории города. Вологда, 2004. С. 89–90.

² Подробнее см.: Шайжин Н. С. Указ. соч. С. 35–48.

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 1. С. 55.

² Подробнее о формировании ополчения см.: Тихомиров С. А. Наполеоновское нашествие в вологодском измерении: События. Источники. Судьбы // Первые Всероссийские чтения: История и перспективы развития краеведения и москвоведения. М., 2009. С. 595–604.

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВ и ВС). Ф. 3. Оп. Оружейная. Д. 231. Л. 20.

лось в музейных и архивных собраниях России. Один из рисунков, выставленных в Государственном историческом музее в Москве, называется «Вологодский ратник». На нем изображен вологодский крестьянин в костюме ополченца, бьющий француза топором и приговаривающий: «Ага! Пардон колчаногой! Поминай, как тебя звали, сидел бы ты дома, так не докарнал бы тебя Ерема...»

Приложение

Источники по истории Вологодского ополчения 1812 года

№ 1

1812, июля 17. Распоряжение вологодского гражданского губернатора Н. И. Барша¹ городскому голове В. А. Немирову² о формировании ополчения и сборе средств для защиты Отечества.

Пятнадцатого числа сего месяца Правительствующий Сенат чрез нарочного доставил ко мне для непременного исполнения Высочайший Его Императорскаго Величества Манифест, 6 июля данный, о составлении внутри государства новых сил в подкрепление армий, противу неприятеля обращенных, на защиту домов, жен и детей, каждого и всех с предоставлением дворянству сводить первоначально постановляемая ими для защиты Отечества силы и избрать из среды своей главнаго начальника над оными³.

Благородные здешние дворяне, движимые непоколебимою любовью и преданностью к Престолу и Отечеству, предназначили уже собрать от каждого ста душ, им принадлежащих, по 6 воинов с оде-

ждою, оружием и провиантом, для них потребными, и завтрашнего числа, призвав благословение Всемогущего чрез молебствие в Кафедральном соборе, приступят к выбору начальников, определению людей и приношениям, на ополчение их нужным¹.

Сопровождая у сего один экземпляр означеннаго Высочайшаго Манифеста, поручаю Вам:

1. Собрать купечество, мещан и ремесленных, на верность коих Государь и Отечество полагают надежду, немедленно в градскую думу.

2. Объявить полному собранию² их Высочайший Манифест, приглашающий все состояния россиян к защите мирных жилищ своих (где обитало доселе спокойствие и счастье семейственное), угрожаемых теперь нашествием врага, не только потрясшаго, но и совершенно уже разрушившаго большую часть держав европейских, и, обратив все внимание граждан, постановить ныне же в точной мере:

а). Количество воинов из среды вологодскаго общества, на общую защиту определяемых, кои бы по силам, здоровью и летам своим могли понести временную службу с ожидаемою пользою.

б). Одежду, оружие и провиант для продовольствия, на время обороны необходимо нужные.

с). Пособия от избытка тех граждан, кои сами не могут поднять оружия или по воле общества будут от того изъяты, в денежных суммах, оружии, провианте и вещах, обмундирование составляющих, определив именно, как число того и другого, так и время, когда внести может.

¹ Молебен в Софийском кафедральном соборе Вологды прошел 18 июля 1812 г.

² Собрания мещан и ремесленников состоялись 17 июля 1812 г. Обыватели Вологды постановили выставить в ополчение с каждой сотни душ по четыре воина. Избранные во временное ополчение (более 100 человек) клятвенно обещали «быть всегда в готовности и самовольные отлучки не чинить и за противные поступки по закону ответить». Но из канцелярии вологодского губернатора 24 июля 1812 г. поступило предписание остановить сбор ополчения, не посылать его к месту сбора, «о денежном сборе и сборе оружия и провианта доложить губернатору». Подробнее об этом: Государственный архив Вологодской области (ГА ВО). Ф. 476. Оп. 1. Д. 60. Л. 11–14, 15–16; Тихомиров С. А. Напоминание из наполеоновской эпохи (военная карьера и гражданская служба Вологодского губернатора Н. И. Баршова) // История и его время: Памяти профессора В. Б. Конасова: Сборник статей / Под ред. В. В. Попова; сост. А. Л. Кузьминых. Вологда, 2010. С. 477–478.

За сим 3. Открыть добровольную подписку на приношение в пользу Отечества по мере сил и усердия каждого деньгами или вещами, общему ополчению пригодными, или и такими, кои легко будет обратить в деньги. В сем случае, принимая самую жертвы граждан, хранить [их] в думе и вести особую записку¹.

4. По окончании всего вышеизложенного имеете немедленно донести мне обстоятельно, приступив, между тем, тот же час к самому выбору людей во временную службу и приготовлению всего для них потребного.

Я не распространяюсь здесь более ни о важности Воззвания Монаршего, которое само по себе довольно сильно возбудит пламенное поревнование в каждом верном сыне России, ни о мере общего и частного ополчения на защиту Веры и Отечества, твердо надеясь, что граждане города Вологды, руководимые разительным примером славного соотчича их [Козьмы] Минина², призвав помощь Всемогущаго, последуют подвигу, дворянством предприемлемому, и в общем ополчении сил России докажут врагу, спокойствие их разрушить дерзнувшему, сколь мужественно умеют они защищать любимую для них Родину, жен и детей своих.

Гражданский губернатор [Николай Иванович] Барш.

Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО). Ф. 476. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–2 об. Подлинник

№ 2

1812, июля 19. Выписка из журнала Комитета министров о предписании вологодскому и олонецкому гражданским губер-

¹ Пожертвования жителей Вологодской губернии составили около 200 тысяч рублей. Из документов следует, что сам Н. И. Барш пожертвовал 198 рублей 10 копеек, а его супруга Пелагея Александровна – 150 рублей 50 копеек.

² Минин Кузьма (Козьма) (полное имя Кузьма Минич Захарьев Сухорукий, конец XVI века – 21 мая 1616) – нижегородский земский староста, организатор и один из руководителей Земского ополчения 1611–1612 гг., в состав которого входили и вологодские граждане.

наторам Н. И. Баршу и В. Ф. Мертенсу¹ об избрании в каждой из губерний в ополчение стрелков и доставлении их на подводах в Санкт-Петербург.

В заседание Комитета Министров июля, 19 дня, 1812 года, в которое приглашен был генерал, граф Михаила Ларионович Голенищев-Кутузов², по выслушании Высочайшаго Его Императорскаго Величества Рескрипта к Председателю Комитета от 15 сего июля по предмету вооружения в С[анкт]-Петербурге и прилагаемых при сем сведений о движениях неприятеля, положено:

[...]

2) Предписать через Главнокомандующаго в С[анкт]-Петербурге Олонецкому и Вологодскому губернаторам, чтобы по избрании в каждой из сих губерний по 50 чел[овек] стрелков, или и более, были они сюда немедленно на подводах доставлены.

Гр[аф] Н[иколай] Салтыков³,

Сергей Вязмитинов⁴,

¹ Мертенс Василий Федорович (Вилим Фердинандович) (1761–1839) – в 1804–1821 гг. Олонецкий гражданский губернатор. Во время Отечественной войны 1812 г. обеспечивал набор и отправку рекрутов в действующую армию, осуществлял приём стрелков для Петербургского ополчения, занимался размещением эвакуированных из столицы учреждений и имущества (ценностей из Эрмитажа, Академии художеств, Архива Академии наук, Кунсткамеры; книг и рукописей из Публичной библиотеки), а также приемкой партий военнопленных французской армии, в том числе на Александровском заводе.

² Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813) – русский полководец, в начале Отечественной войны 1812 г. был избран начальником Московского и Петербургского ополчения (утвержден в качестве главы последнего). 29 июля (10 августа) 1812 г. за заключение Бухарестского мира получил титул князя. 8 (20) августа 1812 г., после оставления русскими войсками Смоленска, назначен главнокомандующим русской армией.

³ Салтыков Николай Иванович (1736–1816) – русский военный и государственный деятель, во время Отечественной войны 1812 г. председатель Государственного совета и Комитета министров. В период заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг., когда Александр I находился при армии, фактически занимал пост регента Российского государства. После возвращения императора в Санкт-Петербург возведен в княжеское достоинство.

⁴ Вязмитинов Сергей Кузьмич (1744–1819) – первый военный министр империи (1802–1808), в 1812 г. исполнял обязанности главнокомандующего в Санкт-Петербурге, управляющего министерством полиции (1812–1819) и председателя Комитета министров (1812–1816).

К[нязь] Лопухин¹,
 М[аркиз] Траверсе²,
 Д[митрий] Гурьев³,
 Князь Алексей Горчаков⁴,
 Гр[аф] А[лександр] Салтыков⁵,
 Иван Дмитриев⁶,
 Осип Козодавлев⁷,
 Князь Александр Голицын⁸,
 Барон Кампенгаузен⁹,

Статс-Секретарь Молчанов¹.

Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 28. Л. 188–188 об. Подлинник

№ 3

1812, июля 19. Повеление главнокомандующего в Санкт-Петербурге генерала от инфантерии С. К. Вязмитинова вологодскому гражданскому губернатору Н. И. Баршу о сборе и высылке в Санкт-Петербург в ополчение из Вологодской губернии стрелков².

Во исполнении Высочайшего Его Императорского] В[еличества] Повеления Комитет г[оспод] министров поручил мне предписать Вашему Превосходительству, дабы Вы по получении сего тотчас приказали набрать из обитающих в Вашей губернии народов, в стрельбнии зверей упражняющихся, до пяти сот человек и более, и по сборе оных с теми самыми ружьями, которые они при своем промысле употребляют, отправили их на подводах сюда в С[анкт]-П[етер]бург для причисления их к тому ополчению, которое здесь против неприятеля, вторгшагося в пределы России, составляется. От попечения Вашего зависеть будет исправность в исполнении сего Высочайшего Поручения и та [поспешн]ость, с коєю люди сии должны [быть сю]да доставлены равно как и весь распорядок в сборе оных и в верном сюда препровождении. Чего Комитет и ожидает от Ваших стараний и Вашей опытности.

Главнокомандующий в С[анкт]-П[етер]бурге [Сергей Кузьмич] Вязмитинов.

Р. С.

Отправление помянутых стрелков сюда можете, Ваше Превос-

¹ Лопухин Петр Васильевич (1753–1827) – князь, государственный деятель, с 1810 г. председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, с 1812 г. председатель в Департаменте законов и в прочих департаментах, председатель Кабинета министров (1816–1827).

² Траверсе де, Иван Иванович (1754–1831) – маркиз, российский адмирал и государственный деятель, с 1811 г. морской министр.

³ Гурьев Дмитрий Александрович (1751–1825) – граф, государственный деятель, гофмейстер Двора (1797), сенатор (1799), управляющий Императорским кабинетом (1801–1825), министр уделов (1806–1825), член Государственного Совета (1810–1823), министр финансов (1810–1825).

⁴ Горчаков Алексей Иванович (1769–1817) – князь, военный и государственный деятель, участник русско-турецкой войны 1787–1792 гг., польской войны 1792 г., франко-русской войны 1806–1807 гг., русско-шведской войны 1808–1809 гг., военный министр (1812–1817).

⁵ Салтыков Александр Николаевич (1775–1837) – князь, товарищ министра иностранных дел; в 1812 г., на время отсутствия государственного канцлера графа Н. П. Румянцева, ему было поручено управление Коллегией и Министерством иностранных дел и повелено присутствовать в Комитете министров; в декабре 1812 г. уволен по личному прошению от временного управления Иностраным департаментом.

⁶ Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) – государственный деятель, сенатор, член Государственного совета и министр юстиции (1810); после Отечественной войны 1812 г. – в отставке, в 1816–1819 гг. состоял председателем Комиссии для оказания помощи жителям Москвы, пострадавшим от нашествия французов.

⁷ Козодавлев Осип Петрович (1753–1819) – государственный деятель, сенатор, с 1810 г. – министр внутренних дел.

⁸ Голицын Александр Николаевич (1773–1844) – князь, государственный деятель, в 1803–1816 гг. – исполняющий должность Обер-прокурора Святейшего Синода, в 1816–1824 гг. – министр духовных дел и народного просвещения.

⁹ Кампенгаузен Балтазар Балтазарович (1772–1823) – государственный деятель, барон, член Государственного Совета (1811), сенатор (1811), государственный контролёр (1811–1823), управляющий Министерством внутренних дел (1823).

¹ Молчанов Петр Степанович (1770–1831) – государственный деятель, сенатор, управляющий делами Комитета министров (1808–1815), статс-секретарь императора Александра I.

² На начальном листе документа вверху имеется помета: «Послано к Новгородскому г[осподину] гражд[анскому] губ[ернатору] с полицмейстером Болдыревым».

ходительство, делать по мере, как они набираемы будут, не дожидая сбора всего полного назначенного числа¹.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 год. Д. 316. Л. 1–1 об. Подлинник

№ 4

1812, июля 22. Донесение олонецкого гражданского губернатора В. Ф. Мертенса главнокомандующему в Санкт-Петербурге генералу от инфантерии С. К. Вязмитинову о получении Повеления о сборе и высылке стрелков в Санкт-Петербург в ополчение.

Почтеннейшее предписание Вашего Высокопревосходительства от 19 числа сего месяца со изображением Высочайшего Его Императорского Величества Повеления, дабы тотчас набрать из обитающих в Олонецкой губернии народов, в стрелянии зверей упражняющихся, до пяти сот человек и более и по сборе оных с теми же самыми ружьями, которые они при своем промысле употребляют, отправить их на подводах в С[анкт]-Петербург, я имел честь сего ж июля 21 июля числа получить, по коему не премину сего же числа сделать все нужные по предмету сему распоряжения.

О чем честь имею Вашему Высокопревосходительству сим почтеннейшее донести.

Гражданский губернатор Виллим [Федорович] Мертенс.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 год. Д. 316. Л. 2. Подлинник

№ 5

1812, июля 24. Донесение олонецкого гражданского губернатора В. Ф. Мертенса о сборе и высылке в Санкт-Петербург в ополчение из Олонецкой губернии стрелков².

По поручению 21-го числа сего июля почтеннейшаго Предписания Вашего Высокопревосходительства от 19 числа того ж июля месяца с изображением Высочайшаго Его Императорского Величества Повеления о сборе в Олонецкой губернии до 500 стрелков и более

¹ В конце документа имеется помета: «Доставлено с фельдъегерем Блохиным».

² На начальном листе документа вверху имеется пометка: «№ 6226, 29 июля 1812 [года]». На первом листе на полях написано: «Слушано в Комитете министров 7-го августа 1812 года».

и об отправлении оных на обывательских подводах в Санкт-Петербург, составя при Олонецком губернском правлении 22-го числа общее присутствие из [оспод]: вице-губернатора¹, председателей палат, управляющего Олонецкими заводами 5-го класса [Адама Васильевича] Армстронга, который пра[вит] должность и Губернского предводителя дворянства, советника казенной палаты по хозяйственной части при Губернском прокуроре имели разсуждение: как дворянскому сословию предоставлено Высочайшим Манифестом, состоявшимся в 6 день июля для первоначального составления предназначенных сил во всех губерниях сводить для защиты Отечества людей, то и предлежит набрать из обитающих в Олонецкой губернии народов, составляющих государственных крестьян и мещан, которых естли положить по три стрелка с пяти сотнаго участка, не причисляя от уезда к другому остатков души, составляющих менее трет[ьей] доли участка, то собраться [мо]жет 575 человек, [кро]ме предназначаемаго от дворянства, а положено Олонецкой губернии с крестьян и мещан набрать в стрелки упражняющихся в стрелянии зверей, с теми самыми ружьями, которые они при своем промысле употребляют, а имянно: с крестьян Олонецкаго уезда² по числу 12 017 душ – 72, Лодейнопольскаго³ с 9 378 душ – 56, Вытегорскаго⁴ с 9 691 души – 58, Каргопольскаго⁵ с 21 247 душ – 127,

¹ Уваров Петр Алексеевич – Олонецкий вице-губернатор (1812–1822).

² Олонецкий уезд – административно-территориальная единица в западной части Олонецкой губернии с уездным центром в городе Олонце (с 1801 г.).

³ Лодейнопольский уезд – административно-территориальная единица Олонецкой губернии с уездным центром городом Лодейное Поле (возник в 1785 г.).

⁴ Вытегорский уезд – административно-территориальная единица в юго-восточной части Олонецкой губернии с уездным центром в городе Вытегра, граничил с Лодейнопольским уездом на западе, Каргопольским уездом на востоке, Пудожским уездом на севере и с Новгородской губернией на юге.

⁵ Каргопольский уезд – административно-территориальная единица в юго-восточной части Олонецкой губернии с уездным центром в городе Каргополь.

Пудожского¹ с 10 031 души – 60, Повенецкого² с 8 644 души – 51 и Петрозаводского³ с 21 110 души – 126 стрелков; с мецан петрозаводских с 927 души – 5 стрелков, олонецких с 1 353 души – 8, лодейнопольских с 179 души – 1, вытегорских с 689 души – 4, к[арго]польских с 663 души – 2, пудо[жск]их с 344 души – 2 и повенецких с 200 души – 1, а всего 575 стрелков, о чем и предписано по губернии земским судам, градским думам и [городским] головам, а к содействию им и городничим, а в Правление Олонецких заводов сообщено, причем дано им знать:

1-е, что в число сие предпочтительно принимать тех, кои по усердию к Вере и Отечеству добровольно пожелают вступить в сию службу и упражнялись в стрелянии зверей.

2-е, при сем наблюдать, чтоб каждый был здороваго сложения и неувечный.

3-е, снабдить их на продовольствие вместо провианта деньгами, каждого стрелка 10-ю рублями, тем вотчинам, с которых они поступят, одежда же должна быть крестьянскою, но опрятно одетыми и в сапогах.

4-е, ружья у них должны быть свои, которыя они при своем промысле употребляли и непременно самые исправные.

5-е, сбор по селениям сих стрелков должен быть окончен как наивозможно поспешнее и не далее двух недель с непременною ответственностию земских судов и городничих, чтобы в стрелки поступили действительно упражняющиеся в стрелянии зверей.

¹ Пудожский уезд – административно-территориальная единица Олонецкой губернии с уездным центром в городе Пудож, располагался в северо-восточной части губернии и граничил с Повенецким уездом на севере, Вытегорским и Каргопольским уездами на юге и Архангельской губернией на востоке.

² Повенецкий уезд – административно-территориальная единица Олонецкой губернии с уездным центром в городе Повенец, располагался в северной части Олонецкой губернии и граничил с Петрозаводским и Пудожским уездами на юге, с Архангельской губернией на северо-востоке и с Великим Княжеством Финляндским на северо-западе.

³ Петрозаводский уезд – административно-территориальная единица Олонецкой губернии с центром в уездном городе Петрозаводск, восстановленная в 1801 г. именным указом императора Александра I. После восстановления в 1802 г. Пудожского уезда границы уездов обмежевали в границах екатерининского времени. Располагался уезд в западной части губернии и граничил с Олонецким уездом на юго-западе, Лодейнопольским уездом на юге и Повенецким уездом на севере.

6-е, а как Олонецкая губерния чрезвычайно обширна, а притом со всех почти сторон окружена реками и озерами и болотами, то по уважению столь важной государственной повинности, не терпящей ни малейшаго промедления, и дабы как можно поспешнее выполнить Высочайшую Его Императорскаго Величества Волю к отправлению стрелков прямым путем, как к скорейшему доставлению, так и минованию всякаго для них отягощения, а к тому и наблюдениями за всеми движениями и деятельностью градских и земских полиций при принятии стрелков в городах и отправлении их в дальнейший путь признал я необходимо нужным приняться за столь важное дело единодушным усердием и отрядить к сему почтнейших чиновников, избрав к сему в Ладейнопольской и [Оло]нецкой уезды – Олонецкаго г[осподина] вице-губернатора, в Пудожской, Вытегорской и Каргопольской – председателя уголовной палаты, г[осподина] [Степана Ивановича] Башинскаго¹, придав в помощь им для употребления по их усмотрению 1-му, находящегося в Олонце по другим делам совеснаго суда дворянскаго заседателя [имя и отчество неизвестны] Краснова, а последнему – по Пудожскому и Вытегорскому уездам – ассессора казенной палаты [имя и отчество неизвестны] Филимонова, а по Каргопольскому, находящегося там по другим делам гражданской палаты заседателя [имя и отчество неизвестны] Васильева. К исправлению же должности председателя в уголовной палате командирован мною из таковой же гражданской председатель [имя и отчество неизвестно] Казин, с тем чтоб он не оставлял и настоящей своей должности в палате гражданского суда. Для набора же стрелков Повенецкаго уезда командирован ассесор губернскаго правления [имя и отчество неизвестны] Баранкеев, а с Петрозаводскаго уезда прием и доставление в Петрозаводск стрелков поручен Начальнику заводов [Адаму Васильевичу] Армстронгу с тем, чтобы набираемые стрелки как с Повенецкаго, так и с Петрозаводскаго уездов доставляемы были без самонаималейшаго промедления времени на подводах в Петрозаводск для личного моего осмотра и распоряжения в дальнейшем их отправлении.

¹ Башинский Степан Иванович (1762–1832) – выходец из украинского дворянства, с 1801 г. – советник Олонецкого губернского правления, с 1802 г. – председатель Олонецкой палаты уголовного суда, в 1812 г. занимался набором рекрут и ополченцев по Олонецкой губернии.

7-е. В особенности поручено г[осподину] вице-губернатору, как собираемых с Олонецкого и Лодейнопольского уездов, так и присылаемых из прочих уездов в Лодейное Поле, как ближайший к Санкт-Петербургу город, по мере прибытия к нему партий отправлять оные немедленно с надлежащим конвоем на обывательских подводах в Санкт-Петербург при именных списках с отметкою роста, примет и каких именно селений. О выставке же подвод по Санкт-Петербургской губернии не оставил я сего ж числа особенно снести с тамошним гражданским губернатором, а по Олонецкой губернии подтверждено строжайше земским судам и городничим, чтоб для препровождения от каждого города до Лодейного Поля и до Санкт-Петербургской границы по трактам на станциях выставлено было достаточное количество обывательских подвод. Причем поставлено в непременную обязанность градских и земских полиций, собираемых из уездов и городов означенных стрел[ков] иметь в готовности в каждом городе для осмотра и дальнейшего отправления по распоряжениям г[осподина] вице-губернатора и председателя [Степана Ивановича] Башинского, которым и поручено при приеме с каждого селения стрелков снабжать свидетельством.

О таком распоряжении я честь имею Вашему Высокопревосходительству сим почтеннейшее донести.

Гражданский губернатор Виллим [Федорович] Мертенс.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 год. Д. 316. Л. 3–8. Подлинник

№ 9

1812, июля 31. Донесение вологодского гражданского губернатора Н. И. Барша главнокомандующему в Санкт-Петербурге генералу от инфантерии С. К. Вязмитинову о сборе в Вологодской губернии в ополчение стрелков¹.

Предписание Вашего Высокопревосходительства от 19 июля с изъяснением Высочайшего Повеления и положения Комитета господ министров о сборе из обитающих в Вологодской губернии

¹ На начальном листе документа имеются пометы: «№ 6496, 7 августа 1812; № 56 августа 8». На первом листе на полях написано: «Слушано в Комитете министров августа, 20 дня, 1812 [года]».

народов, в стрелянии зверей упражняющихся, до пяти сот человек и более, с теми самыми ружьями, которые они при промыслах своих употребляют и об отправлении их в Санкт-Петербург на подводах, я имел честь получить с нарочною эстафетою 26 числа сего месяца.

На сие Вашему Высокопревосходительству почтеннейшее донести имею, что хотя по экстренности [наряда стрелков, дол] женствую[щих] в самой скорости быть доставленными в Санкт-Петербург в [точном] исполнении настоя[щего Вы]сочайшего Повеления, [предлежит] мне обратиться к [ближайшим] от губернского города уездам, где обитают большею частью крестьяне помещичьи и при недалеком расстоянии оных те стрелки могли бы собраться скорее. Но поелику между жителями сего края, упражняющимися в стрелянии зверей, и имеющих из того особенный промысел находится весьма мало и при всех розысках нельзя бы найти способных более десятой доли на, как назначенного числа, как напротив того обитающие в уездах Яренском¹ и Усть-Сысольском² зыряне³ все без исключения и в сопредельных с оными Сольвычегодском⁴, Устюжском⁵

¹ Яренский уезд – административно-территориальная единица в составе Вологодской губернии, административный центр – город Яренск, занимал среднюю часть северо-восточной оконечности Вологодской губернии, по обе стороны реки Вычегды, главным образом по правому ее берегу, ее притоку реки Выми и реки Вашка, граничил с Сольвычегодским, Кеврольским, Устюжским, Пустозёрским и Мезенским уездами.

² Усть-Сысольский уезд – административно-территориальная единица в Вологодской губернии, административный центр – город Усть-Сысольск (ныне – Сыктывкар), находился на северо-востоке губернии; больше по территории, чем Усть-Сысольский уезд, были только пять губерний Европейской России.

³ Зыряне (зыряне) – народ финского или уральского происхождения, обитавший в восточных частях Вологодской и Архангельской губерний. Ныне частично проживают в Республике Коми.

⁴ Сольвычегодский уезд – административно-территориальная единица в Вологодской губернии с административным центром в городе Сольвычегодск, по величине – это третий (после Усть-Сысольского и Яренского) уезд в Вологодской губернии, граничил с Устюжским, Хлыновским, Кайгородским и Яренским уездами.

⁵ Устюжский (Великоустюжский) уезд – административно-территориальная единица в западной части Вологодской губернии с административным центром в городе Великий Устюг, находился в бассейне рек Сухоны, Юга и в верховьях Северной Двины.

и Никольском¹ казенные и другие наименования крестьян, большею частью в стрельбе птиц и зверей всегда упражняются, приобретая немаловажные от промысла того выгоды, и, следовательно, на предмет наряда стрелков могут быть способнее и полезнее, то по сему [...жению], не теряя нимало времени, и именно в тот же самый день, когда получено здесь предписание Вашего Высокопревосходительства назначил я собирать [из уездов]: Усть-Сысольскаго – 176 чел[овек], Яренскаго – 114, Сольвычегодскаго – 114, Устюжскаго – 96 и Никольскаго – 100 чел[овек].

А вообще 600 чел[овек], распорядившись следующим образом:

1) предписал земским исправникам сих пяти уездов, тотчас отправясь в селения, назначить хорошо умеющих стрелять и здоровых и крепкаго сложения поселян, кои имели бы от 20 до 40 лет, обыкновенное крестьянское одеяние и те самые ружья, с которыми зверей промышляют, да на путевое до Петербурга продовольствие денег 10 рублей – и выслать на подводах в города непременно через десять дней от получения предписания.

2) вслед за предписаниями исправникам командировал избраннаго от дворянства лейтенанта Олешова² и четырех человек дворян с поручением тот же час следовать в помянутые города и приняв собранных туда [лю]дей, по надлежащем осмотре спо[с]обности их, одеяния и ружей, нимало не медля отправлять в Вологду на обывательских подводах с чиновниками, в помощь его наряженными.

3) в наставлении господину Олешову данном, предписано главнейшее наблюдать в приеме людей истинную способность их и здоровое сложение и прочность одеяния и ружей, а в доставлении сюда особую поспешность и сбережение.

¹ Никольский уезд – административная единица в восточной части Вологодской губернии с административным центром в городе Никольске, находился в бассейне реки Юг.

² Вероятно, этим человеком является Олешев Алексей Иванович (между 1761–1769) – дворянин, морской офицер, майор, вологодский помещик, в 1812 г. «командирован для принятия башкирцов и с оными находился при армии генерал-майора Всеславина; сего ж года июня 6 [...] переименован из гарнизонного в общий армейский мундир; 1813 [года] при корпусе генерала Милорадовича; 1814 [года] по возвращении в Россию с башкирцами и по отпуске их в дома по прозьбе моей [...] от службы уволен». Подробнее см.: ГА ВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 47. Л. 235–238.

4) земским полициям тех уездов, через кои стрелки должны сюда следовать поручено предварительно приуготовить на станциях нужное число подвод, полагая на каждых двух человек по одной, так чтобы в провозе партий нигде никакой остановки не было.

Между тем:

5) пока будут набраны и высланы сюда стрелки, не оставило приуготовиться на дальнейшее их препровождение с тою скоростью, какой экстренной наряд их требует.

Впрочем,

6) не смотря на пространство уездов, из коих должны быть собраны стрелки и отдаленность их от губернскаго города, естествен[о] уклоняющие возможность самопосе[шне]йшаго доставления, при верном действии данных от меня предписаний и при неусыпной заботливости по сему наряду, можно с вероятностию ожидать, что назначенные с губернии 600 человек доставятся в Петербург не далее будущего августа месяца.

Изложив, таким образом, меры, по наряду 600 стрелков предпринятые, я поставляю себе обязанностию присовокупить, что хотя все почти жители севернаго края упражняются в стрельбе зверя, но главнейше мелкаго, яко то: белки, куниц и проч[их] и для сего промысла употребляют ружья, винтовки называемые, заряжая одною мелкою пулею, а обыкновенных егерских или охотничьих ружей, дробовиками и фузеями здесь имянуемых, они почти вовсе не имеют, и может найтись таковых разве самая малейшая часть, а потому назначаемые ныне из губернии стрелки может и все будут иметь одни только винтовки.

Гражданский губернатор [Николай Иванович] Барш.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 год. Д. 316. Л. 11–13. Подлинник

№ 11

1812, августа 12. Письмо вологодского гражданского губернатора Н. И. Барша вологодскому губернскому предводителю дворянства П. Я. Чернавскому¹ о наряде чиновников для

¹ Черня(а)вский Петр Яковлевич (годы жизни неизвестны) – Вологодский губернский предводитель дворянства в 1811–1814 гг.

препровождения 600 стрелков, командированных от дворянства в Санкт-Петербург.

Командированныя от дворянства для набора и доставления сюда из пяти северных уездов 600 человек стрелков лейтенант Олешев и четыре чиновников, судя по времени отъезда отсюда, должны будут вскоре возвратиться.

Предуведомяя о сем Вас, Милостивый Государь Мой, представляю распорядиться согласно желанию благородного дворянства, отправить ли сих же самых чиновников с стрелками до С[анкт]-П[етер]бурга, или переменить другими, и назначив в сем последнем случае благонадежных, уведомить меня о именах их, рекомендовав им явиться ко мне для получения наставлений.

Вологодский гражданский губернатор [Николай Иванович] Барш.

ГА ВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 60. Л. 14. Подлинник

№ 13

1812, августа 20. Донесение главнокомандующего в Санкт-Петербурге генерала от инфантерии С. К. Вязмитинова в Комитет министров за разъяснением вопроса о зачислении стрелков из Олонецкой губернии в ополчение или рекрутами¹.

Полученное мною донесение от Олонецкаго гражданского губернатора о успехах сбора и высылке сюда Высочайше назначенных с тамошней губернии стрелков, представляя при сем Комитету г[оспод] министров, честь имею просить разрешения к какому роду службы причислить их следует, т[о] е[сть] ко внутреннему ли ополчению здешнего округа, так как Указом 7 августа² повелено принять

¹ На полях документа имеется помета: «Слушана в Комитете министров 20 августа 1812 г[ода]».

² В Указе от 7 августа 1812 г. (№ 25200) говорилось о приеме «положенных с Олонецкой и Вологодской губерний стрелков на том же основании, как поступают люди в ополчение». В частности, в нормативном акте читаем: «1) Положенных с Олонецкой и Вологодской губерний стрелков, по 500 человек с каждой, принять на том основании, как поступают люди в ополчение, и семейства их по настоящему рекрутскому набору от онаго освободить, но число сих стрелков зачесть в общее количество следующих с тех губерний рекрут, и за тем недостающих рекрут по количеству душ собрать...». Подробнее см.: Полное собрание законов Российской империи. Т. 32. СПб., 1830. № 25200. С. 406.

их на том основании, как поступают люди в ополчение, или почесть рекрутами и отослать на праве оных в военное ведомство, поелику тем же указом предписано зачесть их в число следующих с тех губерний рекрут.

Главнокомандующий в Санкт-Петербурге, генерал от инфантерии [Сергей Кузьмич] Вязмитинов.

Директор Лавров.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 год. Д. 316. Л. 22 и об. Подлинник

№ 14

1812, августа 20. Выписка из Журнала Комитета министров с разъяснением в вопросе о причислении стрелков в ополчение или рекрутами¹.

Слушана записка Главнокомандующего в С[анкт]-Петербурге о стрелках с Олонецкой губернии, к какому роду службы их причислить: к ополчению или в число рекрут.

Главнокомандующий в С[анкт]-Петербурге, представляя Комитету министров полученное им от Олонецкаго гражданского губернатора донесение о успехе сбора и высылке сюда Высочайше назначенных с тамошней губернии стрелков, испрашивает разрешения, к какому роду службы причислить их следует, т[о] е[сть] к внутреннему ли ополчению здешнего округа, так как Указом 7-го августа повелено принять их на том основании, как поступают люди в ополчение, или почесть рекрутами и отослать на праве оных в военное ведомство, поелику тем же указом предписано зачесть их в число следующих с тех губерний рекрут.

Комитет, соображаясь с Указом 7-го августа, коим повелено стрелков принять на том основании, как поступают люди в ополчение, положил причислить их к внутреннему ополчению здешнего округа, для чего и сообщить Главнокомандующему в С[анкт]-Петер-

¹ На начальном листе документа имеются пометы: на верхнем поле страницы – «№ 3380. Сентября, 12-го 1812 [года]», на нижнем поле страницы – «№ 7123, Сентября, 12».

*бурге выписку из сего Журнала к надлежащему исполнению.
Статс-секретарь Молчанов.*

РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 год. Д. 316. Л. 23 и об. Подлинник

№ 15

1812, августа 21. Список с отношения главнокомандующего в Санкт-Петербурге генерала от инфантерии С. К. Вязмитинова к командующему Санкт-Петербургским и Новгородским внутренним ополчением, барону, генерал-лейтенанту П. И. Меллер-Закомельскому¹ о зачислении стрелков в Санкт-Петербургское ополчение.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества Повелению назначено с губерний Олонецкой и Вологодской собрать из обитающих там народов, в стрелянии зверей упражняющихся, до пяти сот человек и более с каждой губернии и доставить их сюда на подводах.

Как люди сии по донесениям губернаторов, частью уже собраны, и вскоре должно ожидать их сюда, то я представлял Комитету г[оспод] министров о разрешении, к какому роду службы причислить их следует, т[о] е[сть] ко внутреннему ли ополчению или почесть рекрутами и отослать на праве оных в военное ведомство.

Комитет, основываясь на Высочайшем Указе, данном Правительствующему Сенату в 7-й день сего августа, положил: причислить их ко внутреннему ополчению здешнего округа.

Честь имею уведомить о сем Ваше Превосходительство для учинения зависящего от Вас, Милостивый Государь Мой, распоряжения касательно приема людей сих, по прибытии их в здешний город, во внутреннее ополчение здешнего округа, коль же скоро будут являться ко мне чиновники, с которыми они должны быть сюда отправлены,

¹ Меллер-Закомельский Петр Иванович (1755–1823) – барон, генерал от артиллерии, директор Артиллерийского департамента Военного министерства, внес значительный вклад в развитие и совершенствование русской артиллерии накануне Отечественной войны 1812 г., с началом войны принял от М. И. Кутузова командование Петербургским и Новгородским ополчениями, находился при 1-й армии и принял участие в боевых действиях.

*то я буду отсылать их к Вам, Милостивый Государь Мой.
С подлинным верно.
Коллежский советник [подпись неразборчива].*

РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 год. Д. 316. Л. 24–25. Подлинник

№ 18

1812, августа 24. Свидетельство Вытегорскому мещанскому обществу о зачислении стрелком во временное ополчение вытегорского мещанина Дениса Степанова.

Свидетельство.

[Дано] Олонецкой губернии города Вытегры мещанскому обществу в том, что принят с онаго мещанин Денис Степанов из упражняющихся в стрелянии зверей и птиц для причисления его стрелком к тому ополчению, которое в С[анкт]-Петербурге противу неприятеля вторгнувшиагося в пределы России составляется, приметамы же тот стрелок: Лицом смугловат, рябоват и веснушки природные, глаза карие, волосы на голове темнорусые, а на бороде такие же проседают, 27 лет, 2 ар[ина] 5 с половиной вер[шков], холост.

*Во уверение чего и дано сие [свидетельство] в городе Вытегре. [июля] Августа, 24 дня, 1812 года.
Статский советник [Степан Иванович] Башинский.*

ГА ВО. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 371. Л. 13. Подлинник

№ 19

1812, августа 24. Свидетельство Вытегорскому мещанскому обществу о зачислении стрелком во временное ополчение вытегорского мещанина Якова Иванова Нефедова.

Свидетельство.

[Дано] Олонецкой губернии города Вытегры мещанскому обществу в том, что принят с онаго мещанин Яков

Иванов Нефедов из упражняющихся в стрелянии зверей и птиц для причисления его стрелком к тому ополчению, которое в С[анкт]-Петербурге противу неприятеля вторгнувшиагося в пределы России составляется, приметам же тот стрелок: Лицом бел, глаза серые, нос туповат, волосы на голове и бороде светлорусые, 30 лет, 2 ар[шина] 6 вер[шков], холост.

Во уверение чего и дано сие [свидетельство] в городе Вытегре. [июля] Августа, 24 дня, 1812 года. Статский советник [Степан Иванович] Башинский.

ГА ВО. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 371. Л. 14. Подлинник

№ 20

1812, августа 24. Свидетельство Вытегорскому мещанскому обществу о зачислении стрелком во временное ополчение вытегорского мещанина Прокопия Осипова Кирилова.

Свидетельство.

[Дано] Олонецкой губернии города Вытегры мещанскому обществу в том, что принят с онаго мещанин Прокопий Осипов Кирилов из упражняющихся в стрелянии зверей и птиц для причисления его стрелком к тому ополчению, которое в С[анкт]-Петербурге противу неприятеля вторгнувшиагося в пределы России составляется, приметам же тот стрелок: Лицом бел, худощав, нос востр, глаза карие, волосы на голове и бороде светлорусые, 30 лет, 2 ар[шина] 5 с половиной вер[шков], женат.

Во уверение чего и дано сие [свидетельство] в городе Вытегре. [июля] Августа, 24 дня, 1812 года. Статский советник [Степан Иванович] Башинский.

ГА ВО. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 371. Л. 15. Подлинник

№ 21

1812, сентября 24. Рапорт начальника 17 и 18-й дружин генерал-майора И. М. Аклечеева¹ в Устроительный комитет Санкт-Петербургского ополчения о негодности к употреблению ружей олонецких стрелков.

Вследствие полученнаго мною предписания о принятии в ведомство мое прибывших из Олонецкой губернии стрелков 333 человек², честь имею донести, что оные мною приняты, находящиеся же при них ружья, по осмотре моем, оказались все к употреблению негодными. Что же касается до положенной по штату одежды, то оные никакой не имеют, как то: кафтанов, полушубков, сапогов, шляп, рукавиц, кушаков и шерстяных чулок, ранцов, патронных сум и топоров. При спрашивании же мною помянутых стрелков, чем оные удовольствованы, все единогласно показали, что отправлены они без всякаго награждения в собственной своей одежде, а на путешествие продовольствие дано по десяти рублей. Поданные мне партионными офицерами³ именные списки при сем честь имею представить.

Генерал-майор [Иван Матвеевич] Аклечеев.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 189. Оп. 1. Д. 174. Л. 7. Подлинник

№ 22

1812, сентября 27. Отношение командующего Санкт-Петербургским и Новгородским внутренним ополчением барона, генерал-лейтенанта П. И. Меллер-Закомельского к главнокомандующему в Санкт-Петербурге, генералу от инфантерии С. К. Вязмитинову с уведомлением о стрелках из Вологодской и Олонецкой губерний, принятых в ополчение, о невозможности

¹ Аклечеев Иван Матвеевич (1758–1824) – выходец из дворян Вологодской губернии, генерал-майор, в 1812–1814 гг. – командир бригады Санкт-Петербургского ополчения, состоявшей из 17-й (олонецкие стрелки) и 18-й (вологодские стрелки) дружин (с января 1813 г. – батальонов).

² Первых олонецких партий.

³ Начальниками партий.

ими исполнять воинскую службу по причине отсутствия одежды и отнесения финансирования обмундирования с губерний.

Милостивый Государь, Сергей Кузьмич!

По отношению ко мне Вашего Высокопревосходительства от 17-го сентября за № 1671, которым требовать изволите уведомления сколько из губерний Олонецкой и Вологодской и от которого офицера принято в ополчение стрелков, об оных честь имею при сем препроводить особую ведомость. Притом считаю нужным известить Вас, Милостивый Государь, что так как стрелки из сих губерний приводятся только в одних крестьянских кафтанах и то весьма ветхих, с ружьем совершенно негодным, а более ничего, даже самого необходимого не имеют, а потому и употреблены в таком одеянии на службу быть не могут, то и я предложил Экономическому комитету ополчения упомянутых стрелков обмундировать на счет тех губерний, откуда они поступают. Какая же на обмундирование их выйдет сумма, я буду иметь честь уведомить Ваше Высокопревосходительство с присовокуплением моей просьбы приказать оную взysкать с тех губерний.

С совершенным почтением и таковою же преданностию имею честь быть Вашего Высокопревосходительства Милостивого Государя [покорнейший] слуга, ба[рон] [Петр Иванович] Меллер-Закомельский.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 год. Д. 316. Л. 70–70 об. Подлинник

№ 23

1812, сентябрь. Ведомость о поступивших в Санкт-Петербургское ополчение стрелках из Вологодской и Олонецкой губерний¹.

¹ Далее по отношению барона П. И. Меллера-Закомельского от 24 октября 1812 г. и приложенной к нему ведомости видно, что поступило еще из Олонецкой и Вологодской губерний 274 человека (Л. 72–73).

*Ведомость
сколько поступило в ополчение стрелков
из Олонецкой и Вологодской губерний*

<i>Из Олонецкой губернии:</i>	
<i>С прапорщиком внутренней стражи Петрозаводскаго батальона Осинским</i>	333
<i>С одним за унтер-офицера рядовым Дудкиным</i>	7
<i>С прапорщиком внутренней стражи Петрозаводскаго батальона Пашкевичем</i>	81
<i>С унтер-офицером Шемчугом</i>	42
<i>С рядовым Смирновым</i>	11
<i>С рядовым Доркиным</i>	12
<i>Итого:</i>	486
<i>Из Вологодской губернии:</i>	
<i>С квартальным надзирателем Отрепьевым</i>	80
<i>С наряженным от дворян подпорутчиком Ендогуровым</i>	112
<i>С подпорутчиком Сычовым</i>	125
<i>С прапорщиком Федоровым</i>	66
<i>Итого:</i>	383
<i>А всего:</i>	869

Барон [Петр Иванович] Меллер-Закомельский.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 год. Д. 316. Л. 71. Подлинник

№ 24

1812, октября 8. Рапорт начальника 17 и 18-й дружин Санкт-Петербургского ополчения генерал-майора И. М. Аклечева в Устроительный комитет временного ополчения с просьбой о зачислении урядником одной из дружин Афанасия Копылова, пожелавшего служить в ополчении.

Хотя по предписанию онаго Комитета от 3-го сего месяца № 670 и значитя приведенных поручиком Сычовым из Вологодской губернии 26 стрелков, но мною только принято 25 человек, потому что в числе их находится сын канцеляриста Афанасий Копылов, который прислан сюда от Вологодскаго гражданскаго губернатора [Николая Ивановича Барша] по желанию его для определения в ополчение, а как он желает служить в которой-нибудь из вверенных мне дружин, то, препроводя у сего его просьбу и данное ему от Вологодскаго гражданскаго губернатора [Николая Ивановича] Барша свидетельство, покорнейше прошу оный Комитет о назначении [Афанасия] Копылова в урядники.

Генерал-майор [Иван Матвеевич] Аклечеев.

ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 174. Л. 79. Подлинник

№ 25

1812, октября 16. Рапорт начальника 17 и 18-й дружин Санкт-Петербургского ополчения генерал-майора И. М. Аклечеева в Устроительный комитет временного ополчения о невозможности выступить в поход вверенных ему дружин по причине недокомплектования унтер-офицерами, лекарями, барабанщиками и рядовыми.

Получив предписание онаго Комитета от 15-го сего м[еся]ца за № 791-м о Высочайшем Соизволении, дабы вверенные мне дружины выступали в поход непременно 19-го числа сего м[еся]ца, честь имею донести, что недостает против положения 4-х штаб-офицеров и потребно иметь положенное число старослужащих унтер-офицеров и рядовых, без коих никак нельзя иметь за стрелками в походе надзора и против неприятеля благонадежнаго устройства, также нужно два лекаря, [и] хотя оным Комитетом и определен в 17-ю дружину доктор Вейс¹, но он еще по сие время не явился, а так теперь, кроме отправленных в гошпиталь стрелков, находятся при дружи-

¹ Возможно, под именем указанного доктора Вейса скрывается Федор Иванович Вейссе (1792–1869). В 1812 г. он мог служить лекарем в Олонецкой дружине Санкт-Петербургского ополчения. Известен как выпускник медицинского факультета Дерптского университета. В 1815 г. получил степень доктора медицины.

нах слабые, то без должнаго присмотра не возможно их приготовить к походу и при том необходимо нужно иметь двух цырюльников для кровопускания и присмотра за больными, к тому же в обеих дружинах не имею барабанщиков, без коих уже никак нельзя быть в походе, и ибо всем вышенаписанном моем требовании покорнейше прошу Комитет снабдить меня Повелением.

Генерал-майор [Иван Матвеевич] Аклечеев.

ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 177. Л. 12–12 об. Подлинник

№ 26

1812, октября 16. Рапорт начальника 17 и 18-й дружин Санкт-Петербургского ополчения генерал-майора И. М. Аклечеева в Устроительный комитет временного ополчения о невозможности службы в ополчении стрелков по причине несовершеннолетия и оставлении их при дружине для обучения барабанному бою.

В числе приведенной из Олонецкой губернии в партии прапорщика Федотова 68-ми человеках найдены мною при приеме в Комитет неспособными к фрунтовой службе за малолетством стрелки Федор Семенов и Степан Томилов, но по нахождению их при дружине усмотрел я, что они по прилежанию своему и расторопности могут быть употреблены в барабанщики, о чем, донося оному Комитету долгом поставляю представить, не угодно ли будет вышеписанных стрелков оставить при дружине для обучения барабанного боя.

Генерал-майор [Иван Матвеевич] Аклечеев.

ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 177. Л. 29. Подлинник

№ 27

1812 года, ноября 6. Отношение министра финансов и государственных имуществ Д. А. Гурьева к главнокомандующему в Санкт-Петербурге генералу от инфантерии С. К. Вязмитинову с вопросом о разъяснении причин привлечения в ополчение вологодских и олонецких крестьян и мещан в нарушение Манифеста Александра I о сборе ополчения.

Из Высочайших Его Императорского Величества Манифестов, изданных в 18-й июля¹ и в 4-й день августа² сего года, известно, что государственные, экономические и удельные крестьяне в тех губерниях, из коих составляется временное внутреннее ополчение, не участвуют в оном, но предоставляются для обыкновенного с них набора рекрут по установленным правилам, и что с удельных и казенных крестьян повсеместно назначено брать с 1-го сентября [к 1-му] ноября по два рекрута со ст[а души] шестой ревизии.

[Вместе с] тем [п]олучил я от Олоне[цкого граж]данскаго губернатора уведомление, что по предписанию Вашего Высокопревосходительства со изображением Высочайшаго Повеления назначено собрать с государственных крестьян и мещан Олонецкой губернии и отправить в Санкт-Петербург 575 стрелков с их ружьями, но как я предварительно о сем сведения от Вас, Милостивый Государь, не имею, то покорнейше прошу почтить меня Вашим уведомлением, с одной ли Олонецкой или и из других каких губерний подобные с казенных крестьян назначения сделаны и не входят ли они взамен рекрутскаго набора.

Министр финансов Д[митрий Александрович] Гурьев.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 год. Д. 316. Л. 76–76 об. Подлинник

№ 28

1812, ноябрь 8. Следственное дело о беглом рекруте, крестьянине Олонецкой губернии Акиме Богданове, поставленном в стрелки во временное ополчение.

¹ Высочайшим Манифестом от 18 июля 1812 г. император Александр I предписывал составление временного внутреннего ополчения. Для организации ополчения назначались 17 губерний, разделенных на три округа: первый – для защиты Москвы, начальником которого назначен Ф. В. Ростопчин, второй – для охраны Санкт-Петербурга и третий – резервный. В московский округ, кроме непосредственно Москвы и Московской губернии входили Тверская, Ярославская, Владимирская, Рязанская, Тульская, Калужская и Смоленская губернии.

² Высочайшим Манифестом от 4 августа 1812 г. прописывались правила приема рекрут, вменявшиеся рекрутским присутствиям и командирам губернских гарнизонных батальонов.

1812-го года, ноября 8-го дня, в проезд Повенецкаго господина земскаго исправника [нрзб.] во исполнение ордера господина Олонецкаго гражданскаго губернатора и кавалера для отыскания беглых рекрут в Семичезерской вотчине чрез деревню Кумчезеро¹, где пойман во оной деревне отданный в стрелки крестьянин Аким Богданов, который в нижеследующем спрашиван и показал.

[К сему] зовут его, действительно, тем именем и отчеством, от роду ему 40 лет, у исповеди и Святаго причастия повсегодно бывает, грамоте читать и писать не умеет, под судом и в штрафах не бывал, сего года в начале в начале минувшаго августа по приговору мирскаго общества назначен был в стрелки и для приему во оныя был обще отправлен в губернский город Петрозаводск и с таковыми ж, а из онаго в походе с партией, и дойдя до города Олонца², из коего по подговору³ таковой же Семичезерской вотчины отданных в стрелки крестьян деревень Ужнаго конца Карпа Федотова и Торосозера Парфентья Макарова бежали 15 числа м[еся]ца прямо в селения свои чрез разныя места и ни у кого, кроме ночлега ночнаго [нрзб.], хотя некоторыя крестьяне, которых селениев есть не знает, испрашивали, кто они таковы, на что отвечали, что [они] есть крестьяне Повенецкаго уезда и были в работе в городе Олонце и [нрзб.] недоходя селения Торос-озеро⁴ товарищи его оставили и куда они пошли неизвестно, он же потек в свой дом в ночное время и дав свой дом в ночное время и дав своим домашним о своем приходе знать, скрылся в лес, где и находился [нрзб.] до сего времени, а пропитание [снискал] похищением у находящихся в работе крестьян хлеба. Об укрыва-

¹ чрез деревню Кумчезеро – деревня Мяндусельской волости Повенецкого уезда Олонецкой губернии.

² Олонец – уездный город в Олонецкой губернии (ныне – Республика Карелия), расположен в Олонецкой низменности у слияния рек Олонка и Мегрега, ее притока, один из старейших городов северной России.

³ Подговор (приговор) вотчины. Здесь речь идет о мирском сходе крестьянской общины. Обычно общину рассматривают как коллективный орган крестьянского самоуправления. Устройству рекрутской повинности, выполнение набора и назначение рекрут от каждого волостного общества производилось по мирским приговорам волостных сходо. Как правило, в рекруты отдавали либо сироту, воспитанного общиной, либо провинившегося крестьянина.

⁴ Торос-озеро – деревня в 28 верстах от уездного города Олонца, входила в Олонецкий уезд Олонецкой губернии.

тельстве же его соседи вовсе не знали, кроме домашних, как то родной матери Марфы Арсентьевой и жены Марфы Андреевой, которые объявить волостному старосте или протчим начальникам о его возвращении по сожалению, а более по приказанию его не смели. Сего ж числа, пришед он в свой дом для ночлегу, был мною пойман, во время тог ж побегу, как то воровство, равно смертоубийство, также огненных пожегов не чинил, а где ж вышепрописанныя его товарищи ныне находятся, равно и подобныя им таковыя ж, он вовсе сведений не имеет, в чем и показал самую сущую правду под опасением [нрзб.] строгого по законам взыскания и в том подписуется.

Акима Богданова за неумением грамоте по ево личному прошению крестьянин Конан Михайлов руку приложил.

ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 174. Д. 87–88. Подлинник

№ 29

1812 года, ноября 15. Ответ главнокомандующего в Санкт-Петербурге генерала от инфантерии С. К. Вязмитинова министру финансов и государственных имуществ Д. А. Гурьеву с разъяснением в вопросе причин привлечения в ополчение вологодских и олонекских крестьян и мещан в нарушение Манифеста Александра I о сборе ополчения.

На отношение Вашего Высокопревосходительства от 6 сего ноября о стрелках, взятых с Олонецкой губернии, честь имею уведомить, что стрелки сии взяты с двух губерний Олонецкой и Вологодской по Высочайшему Его Императорскаго Величества Повелению, объявленному в Комитете [господ] министров, которое потому должно быть известно и Вашему Высокопревосходительству, и на основании коего предписано было от меня 19 ию[ля] сего [го]да гражданским губер[наторам] обеих выше сказанных губерний, дабы они [тот] час приказали набрать из обитающих во вверенных им губерниях народов, в стреляя[нии] зверей упражняющихся[я] до 500 человек и более с каждой губернии и по сборе оных с теми самыми ружьями, которые они при своем промысле употребляют, отправили их на подводах в Санкт-Петербург для причисления их к ополчению.

Потом, когда получены были от сих губернаторов донесении, что люди сии частию собраны уже и отправляются сюда, то я представлял Комитету г[оспод] министров о разрешении, к какому роду службы причислить их следует, т[о] е[сть] ко внутреннему ли ополчению здешнего округа, так как Высочайшим Указом, данным Правительствующему Сенату 7 числа минувшаго августа, повелено принять их на [том] основании, как посту[п]ают люди в ополчение, или почесть рекрутами и отослать на праве оных в военное ведомство, поелику тем же указом предписано зачесть их в число следующих с тех губерний рекрут.

Комитет, основываясь на упомянутом Указе, положил причислить их ко внутреннему ополчению здешнего округа, о чем от меня дано знать Начальнику здешнего ополчения, генерал-лейтенанту барону [Петру Ивановичу] Миллеру-Закомельскому, с других же губерниях сбора стрелков не происходило.

Подписал: Главнокомандующий в С[анк]-Петербурге [Сергей Кузьмич] Вязмитинов.

Скрепил: Директор Лавров.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 год. Д. 316. Л. 77–78. Подлинник

Отечественная война 1812 года в памяти купечества: по материалам мемуаров

Купцы в России всегда были далеки от войны: торговое сословие освобождалось от рекрутской повинности и традиционно не имело отношения к офицерской службе. Однако Отечественная война 1812 г., сплотившая все русское общество как никакая другая военная кампания, запечатлелась в памяти купечества и, как следствие, в мемуарах и дневниках.

В воспоминаниях купцов почти нет сведений о военных действиях, а также о дипломатии и политике – в начале XIX в. российское купечество не интересовалось политическими вопросами. Как правило, авторы описывали лишь те события, свидетелями или участниками которых они становились; большая часть сообщений касается разорения оккупированных городов и сел, сложностей организации торговли и перемещения товаров в условиях войны.

В 1812 г. купечество принимало участие в уплате окладных сборов, средства от которых шли на военные нужды; организация и снаряжение полков ополчения во многом легли на плечи торгового сословия. Все это дало основание купцам впоследствии подчеркивать свой вклад в победу над Наполеоном.

В нашем распоряжении есть несколько уникальных мемуарных произведений, написанных московскими купцами в 1812–1815 гг., в которых отражены их впечатления от пребывания французов в Москве.

Купец 3-й гильдии Николай Федорович Котов был владельцем шляпной фабрики в Москве, основанной его отцом в 1788 г. и успешно действовавшей до сентября 1812 г., когда Котов бежал в Ярославль. Его записки о военных действиях 1812 г. – «редкий эпистолярный памятник для представителя купечества или неприлегированных сословий, посвященный этой теме»¹, одновременно

¹ Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века / Сост. А. В. Семенова, А. И. Аксенов, Н. В. Середа. М., 2007. С. 6.

и самое раннее купеческое мемуарное произведение о наполеоновской эпохе¹. А. Г. Тартаковским высказано предположение, что мемуары были созданы на основе поденных записей купца за 9 октября – 19 ноября 1812 г.² Котов покинул Москву 1 сентября и вернулся лишь в конце года. Его «Записки» отразили не только то, что он видел сам, но и рассказы москвичей, не покидавших город при французах, слухи и толки. Этим и ценны его мемуары – в них зафиксирована устная традиция, бытовавшая в Москве в 1812 г., запечатлена народная точка зрения на войну.

Интересно, что в этот же период купцом Котовым были записаны воспоминания о его жизни в Москве при Екатерине II и Павле I, по видимости, оконченные 7 октября 1812 г.³

Мемуары московского купца 3-й гильдии Петра Петровича Жданова о его «приключениях» в 1812 г. были обнародованы год спустя без указания имени автора. По мнению А. Г. Тартаковского, столь скорая публикация этих записок была вызвана востребованностью такого издания⁴.

В 1879 г. в журнале «Русский архив» была напечатана записка

Титульный лист книги:
«Памятник французам,
или Приключения московского
жителя П... Ж...»
СПб., 1813

¹ Котов Н. Ф. Из «Записок о военных действиях 1812-го года» // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 33–45. Др. изд.: Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. С. 27–45. Рукопись: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 54 (Вишняков Н. П.). К. 8. Д. 31.

² Тартаковский А. Г. Великие воспоминания 1812 года // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 14.

³ Воспоминания и дневники XVIII–XX вв.: Указатель рукописей / Под ред. С. В. Житомирской. М., 1976. С. 203.

⁴ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991 С. 191.

московского книготорговца, гофмаклера в Коммерческом банке Григория Николаевича Кольчугина о событиях 1812 г.¹, адресованная неустановленному лицу. Она была составлена купцом через несколько лет после окончания Отечественной войны, в 1815 г., и содержит описание его пребывания в Москве при французах.

Ксенофонт Алексеевич Полевой посвятил «Записки» биографии своего брата – писателя и историка Николая Алексеевича Полевого². Полевые были представителями сибирского купечества и в июле 1812 г. приехали из Иркутска в Москву, где их застало наполеоновское нашествие. Семья мемуариста успела покинуть город в последний момент перед вступлением в него французской армии.

Перу Егора Андреевича Харузина принадлежат мемуары под названием «Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний, пережитых мною в годину двенадцатого года, при занятии французами Москвы»³. Их автор – выходец из богатой купеческой фамилии, чьим семейным делом было суконное производство и водочная торговля, сам он служил на хрустальном заводе, а позднее разорился. Воспоминания были написаны Харузиным спустя 60 лет после Отечественной войны, в 1872 г., по просьбе историка М. П. Погодина и обращены к нему⁴. В этом произведении переданы детские впечатления автора, которому в 1812 г. было 10 лет: до 29 сентября он оставался в оккупированной Москве.

В мемуарах московских купцов – современников 1812 г. – Отечественная война представлена как страшная катастрофа, стихийное бедствие, внезапно обрушившееся на Россию (дословно у Е. А. Харузина: «великая отечественная катастрофа»⁵). Вся Москва подверглась разорению, не уцелели торговые лавки и склады. Иму-

щества лишились купцы, бежавшие из Москвы: вернулись они на пожарище; не менее тягостными были и впечатления тех, кто остался и воочию наблюдал пожары и грабежи. Наибольший урон понесли мелкие коммерсанты: в одночасье они лишились всего. В историографии утвердилось мнение, что 10-е гг. XIX в. для московского купечества были периодом упадка и от губительных последствий 1812 г. оно впоследствии отходило более десятилетия¹.

По замечанию Харузина, «чтобы Москва была отдана без кровопролитной битвы, того – после мистификаций ростопчинских афиш – никому и в голову не приходило»². Подобное мнение присутствует и в записке Г. Н. Кольчугина: у москвичей была уверенность в тяжелом положении французской армии, основанная на прокламациях московского военного губернатора Ф. В. Ростопчина³.

В воспоминаниях купцов нашли отражение слухи о поведении оккупантов: что «французы вступили в Москву с музыкой и так смиренно, так мирно – словом, Мир-Мир»⁴; что «французы все-таки грабят, не только рядовые, но и чиновники под видом сбережения <...> и делают все поругание церквям, в некоторых живут в алтарях и на престолах обедают, в церквях с женщинами даже спят, в трапезных имеют лошадей и в них гадят»⁵. Встречаются эмоциональные рассказы о том, как русских раздевают донага ради их одежды.

Но вместе с горестными слухами мемуары изобилуют анекдотами о русских, которые даже в таких условиях умудрялись обмануть французские власти и извлечь выгоду. Так, например, Н. Ф. Котов рассказывает о хитром мяснике, который обманул французов⁶.

Все эти слухи и отклики записаны мемуаристами сквозь призму купеческого восприятия: «Наполеона видели в Москве, что среди блестящей свиты он ездил в сером сюртуке и в маленькой треуголь-

¹ [Кольчугин Г. Н.] Записка о 1812 годе московского гофмаклера Г. Н. Кольчугина // Русский архив. 1879. № 9. С. 45–62.

² Полевой К. А. Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого. СПб., 1860. Ч. 1.

³ Харузин Е. А. Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний, пережитых мною в годину двенадцатого года, при занятии французами Москвы // 1812 год в воспоминаниях современников. С. 163–170.

⁴ Рукопись: ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин М. П.). Разд. III. К 11. Д. 62. См. также его автобиографическую заметку: Харузин Е. А. Моя автобиография // Там же. Д. 61.

⁵ Харузин Е. А. Мелкие эпизоды... С. 164.

¹ Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 91.

² Там же.

³ [Кольчугин Г. Н.] Указ. соч. С. 46.

⁴ Котов Н. Ф. Указ. соч. С. 39.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Там же. С. 41–42.

ной шляпе, как купец»¹. Харузин вспоминал, что, когда французы пришли в их дом, он переживал не только за свою жизнь, но и за «сундуки с добром»².

В мемуарах запечатлены отзывы очевидцев о вступлении Наполеона и его генералов в Москву. Особую ненависть у московских купцов вызывала фигура Юзефа Понятовского, благодарившего бога за падение Москвы: «И бог русский, бог отмщений, не обинуясь, откликнулся на его хульную молитву: как известно, этот тристат нового фараона по выходе из Москвы, преследуемый казаками, погряз в хладных водах р. Березины»³.

Безусловно, основное внимание в мемуарах купцов обращено на пожар Москвы, особенно на гибель Гостиного двора и торговых рядов – на него даже ходили смотреть, пытались собрать добро по горящим лавкам. Харузин эмоционально описал москвичей, ночевавших на улицах из-за пожаров, взрывов пороха и спирта: «Страшная картина ада!»⁴ Г. Н. Кольчугин с соседями участвовал в тушении пожара у Покровских ворот⁵.

Отдельный сюжет, занимающий не последнее место в воспоминаниях купцов о 1812 г., касается разорения и поругания французами церквей; встречаются и сообщения о русских предателях, которые помогали оккупантам скидывать кресты с соборов Кремля.

После ухода наполеоновской армии из Москвы началось возвращение жителей в город и его постепенное восстановление. Торговцы, воочию не наблюдавшие разгрома своего имущества, увидели его последствия. Воспоминания Н. Ф. Котова заканчиваются описанием того, каким застал он свой склад: «В сей день я с молодцами в кладовой нашей занимался разборкою шляп, коих оказалось очень много, но все почти лоскутки, потому что по шляпам ходили как по сену, и на мятых шляпах ворочены тяжелые сундуки с расколанными крышками»⁶. К. А. Полевой и вовсе не обнаружил своего

жилища по возвращении: «Москва представляла ужасное зрелище!.. На месте нашей квартиры не было и следа жилья: все превратилось в обширное поле, покрытое снегом»¹.

Для многих купцов с возвращением русских войск испытания не окончились. Некоторые из них при французском управлении были выбраны в городской муниципалитет: в частности, Г. Н. Кольчугин, владевший немецким и французским языками, исполнял должность переводчика. После изгнания наполеоновской армии из Москвы проводились расследования и были заведены дела на лиц, подозревавшихся в сотрудничестве с оккупантами. В «Записке» Кольчугин подробно изложил обстоятельства своего пребывания в Москве, объяснив службу в муниципалитете вынужденной необходимостью, и просил оправдания.

Отдельное место в купеческой мемуаристике принадлежит семейным хроникам московских купеческих фамилий. Как правило, такие произведения были написаны на рубеже XIX–XX вв. представителями молодого поколения торговых или промышленных династий. Предки многих из них в «грозу 1812 года» понесли значительные убытки. Так, в «Семейной хронике Крестовниковых» рассказано об основателе фамильного торгового дела Козьме Васильевиче Крестовникове, чьи склады с товаром погибли в московском пожаре 1812 г.² Петр Иванович Щукин потер-

Титульный лист книги:
«Сведения о купеческом роде
Вишняковых».
М., 1903. Ч. 1:
(1636–1762 гг.).
Подпись-автограф
составителя
Н. П. Вишнякова

¹ Котов Н. Ф. Указ. соч. С. 43.

² Харузин Е. А. Мелкие эпизоды... С. 165.

³ Там же. С. 166.

⁴ Харузин Е. А. Мелкие эпизоды... С. 166.

⁵ [Кольчугин Г. Н.] Указ. соч. С. 48.

⁶ Котов Н. Ф. Указ. соч. С. 45.

¹ Полевой К. А. Указ. соч. С. 37.

² Семейная хроника Крестовниковых. М., 1903. Кн. 1. С. 25–27.

пел до миллиона убытка и сделался несостоятельным должником¹. В «Сведениях о купеческом роде Вишняковых» Николай Петрович Вишняков подробно описал, как, «укрываясь от нашествия, московское купечество рассеялось по разным городам»². Очевидно, что и спустя почти столетие война не изгладилась из памяти предпринимателей.

А. И. Аксенов, детально изучив состав московского купечества по данным 6-й и 7-й ревизий 1811 и 1815 гг., заключил, что во втором десятилетии XIX в. наблюдалось значительное выбывание купцов из сословия. В первую очередь пострадали коммерсанты, занятые внешней торговлей, и промышленники, имевшие фабрики на территории Москвы и Московской губернии³. Отечественная война больно ударила по московским предпринимателям: значительное число предприятий и фабрик разорилось и никогда не возродилось вновь, а их хозяева не в состоянии были платить гильдейский цenz и выбыли из купечества. Убытки понесли купцы и других оккупированных губерний – Смоленской, Минской, Могилевской и др.⁴. Разорения не обошли стороной и Тверь, поэтому дневники тверских купцов содержат множество сообщений о событиях 1812 г.⁵

Для петербуржцев последствия 1812 г. были не столь роковыми. Скорее, больший урон они понесли в результате континентальной блокады 1807–1812 гг.⁶. Современник отмечал, что «торговля в Петербурге с 1805 по 1812 г. значительно упала, что послужило

И. В. Ческий. Вид Биржи на Васильевском острове.
Раскрашенная гравюра. 1816 г.

к разорению многих купцов»¹. Еще больше повредило петербургским купеческим капиталам принятие невыгодных таможенных тарифов в 1816 и 1819 гг. Именно эти события вызвали волну недовольства, что отразилось как в мемуарах, так и в публицистических произведениях и даже экономических трактатах.

Подобная оценка содержится в сочинении архангельского купца, коммерции советника Василия Алексеевича Попова. В 1821 г. он написал пьесу «Разговор в Царстве мертвых»². Это иносказательная сценка, посвященная критике таможенной политики России того времени. Диалог ведут умершие в конце XVIII – начале XIX в. купцы

¹ Северцев (Полилов) Г. Т. С. – Петербург в начале XIX века // Исторический вестник. 1903. № 5. С. 633.

² Частично опубл.: Смирнова М. А. Страсти по курсу на том свете: Рассуждения купца о международной торговле России // Родина. 2011. № 7. С. 62–64. Рукопись: [Попов В. А.] Разговор в Царстве мертвых // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). Ф. XVII. 27. Л. 5–37.

¹ Рыбникова М. А. Горбовская хроника: По архиву семьи Щукиных. М., 1919. С. 11–15.

² Сведения о купеческом роде Вишняковых. М., 1905. Ч. 2: (1762–1848 гг.). С. 40.

³ Аксенов А. И. Указ. соч. С. 89.

⁴ См.: Рыбаков Ю. А. Отечественная война 1812 г. и текстильная промышленность Московской и Владимирской губерний // Труды Московского историко-архивного института. 1865. Т. 21. С. 224–240; Парусов А. И. Из истории внутренней торговли России конца XVIII – первой четверти XIX столетия // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. 1960. Т. 41. Вып. 4. Сер. история. С. 3–57.

⁵ Середа Н. В. Война 1812 года в дневниках тверских купцов // Тверская губерния в Отечественной войне 1812 года: Сб. материалов историко-краеведческой конференции. Тверь, 2002. С. 72–80.

⁶ Предтеченский А. В. К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности России // Известия АН СССР. Сер. 7. Отделение общественных наук. 1931. № 8.

и финансисты. Гофмаклер А. Ротерс попадает после смерти в Царство мертвых. Там он встречается со многими почившими ранее архангельскими купцами – своими компаньонами и конкурентами. Они с жадностью его расспрашивают, что произошло в жизни Архангельского порта в последнее время. Ротерс рассказывает им о переменах в экономике России, связанных с континентальной блокадой, событиями 1812 г., в том числе о кардинальном изменении таможенного курса. «В Отечественную войну 1812 г., – резюмирует Попов устами Ротерса, – многие имели немалые пользы, а некоторые дома в течение трех лет миллионами составили свое состояние»¹.

Второй уровень восприятия Отечественной войны 1812 г. купцами зафиксирован в более поздних мемуарах, написанных потомками современников 1812 г. Страшные события были знакомы авторам лишь понаслышке, разрушительные последствия были уже давно преодолены и забыты, а в памяти купцов новых поколений 1812 год остался только как героический, торжественный эпизод в истории страны, а также как некий экономический толчок, обогативший многие столичные торговые дома. Эта точка зрения впоследствии утвердилась и в историографии: П. А. Берлин в начале XX в., а впоследствии и многие другие исследователи, отмечали, что купечество рассматривало Отечественную войну 1812 г. как источник обогащения².

Георгий Тихонович Полилов, представитель младшего поколения крупного купеческого рода Полиловых, писатель начала XX в., уже далекий от семейного коммерческого дела, сообщал о падении торговли пенькой накануне Отечественной войны. Действительно, в начале XIX в. доля пеньки в общем объеме внешней торговли России с Англией составляла 7%³. «1812-й год <...> оживил снова торговлю, и поставка пеньки для нужд казенного завода и за границу <...> снова приняла прежние размеры»⁴.

Обложка, титульный лист и вклейка из книги:
Г. Т. Полилов-Северцев. «Наши деды – купцы». СПб., 1907

Это было связано с казенными заказами на данный товар для русского судостроения, а также для союзных в те годы англичан. Именно повышенный спрос на пеньку позволил Полиловым продавать ее по высокой цене и тем самым составить капитал, расширить свое дело и перенести его в Петербург. В начале 1813 г. дед мемуариста отправился в Польшу вместе с русской армией на заготовки провианта для русских войск, преследующих Наполеона¹.

Библиофил Яков Федулович Березин-Ширяев в своих «Семейных записках» писал, что компаньоны его предков купцы Брилины сильно обогатились в 1812 г. на торговле сукном. «В это время был большой недостаток в сукнах, и цены на них были чрезвычайно высоки. Ларион Степанович, находясь в это время в Москве, доставлял в Петербург требуемые товары с большой выгодой. Он находился в Москве до самого вступления в нее французов. По окончании войны он также продолжал ездить в Москву и закупать там товар для Брилина. Требования на сукна были весьма значительны и по окончании войны, что весьма много способствовало обогащению Брилина. Так продолжалось

¹ Северцев Г. Т. (Полилов). Автобиографическая заметка // Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 377 (Венгеров С. А.). Оп. 7. Д. 2903. Л. 2.

¹ Смирнова М. А. Указ. соч. С. 63.

² Берлин П. А. Русское купечество и война 1812 г. // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 5. С. 114. См. также: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1941. С. 187–190.

³ Калинин А. В. Внешняя торговля России в первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 16.

⁴ Полилов (Северцев) Г. Т. Быт петербургского купечества в 1820-х – 1840-х годах // Петербургское купечество в XIX веке. СПб., 2003. С. 51.

несколько лет, в продолжение которых Брилин приобрел себе большое состояние и имя известного петербургского купца»¹.

Купцы обогащались разными способами, в том числе играли на патриотических чувствах русских. Мемуаристы отмечают, что если ранее было выгодно выдавать свой товар за иностранный, особенно французский, то в 1812 г. в цене оказалось все русское. В исследовании П. А. Берлина приведен памфлет, имевший хождение в Петербурге:

«Лишь с Англией разрыв коммерции открылся,
То внутренний наш враг на прибыль и пустился.
Враги же есть все те бесстыдные глупцы,
Грабители людей, бесчестные купцы.
На сахар цену вновь сейчас и наложили:
Полтину стоил фунт, рублем уж обложили»².

К. Афанасьев.
Портрет И. Д. Ертова.
Гравюра. 1827 г.

Впрочем, не для всех быстрое обогащение закончилось благополучно. Служащий купеческой конторы Иван Давыдович Ертов записал в своем «Житии» о хозяине конторы, нажившемся на казенных поставках: «Хозяин мой, будучи главным поставщиком для действующей армии провианта, и еще два другие подрядчика, купец Очкин и крестьянин графа Орлова Маринин, первые подверглись ответственности пред высочайшею комиссией»³.

Таким образом, события 1812 г. двояко отразились в памяти купечества. Ощущение катастрофы присуще мемуарам и дневникам московских коммерсантов – очевидцев и современ-

ников пожара Москвы. В более поздних текстах купцами следующих поколений представлена героическая эпоха, кардинально (в том числе в лучшую сторону) повлиявшая на их семейное дело. Отечественная война 1812 г. стала мощным импульсом для развития купеческой мемуаристики. Если для XVIII – самого начала XIX в. известны единичные мемуарные произведения купцов, в основном дневниковые записи, которые сложно отделить от хозяйственных записок, заметок о погоде и т. п., то после 1812 г. можно говорить о появлении в купеческой среде мемуаров классической формы.

¹ Березин-Ширяев Я. Ф. Семейные записки // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 431 (Березины-Ширяевы). К. 1. Д. 12. Л. 5 об.

² Берлин П. А. Указ. соч. С. 117.

³ [Ертов И. Д.] Житие раба божияго Ивана Давидова сына Ертова самим им писанное: Переписано с рукописи и дополнено в 1837 году // Философский век. СПб., 2004. Вып. 26. С. 77.

Отечественная война 1812 года в европейской и русской карикатуре

На европейском континенте начало XIX в. ознаменовалось чередой крупных военных конфликтов, которые вошли в историю под названием наполеоновских войн. Особую роль в формировании общественного отношения к этим событиям сыграла карикатура. Авторы сатирической графики создавали на злобу дня яркие образы героев эпохи, срывая маску благочестия с европейских политиков и раскрывая их истинные планы. Влияние карикатуры на умы современников было столь велико, что крупнейшие государственные деятели были вынуждены считаться с дерзкими выпадами художников в свой адрес. Наполеон, подписывая в 1802 г. Амьенский мир с Англией, требовал внести в его текст пункт, приравнивавший британских художников, которые создавали антинаполеоновские карикатуры, к убийцам и фальшивомонетчикам, подлежащим экстрадиции с Британских островов. Однако это предложение не было реализовано, и именно в творчестве английских мастеров борьба европейских стран с Наполеоном получила самый живой отклик.

Лидерству британских карикатуристов способствовали общий расцвет национальной школы графики, появление большого количества издательств и книжных магазинов, многие из которых специализировались на продаже сатирической графики, а также значительный уровень ее востребованности у населения. Соответствие духу времени и высокий художественный уровень их работ наряду с широкими возможностями тиражирования обусловили быстрое распространение офортов британских карикатуристов на европейском континенте.

Во Франции политическая карикатура была подчинена Наполеону после его вступления на престол в 1804 г. Оценив преимущества такого метода политической пропаганды, Бонапарт поставил сатирическую графику на службу своим интересам и сам нередко придумывал сюжеты, очернявшие его врагов. Карикатуристы поработанных Наполеоном стран, таких как Голландия, итальянские и немецкие

государства, по политическим соображениям были вынуждены или принимать сторону узурпатора, или вовсе не браться за карандаш. Наполеон держал выпуск печатной продукции на подчиненных ему территориях под строгим контролем. Авторы и издатели оппозиционных статей, листовок или карикатур наказывались самым жестоким образом. Так, в 1806 г. баварский книгоиздатель Иоганн-Фридрих Пальм был расстрелян по приказу Наполеона за распространение брошюры «Германия в ее глубочайшем унижении».

В России до начала XIX в. роль карикатуры выполняла лубочная картинка – яркое проявление народного творчества, существовавшее вне рамок академического искусства. Первый опыт создания карикатуры в традиционном ее виде был предпринят А. Г. Венециановым (1780–1847) в «Журнале карикатур в лицах на 1808 год». Для первого выпуска журнала им было подготовлено четыре карикатуры, высмеивавшие неприглядные черты русского общества: «Аллегорическое изображение двенадцати месяцев», «Катание в санях», «Вельможа» и «Введение в свет молодого человека». Однако в «Вельможе», где был представлен собирательный образ русского чиновника, манкирующего своими служебными обязанностями, власть увидела сатиру на реальное лицо, князя П. В. Лопухина. Выпуск издания, которое содержало критику представителей высшего света, был категорически невозможен. По приказу Александра I Министерство народного просвещения закрыло журнал. Художнику удалось вновь обратиться к карикатуре только в 1812 г., в связи с нашествием наполеоновских войск на Россию.

Необходимо отметить, что русская сатирическая графика в 1812–1814 гг., как и европейская антинаполеоновская карикатура, изучена достаточно полно западными и отечественными специалистами. Основными зарубежными исследованиями европейской карикатуры первой четверти XIX века являются: *Napoleon in Caricature (1795–1821)* (А. М. Broadley, 1911), *Catalogue of Political and Personal Satires Preserved in the Department of Prints and Drawings in the British Museum (1947–1952; 8–10 vol.: by M. D. George)*, *La Caricature contre Napoléon* (С. Clerc, 1985). Значительное количество французских сатирических листов этого времени представлено в коллекции дипломата барона Карла де Винка (Carl de Vinck, 1859–1931),

которая хранится в Национальной библиотеке Франции и входит в число крупнейших наряду с коллекцией Британского музея.

Обширному графическому наследию русских мастеров посвящены книги «Подробный словарь русских граверов» (1895) и «Русские народные картинки» (1900) выдающегося искусствоведа, знатока гравюры и коллекционера Д. А. Ровинского, «Русская карикатура» (1911–1913: в 3 т.) историка искусства В. А. Верещагина, а также статья К. С. Кузьминского «Отечественная война в живописи» в издании «Отечественная война и русское общество» (1911: в 7 т.). В советское время карикатуру рассматривали в рамках изучения творчества русских художников: стоит упомянуть монографии А. Л. Кагановича «Иван Иванович Теребенев» (1956) и А. Н. Савинова «Алексей Гаврилович Венецианов. Жизнь и творчество» (1955). Искусствовед Т. В. Черкесова (1936–1975) в своей статье «Политическая графика эпохи Отечественной войны 1812 года и ее создатели» (1968)¹ ввела в научный оборот имена многих забытых художников и любителей, которые также внесли значительный вклад в становление этого вида искусства и чьи работы ранее ошибочно приписывались известным русским карикатуристам.

Между тем «русской» теме в европейской карикатуре и взаимодействию европейских и отечественных художников в 1812–1814 гг. посвящено не много исследований – как в западной, так и в отечественной науке. Британский историк Энтони Кросс (Anthony Cross) в настоящий момент готовит к печати книгу *Russia in British Caricature and Cartoon*². В России эту тему затронул В. П. Шестаков в одной из глав своей книги «История английского искусства» (2010) и монографии «Гилрей и другие... Золотой век английской карикатуры» (2004), посвященной творчеству крупнейших британских карикатуристов XVIII – первой четверти XIX в. Выявление художественных контактов европейских и русских мастеров могло бы пролить дополнительный свет на процесс формирования у европейцев представлений о далекой России и определить степень взаимного влияния

¹ Черкесова Т. В. Политическая графика эпохи Отечественной войны 1812 года и ее создатели // Русское искусство XVIII – первой половины XIX века: Материалы и исследования. М., 1971. С 11–47.

² Кросс Э. В кривом зеркале: Россия в британской карикатуре XVIII–XIX веков // Пинакотекa. 2004. № 18–19. С. 81.

западных карикатуристов и русских художников. Несмотря на значительное количество научных трудов о русской карикатуре, многие работы еще не атрибутированы, открытым остается и вопрос об их оригинальности. Большинство сюжетов из русской карикатуры 1812–1814 гг. считается заимствованным из западной сатирической графики. Только немногие отечественные мастера подписывали свои работы, поэтому путаница с определением авторства возникла уже в первой половине XIX в. Значительное число подобного рода пробелов было восполнено Черкесовой в указанной выше статье. Однако, несмотря на публикацию ее исследования с уточненными именами мастеров и повторной атрибуцией некоторых работ, во многих музейных собраниях неверно указаны авторы.

Европейская и русская карикатура 1812–1814 гг. представляет собой отдельную главу в истории политической сатирической графики. Если до 1812 г. антинаполеоновская карикатура была делом в основном британских художников, то после бегства Наполеона из России началось ее создание и копирование в общеевропейском масштабе¹.

Отличительной чертой русской карикатуры стало обращение к этому виду искусства не только профессиональных художников, но и представителей дворянства самых различных сфер деятельности, так или иначе связанных с искусством. Среди них можно назвать А. Н. Оленина, президента Академии художеств, издателя Н. И. Греча, скульптора-медальера Ф. П. Толстого. В период 1812–1814 гг. в России было создано 200 карикатур. Русские художники овладели этим интернациональным языком, по определению К. С. Кузьминского², настолько хорошо, что сюжеты и композиции их произведений стали заимствовать европейцы. В то же время, обращаясь к одним и тем же сюжетам, европейские и отечественные художники ставили перед собой порой разные цели. Англичане, а вслед за ними и немцы, и итальянцы стремились как можно более язвительно и изощренно высмеять военные неудачи Наполеона

¹ M. D. George. Catalogue of Political and Personal Satires Preserved in the Department of Prints and Drawings in the British Museum. Vol. XVIII–X. Oxford, 1947–1952. Vol. IX (1811–1819). P. XIII.

² Кузьминский К. С. Отечественная война в живописи // Отечественная война и русское общество. В 7 т. М., 1912. Т. 5. С. 195.

и своеобразие его внешнего облика. Русская сатирическая графика стала памятником подвигу русского народа. Ее появлению во многом способствовали истории о героических поступках русских крестьян, нередко вымышленные, которые регулярно публиковались в годы войны в журнале «Сын Отечества», имевшем тесную связь с военной типографией. В этих материалах отечественные художники черпали сюжеты и находили персонажей для своих карикатур. События ноября-декабря 1812 г. и героический пафос русских офортов на время вдохновили и европейских графиков. Перед их глазами предстали новые яркие образы: русские крестьяне, казаки, атаман Платов, Мороз Красный Нос. «Русская» кампания Бонапарта оказалась на руку европейским карикатуристам, чьей основной задачей был поиск характерных, колоритных героев времени и захватывающих сюжетов на злобу дня, способных привлечь внимание зрителей и удовлетворить пожелания взыскательных издателей.

Британские художники внимательно следили за Наполеоном. Он начал свой поход в Россию в мае 1812 г., в начале сентября вошел в Москву, но уже в конце октября началось поспешное, неорганизованное бегство французов. Новости с театра боевых действий доходили очень медленно, поэтому в Англии о злоключениях Наполеона стало известно после его переправы через реку Березину 26–27 ноября 1812 г. Сожжение Москвы и Бородинское сражение не нашли широкого отклика в британской карикатуре. Но гибель наполеоновской армии на русских просторах и бегство Наполеона из России стали неисчерпаемыми источниками сюжетов для британских мастеров. С конца 1812 г. и на протяжении первых четырех месяцев нового 1813 г. в Англии появлялись карикатуры, посвященные этим событиям. Как отметил британский историк А. М. Бродли, «работа, сделанная генералами Зимой, Холодом и Голодом, захватила воображение англичан так же, как и плоскодонные корабли Бони и его противники десять лет назад»¹.

В ноябре 1812 г. Уильям Элмс (работал в начале XIX в. в Лондоне) выпустил карикатуру «Джек Фрост атакует Бони в России».

Художник развернул перед глазами зрителей масштабную панораму разгрома французов на русских просторах. Здесь были изображены и московское пепелище с замерзающими французами, и стены Санкт-Петербурга, охраняемые русским войском во главе с русским императором Александром I, и казаки, намеревающиеся наброситься на Наполеона после того, как Джек Фрост закончит с ним свой разговор. В это время бородатое чудовище с огромной головой, Джек Фрост, сидящий на медведе, забрасывает застрявшего в сугробе Бонапарта снежками со словами: «Ну что, Мистер Бони, наконец-то я научу тебя русской кухне. Попробуй-ка, да перевари». Продрогший Наполеон молит: «Господин Мороз, такого холодного приема я еще нигде не встречал, мне нужно позаботиться и о моем носе, и о пальцах. Молю, простите меня, я клянусь Святым Дэни, что больше никогда не войду в Вашу обитель».

Следующая карикатура Элмса от 1 декабря 1812 г. «Генерал Мороз бреет Малыша Бони» также показывала злоключения Наполеона и его армии в холодной Москве. На фоне полыхающей Москвы и огней Петербурга Мороз в виде огромного зубастого чудовища с лапами медведя и ледяной короной на голове одной рукой щиплет Наполеона за нос, а другой заносит над его головой клинок с надписью «Русская сталь». Обеими лапами он топчет французских солдат. Мороз угрожает Наполеону: «Ты действительно вторгся в мою страну! Я тебя обрею, заморожу и похороню в снегу, ты, маленькая обезьянка!» Со слезами на глазах Наполеон жалостливо просит: «Генерал, молю, сжальтесь, не губите меня вашей седой стихией, вы так меня щиплете, что у меня зубы стучат, ой, я почти разрублен».

Об особенностях военной «русской кухни» повествовала карикатура Чарльза Вильямса от 8 декабря 1812 г. «Польская диета и французский десерт». Мастер воспевал победу, одержанную генералом Л. Л. Беннигсеном при помощи казаков над маршалом И. Мюратом 18 октября 1812 г. на юге Москвы, и вселял в зрителей надежду на скорый разгром Наполеона. Главным блюдом Беннигсена, помимо лягушек, корсиканского бульона, казачьей подливки и пр., являлся Наполеон, извивающийся на вертеле в огромной печи. Свою добычу генерал щедро сдабривал «подкормкой Беннигсена»

¹ Broadley A. M. Napoleon in Caricature (1795–1821). Vol. 1-2. Edinburgh, 1910. Vol. 1. P. 321.

и злорадствовал: «Я тебя зажарю, разложу по тарелочкам и сожру. Ох, братец медведь, еще разок повернуть его, и он готов». Медведь вторил своему хозяину: «Как тебе и твоим лягушкам подкормка Беннигсена, Бони?»

В первые дни 1813 г., после возвращения Наполеона в Париж, было создано еще несколько карикатур, высмеивающих бегство французов из России. 1 января вышла в свет карикатура Ч. Вильямса «Бони, возвращающийся из России, овеянный славой, оставив свою армию на удобных зимних квартирах», на которой были изображены стремительно проносящиеся мимо поверженного французского войска сани с Наполеоном и офицером, занятыми сочинением нового воззвания к французской нации. Офорт «Тит-Бит для казаков, или Награда Платова за голову Бонапарта» (4 января 1813 г.) У. Элмса иллюстрировал легенду про атамана М. И. Платова, который обещал свою дочь в награду тому, кто доставит ему Бонапарта живым или мертвым.

У. Элмс. Тит-Бит для казаков, или Награда Платова за голову Бонапарта. 1813.
© Trustees of the British Museum

Большую популярность в России получила карикатура Дж. Крукшенка «Наполеон сочиняет бюллетень, или Удобные зимние квартиры» (декабрь 1812 г.). Художник высмеивал 27-й бюллетень Наполеона от 27 октября 1812 г., в котором Бонапарт восхищался русской осенью, погодой и дорогами, а также докладывал о перемещении армии на новые квартиры в этих благоприятных условиях, хотя на самом деле поспешно отступал из Москвы. Французский император был изображен по голову увязшим в снегу в окружении сугробов, из которых виднелись головы и штыки французских солдат. Дрожащий от холода офицер, стоявший по колено в снегу, спрашивал у Бонапарта:

«Что, черт побери, нам следует написать в бюллетене?» На что получал ответ: «Скажи, что мы остановились на удобных зимних квартирах, что у нас в избытке постного супа, много рубленого мяса – жареный медведь, вкусная еда, к черту Кутузова. Скажи, мы должны быть дома к рождественскому обеду, передай мою любовь Марии-Луизе, Джон Булл не должен знать, что меня привили от оспы, соври про казаков, говори все что угодно, кроме правды». В начале 1813 г. эта карикатура была скопирована русским художником-пейзажистом А. Е. Мартыновым, что ознаменовало начало активного взаимодействия русских и европейских художников в создании антинаполеоновской карикатуры.

Во многом английские карикатуристы опирались на творчество своих русских коллег, которые имели возможность пристально наблюдать за ходом войны. Необходимо, однако, отметить, что расцвет русской карикатуры отчасти был подготовлен именно знакомством с работами европейских художников, которые попадали в Россию с иностранными товарами. Дж. Крукшенк в январе по июнь 1813 г. выпустил 9 карикатур по оригиналам русского художника и скульптора И. И. Терebeneва. В период с 1812 по 1814 г. Терebeneв создал около 40 сатирических листов, посвященных Отечественной войне, и стал автором сюжетов, которые впоследствии были переняты его европейскими коллегами. Крукшенка привлекли те офорты русского мастера, в которых Наполеон и его солдаты представляли в самых неприглядных образах, унижающих достоинство солдат Великой армии и их полководца. Среди них были листы «Французская курьерская почта от Москвы до Парижа», «Наполеонова слава», «Ретирада французских генералов», «Смотр француз-

А. Е. Мартынов. Как прикажете писать в бюллетене. 1813. Российская национальная библиотека

Неизвестный немецкий мастер. Отступление в танце.
1813–1814.

© Trustees of the British Museum

ских войск», «Крестьянин увозит у французов пушку», «Крестьянин Иван Долбила», «Русский мужик, возвращаясь с охоты, для курьёзу ребятишкам бирюлек принес», «Много ли вас? Аль все уж!» В английском переиздании они сопровождались текстом на двух языках – русском и английском. Общеевропейским стал сюжет «Наполеоновой пляски», в котором Теребнев изобразил Наполеона пляшущим под кнутом русского крестьянина. Он был воспроизведен не только Крукшенком, но и немецкими («Отступление в танце») и итальянскими («Самая богатая балерина») анонимными художниками в 1813–1815 гг. Стоит отметить, что Теребнев был скульптором-академистом, что нашло отражение в его карикатуре. Рисунок мастера отличается лаконичностью и строгостью линий, композиция продумана и уравновешена; художник старался не исказить облик своих героев и добивался карикатурного эффекта за счет комичности содержания. Крукшенк, напротив, стремился к большей выразительности образов, делал их более шаржированными и запоминающимися.

Из перечисленных девяти карикатур Теребнева у нас вызывает сомнение оригинальность сюжета «Ретирады французских генералов». Как уже указывалось выше, Ч. Вильямсом 1 января 1813 г. была выпущена карикатура «Бони, возвращающийся из России, овеянный славой, оставив свою армию на удобных зимних квартирах», сюжет которой почти в точности повторяет карикатура Теребнева «Ретирада французских генералов». Как установлено Т. В. Черкесовой, первые офорты Теребнева вышли в свет 22 января 1813 г.¹ Вероятнее всего, русский художник заимствовал этот сюжет у английского мастера. Британским исследователем М. Д. Джордж было также выявлено, что Теребнев, создавая лист «Пастух и овцы» (1813–1814), обращался к карикатуре Томаса Роулэндсона «Смерть корсиканской лисы» (12 апреля 1814 г.)², а его офорт «Мыльные пузыри» стал репликой немецкого оригинала³.

Отечественная карикатура отразила народный характер войны 1812 г. Художники особенно остро чувствовали необходимость укрепления в русском обществе патриотизма. Яркие образы русских крестьян и казаков вызвали к национальным истокам, пробуждали уважение к своему народу и укрепляли веру в победу над иноземными захватчиками. Целый ряд карикатур Теребнева был посвящен героическим подвигам русского крестьянина, чье необыкновенное мужество и духовная стойкость противостояли врагу не хуже, чем штыки и сабли. Среди них – листы «Русский Сцевола» (1813), в котором прославлялся подвиг крестьянина, не пожелавшего служить Наполеону и отрубившего себе руку с французским клеймом, и «Геркулес города Сычевки» (1813), на котором изображен огромный русский мужик, в одиночку лихо расправляющийся с французскими солдатами. Эти сюжеты были переработаны в офортах И. А. Иванова и И. В. Бугаевского-Благодарного. Последний более подробно пересказал в своей работе «Сычевцы» опубликованную в журнале «Сын Отечества» историю о том, как богатый из села Левшина города Сычевки затворил в избе тридцать

¹ Черкесова Т. В. Указ. соч. С. 29.

² М. D. George. Op. cit. P. XVI.

³ Ibid P. XVII.

А. Г. Венецианов. Французские гвардейцы под конвоем бабушки Спиридоновны. 1813.
Российская национальная библиотека

одного француза и удерживал их там до того момента, пока не подоспели другие крестьяне¹.

Карандашу перспективного живописца И. А. Иванова приписывают 7 листов. Помимо названного «Русского Сцевола», это «Русский Курций», «Хлебосольево русского народа», «Бегство Наполеона», «Наполеон, формирующий армию из уродов», «Казак и француз, голодные волки, терзают барана», «Разговор Наполеона с Сатаной». Некоторые из них прилагались в качестве иллюстраций к номерам «Сына Отечества». По заключению исследователей русской карикатуры В. А. Верещагина и Т. В. Черкесовой, работы Иванова не отличаются высоким мастерством, имеют скорее иллюстративный характер, и в них практически нет сатирического начала. Верещагин сделал предположение, что Иванов лишь копировал чьи-то рисунки в гравюре, так как семь карикатур этого художника, посвященных Отечественной войне, значительно отличаются от остальных его произведений и не в лучшую сторону².

¹ Сын Отечества. 1812. Ч. 1. № 6. С. 262.

² Верещагин В. А. Русская карикатура: Отечественная война. В 3-х т. СПб., 1912. Т. 2. С. 85.

Тесно связана с журнальной периодикой была и графика художника-портретиста И. В. Бугаевского-Благодарного, многие работы которого атрибутированы Т. В. Черкесовой. Офорты этого мастера практически лишены сатирического начала, все они имеют повествовательный характер, хотя одним из несомненных достоинств художника является стремление дать свежую трактовку распространенным сюжетам, например, в карикатурах «Ретирада Наполеона из Москвы на зимние квартиры», «Русская пляска», «Французы, испугавшиеся козы» и др.

Сатирическая графика 1812–1814 гг. стала проявлением национального самосознания русских художников. Создавая образы положительных героев из русского народа, они отстаивали ценность русской культуры и традиций. В лучших карикатурах А. Г. Венецианова критиковались французские нравы и традиции, навязываемые русскому обществу, а также стремление отечественного дворянства выказывать почести иностранцам сомнительного происхождения и достоинств. Среди подобных работ можно назвать «Изгнание из Москвы французских актрис», «Французский парикмахер», «Французское воспитание» и др. По разным данным, художником было создано от 8 до 26 работ. Доподлинно подтвердить авторство некоторых из них сложно, так как тематика и техника выполнения были весьма разнообразны. Венецианов обращался и к политической карикатуре, но здесь ему не удалось создать новых сюжетов. Мастер предпочел трактовать уже известные сюжеты «Зимних квартир» и «Ретирад». Исключением стал офорт «Французские гвардейцы под конвоем бабушки Спиридоновны». В этой работе сатирический эффект достигается не только за счет показа комичной ситуации, когда два рослых французских офицера покорно плетутся за дряхлой старушкой. Венецианов как талантливый бытописатель, знающий цену деталям, заостряет внимание на внешнем виде французов, передающем их моральное состояние. Один облачился в женское платье и чепец, надеясь избежать гнева неприятеля, и таким образом проявил свою трусость, второй, в разных ботинках и плаще не по размеру, потерял всякую надежду на благополучный исход дела и вопросительно смотрит на своего друга.

В ходе исследования архивных материалов Цензурного комитета Т. В. Черкесовой удалось установить авторство некоторых карикатур и ввести в научный оборот имена забытых русских художников, которым принадлежит значительное количество сатирических листов 1812–1814 гг. Среди них – Капитон Алексеевич Зеленцов (1790–1845), ученик Венецианова, автор листов «Твердость русского крестьянина» и «Наполеоновская армия под конвоем старостихи Василисы», которые ранее приписывались Теребеневу и Венецианову; Самуил Петрович Шифляр (1786–1840), живописец, рисовальщик, гравер и литограф, чьи карикатуры «Торжественный въезд в Париж непобедимой армии», «Французы, голодные крысы, в команде у старостихи Василисы» и «Благоразумная ретирада доставит мне спокойствие» ранее были известны под авторством Венецианова и Теребенева. К вновь выявленным авторам карикатур следует добавить пейзажного живописца Александра Ефимовича Мартынова (1768–1826), которому принадлежат листы «Северный Амур» и «Чем он победил врага своего? Нагайкой», ранее приписывавшиеся Венецианову и Теребеневу. Вероятно, такая путаница с определением авторства была обусловлена прежде всего тем, что художники создавали карикатуры на одни и те же темы и многие мастера не сумели выработать оригинальную художественную манеру. Несмотря на то, что Черкесовой атрибутировано значительное число работ, во многих музейных собраниях за названными карикатурами сохранено неверное авторство, как, например, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Своеобразным итогом краткого периода расцвета русской сатирической графики стала «Азбука (Подарок детям в память 1812 года)» Теребенева, выпущенная в 1815 г. Увраж объединил работы русских карикатуристов 1812–1814 гг. и подтвердил вклад каждого из них в развитие этого вида искусства. Каждый лист «Азбуки» сопровождался юмористическим четверостишием, прославляющим подвиги русского народа и высмеивающим поверженных французов.

Сюжеты, к которым обращались в своих работах отечественные карикатуристы, были прежде всего посвящены народной борьбе с иноземными захватчиками, поэтому не все они могли быть вос-

приняты западными мастерами. Только «Наполеонова пляска» Теребенева получила международную популярность. Часто цитировались в европейской антинаполеоновской карикатуре такие сюжеты, как «Брадобрейная», «Мыльные пузыри» и пр. Мы можем предположить, что Теребенева в работе над карикатурой «Наполеон у русских в бане» (1813), на которой изображены крестьянин и два солдата, бреющие Наполеона и охаживающие его веником, мог ориентироваться на офорт английского автора Генри Брука «Императорская брадобрейня» для британского журнала «*Satirist*» (1 февраля 1813 г.): на нем показан Наполеон с бритвой и тазиком, обращающийся к окружающим его европейским монархам.

Следует упомянуть еще одну карикатуру «Русский Геркулес загнал французов в лес» неизвестного русского автора в связи с появлением статьи О. А. Проскурина (1957) «Русский Геркулес: Патриотическая карикатура 1812 г. и ее французский источник»¹. Исследователю удалось выявить французский оригинал, послуживший образцом для русского анонимного мастера. На русской карикатуре изображен идущий через лес крестьянин-богатырь, в руках которого зажаты фигурки французских солдат. Как убедительно доказывает Проскурин, этот лист стал своеобразной полемикой с французской гравюрой 1794 г., запечатлевшей так и не осуществленный проект памятника героям Французской революции в образе народа-Геркулеса. Автор гравюры, которая получила общеевропейскую известность, придал античному богу черты бородатого санкюлота, который замахивается огромной дубиной на крохотного короля. Но если французское изображение прославляло героя, свергнувшего законную власть, то русская карикатура подчеркивала невиданное мужество и стойкость крестьянина в борьбе с французами, что объяснялось его любовью и преданностью царю и своему барину. Подобное толкование народного характера войны 1812 г., как указывает Проскурин, было характерно для А. Н. Оленина и его окружения.

На события 1812 г. в России откликнулись немецкие художники Готфрид Шадов (1764–1850) и Христиан Гейслер (1770–1844). Шадов

¹ Проскурин О. А. Русский Геркулес: Патриотическая карикатура 1812 года и ее французский источник // Новое литературное обозрение. 2012. № 118 // URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/p17.html#_ftn5 (дата обращения: 02.02.20013).

в 1813–1814 гг. выпустил антинаполеоновскую серию из 7 карикатур, в том числе и карикатуру, высмеивающую побег Наполеона из России, под названием «Побег реноме». Гейслер, несколько лет живший в России, показал изгнание Наполеона в офортах «Наполеон делает смотр своих войск» и «Французская армия на обратном пути на родину». Усилиями анонимных авторов были созданы десятки листов, иллюстрировавших столкновения Наполеона и казака, который, очевидно, немецким художникам представлялся главным русским героем.

Итальянские художники по примеру своих европейских и русских коллег также осмеивали отступление Бонапарта под натиском русских войск. Одна из карикатур анонимного мастера изображала Бонапарта, бегущего с земным шаром в руках. Необходимо отметить, что значительное количество европейских художников, за исключением британских карикатуристов, обратилось к теме наполеоновского нашествия на Россию только после изгнания французов с русских территорий. Это объясняется тем, что после событий ноября 1812 г. Бонапарт еще держал в своих руках контроль над захваченными ранее территориями. Но с освободительным походом русских войск вглубь Европы возродилась к жизни антинаполеоновская карикатура во многих европейских странах. «Русская тема» для западных авторов была новой, более того, карикатура как вид искусства, связанный с периодикой, должна была оперативно отражать текущие политические события. В такой ситуации мастерам было проще взять уже разработанные образы, которые представляла русская сатирическая графика того времени. Выявление первоисточников сюжетов для антинаполеоновской карикатуры представляется нам одной из главных задач исследований в этой области.

К карикатуре обращались многие отечественные художники. Это свидетельствует о том, что в 1812–1814 гг. в России данный вид искусства стал массовым, и общество испытывало в нем насущную потребность. Академическое искусство, трактующее образы прошлого, не могло отразить текущую историческую ситуацию. Сатирическая графика стала одним из проявлений патриотизма русских художников, стремившихся вселить боевой дух в соотечественников.

Многое отличает русскую карикатуру 1812–1815 гг. от европейской и позволяет считать ее отчасти самобытным явлением. Русская профессиональная карикатура опиралась на принципы академического искусства, о чем свидетельствуют рисунок и композиция произведений, выполненных русскими мастерами. В ней не было такого разнообразия сюжетов, как, например, в британской графике, которая критиковала не только внешнеполитических врагов, но и свое правительство. Каждая русская карикатура должна была получить одобрение Цензурного комитета перед публикацией. В европейских странах познакомиться с образцами сатирической графики и приобрести их могли не только состоятельные граждане. Британские художники стремились сделать свои творения более доступными потребителям и сопровождали рисунки диалогами, раскрывавшими суть изображенных событий. Русская карикатура, задуманная как обращение к народу, была доступна и понятна только образованному дворянству и лишь в некоторых случаях – «простому люду». Отражая академические основы русского искусства, отечественная сатирическая графика заимствовала сюжеты из древней истории, использовала символы и образы, требующие особой эрудиции. Этим она также отличалась от лубочной картинки, которая продолжала свое существование и в годы войны.

В то же время активное взаимодействие европейских и русских художников, одной из основ которого было одинаковое восприятие событий, происходивших на внешнеполитической арене, свидетельствует о включении России в общеевропейский художественный процесс. Многие обстоятельства таких контактов еще не уточнены, и по этой причине существуют пробелы в области установления авторства карикатур и происхождения их сюжетов, что подтверждает необходимость более пристального изучения творчества русских и европейских карикатуристов.

Отечественная война 1812 года и философско-историческая концепция Л. Н. Толстого

Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир», один только текст которой создавался на протяжении шести лет (1863–1869) и которая претерпела за это время, по крайней мере, три существенные трансформации своей *художественной* (прежде всего *жанровой*) структуры, являет собой наглядный образец произведений искусства, названных в свое время Ап. Григорьевым «рожденными» (в противоположность «деланным»)¹. Мучаясь тем, что ему – автору – никак не удастся понять, в какие жанровые рамки уклоняет его тот творческий замысел, которым он захвачен (было ясно только, что будущее произведение не может быть «романом» в традиционном смысле этого слова)², Толстой остановился в конце концов на внежанровом определении – «книга о прошедшем»³.

¹ См.: Григорьев Ап. А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев Аполлон. Литературная критика. М., 1967. С. 138.

² Уже по окончании работы над романом, но еще до появления в печати последних V и VI томов Толстой посчитал необходимым в отдельной статье, где все пронумеровано по пунктам, разъяснить читателю некоторые важные аспекты собственного понимания своего произведения. И ее первый пункт он посвящает именно проблеме жанровой самобытности романа: «Что такое «Война и мир»? Это не роман, <...> еще менее историческая хроника. «Война и мир» есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противного. Начиная от «Мертвых душ» Гоголя и до «Мертвого Дома» Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести» (См.: Толстой Л. Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 7. М., 1981. С. 356–357). – Здесь и далее в тексте статьи или примечаний *все выделения в цитатах* (кроме специально оговариваемых) принадлежат автору статьи.

³ Толстой Л. Н. [Черновые наброски к заключительной части Эпилога] // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. (Юбилейное изд.). М., 1928–1958. Т. 15. С. 241.

Этим «прошедшим», однако, оказались все русское общество эпохи наполеоновских войн и ее кульминационная фаза – вторжение французов в Россию летом 1812 г., положившее начало Отечественной войне русского народа против иноземных интервентов, которая в конечном итоге привела к уничтожению наполеоновской армии и падению наполеоновского режима в Европе. Задачи столь масштабного охвата какого бы то ни было «прошедшего» не ставил перед собой еще ни один исторический романист в мире.

Толстовский *не-роман* с самого начала базировался на блестяще разработанных писателем до того новых, невиданных в литературе принципах психологического анализа в изображении человека, который, по Толстому, совсем неадекватно сознает и оценивает свои желания, мысли и поступки. Его мысли не столько *выражают* его действительные желания, сколько *вуалируют* их. Произносимое им вслух в большей мере *скрывает* сознательно мыслимое, чем *высказывает* его. Наконец, его поступки, зачастую спонтанные, несравненно точнее отвечают *интимно-личному* в человеке, его действительным чувствам и желаниям, нежели тем *словам*, которыми до или после сделанного человек *мотивирует* их или *оправдывает*. Все это вместе взятое уже и раньше производило эффект авторского *всеведения*, который именно у Толстого впервые заявил о себе столь открыто и безоговорочно.

Для читателей первых томов толстовского романа (а они выходили в свет по мере написания, и первоначально их было *шесть*, а не *четыре*, как установилось позже) применение указанного принципа привычнее всего проявлялось в описаниях армейских, военных и батальных картин и сцен, поскольку ранний Толстой именно на аналогичном материале его блестяще опробовал (я имею в виду не только «Севастопольские рассказы», хотя в первую очередь, конечно, их).

Нельзя сказать того же о гораздо более многочисленных «мирных» сценах этих же начальных томов. Здесь перед читателем фигурировали уже не единичные персонажи «Альберта» или «Утра помещика», но сразу же возникали целые скопления персонажей самых разных возрастов, социальных положений, жизненных устремлений и нравственных достоинств, и этот необычайно широкий

и многообразный калейдоскоп человеческих характеров и судеб постоянно увеличивался количественно и менялся либо обогащался качественно. И все эти лица – раньше, чем повествование подойдет к изображению собственно «людей на войне», – будут, *совершенно независимо от частоты их появления в повествовании, их главной или эпизодической роли в развитии той или иной сюжетной линии*, изображаться автором с одинаково полной многоаспектностью психологического анализа их мыслей, движений и поступков.

Именно это поражало читателей больше и прежде всего. И это же придавало произведению тот «нероманный» характер, который обескураживал даже самого писателя. *Темой* произведения становилось само общество в безначальной и бесконечной *бытийной масштабности* своей «роевой» жизни. Все персонажи «Войны и мира» – романские и исторически реальные, «великие» и «малые», центральные и эпизодические – стали у Толстого *рядовыми* (в самом нивелирующем смысле этого слова) фигурантами объемного и всеобъемлющего исторического процесса.

Спрашивается: мог ли автор столь необычного по жанру и столь уникального по своему конкретно-историческому материалу произведения обойтись без каких бы то ни было «рассуждений», связанных с проблематикой этого материала? Думается, не мог, даже если первоначально и не предполагал этого¹.

Для всех очевиден тот факт, что толстовские «рассуждения» (термин самого писателя) занимают значительный объем текста его произведения, что они довольно обширны и вклиниваются

¹ В литературоведении советского времени было широко распространено убеждение не только в «логических противоречиях», которые сплошь и рядом встречаются в самих философско-исторических «рассуждениях» Толстого, но – что гораздо важнее – в том, что *самый факт* включения писателем в художественную ткань романа публицистических отступлений такого рода является его *просчетом*, нарушает впечатление *единства и целостности* художественного произведения как такового. Эта точка зрения была решительно и со всей силой доказательности детально рассмотрена и мотивированно опровергнута Е. Н. Купреяновой – крупнейшим знатоком и исследователем творчества Л. Н. Толстого (См.: Купреянова Е. Н. О проблематике и жанровой природе романа Л. Толстого «Война и мир» // Рус. литература. 1985. № 1. С. 161–172). Добавим, что в указанной статье Е. Н. Купреяновой полемически рассмотрены практически все работы, в которых так или иначе трактуется вопрос о толстовских «рассуждениях» в «Войне и мире». Традиция же рассмотрения *всего* творческого пути писателя, не говоря уже

в «описания» (тоже толстовский термин применительно к повествовательному составу романа) без какой-либо продуманной системы. Но далеко не все помнят (или обратили внимание на то), что и по частоте своего появления в тексте, и по степени своей развернутости они отнюдь не равномерно распределены в романе. Из черновых набросков предисловия к неоконченному роману «1805-й год» (1865–1866) – первоначальному варианту замысла «Войны и мира» – ясно, что в начале работы над произведением Толстой совсем не думал еще ни о каких «рассуждениях» на исторические темы¹. А вот когда работа над «Войной и миром» начала подходить к своему завершению, он стал определенно настаивать: «Описывая <...> прошедшее, я нашел, что не только оно неизвестно, но что оно известно и описано совершенно навыворот тому, что было. И *неволью* я почувствовал необходимость доказывать то, что я говорил, и высказывать взгляды, на основании которых я писал»².

Собственно, в постановке вопроса о необходимости тщательного исследования того, *когда и зачем*, а также *как часто и ради чего* возникают в тексте романа авторские «рассуждения» и видит

о вузовских учебниках, но даже в солидных академических коллективных монографиях по истории русской литературы ограничивалась лишь аспектами биографического плана, творческой истории и проблемно-образного анализа важнейших (этапных) его произведений (См., например: [Бурсов Б. И., Опульская Л. Д.] Л. Толстой [разделы 6–10] // История русской литературы: Литература 70–80-х годов XIX века. Кн. II. М.; Л., 1956. С. 489–519; Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой // История русской литературы: В 4 т. Т. 3. Л., 1982. С. 816; и работу самой Е. Н. Купреяновой: Купреянова Е. Н. «Война и мир» и «Анна Каренина» Льва Толстого // История русского романа: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 270–349 (раздел «Русский роман 1860–1870-х годов»: Глава VII), которая, несмотря на то что хронологически отстоит от написанного Б. И. Бурсовым и Л. Д. Опульской на восемь лет, а написанному Г. Я. Галаган предшествует на восемнадцать (!) лет, выгодно отличается от того и другого глубоким концептуально-содержательным анализом не только самих философско-исторических взглядов Толстого, развернутых им на страницах романа, но и их органической слитностью с образно-характерологическим составом произведения).

¹ Толстой Л. Н. [Черновые варианты Предисловия к роману «Тысяча восемьсот пятый год». Не позднее сентября 1864] // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. (Юбилейное изд.). Т. 13. С. 56.

² Толстой Л. Н. [Черновые наброски к заключительной части Эпилога] // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. (Юбилейное изд.). Т. 15. С. 241. – Тут обращает на себя внимание слово «неволью», причем из общего контекста, окружающего приведенное высказывание, понятно, что речь идет, конечно, не о «мирных» сце-

автор статьи свою задачу. Разумеется, задача обширна и не может быть решена в рамках одной статьи. Она требует *последовательного* и *полного* охвата материала. Поэтому цель данной статьи – продемонстрировать проблему толстовских «рассуждений» в составе романа «Война и мир» как *реально существующую научную* проблему, еще только *ожидаящую* своего решения.

Начнем с того, что *первое*, очень скромное по объему, авторское «рассуждение», которое можно, и то лишь с известной долей условности, назвать «философско-историческим», появляется только в конце первого тома (будем иметь в виду четырехтомную структуру произведения). Оно возникает в начале девятой главы третьей, заключительной, части тома – главы, которой открывается описание Аустерлицкого сражения, завершающего собой том.

нах, доминирующих в первых томах тогда еще 6-томного романа, а о сценах «военных», далеко не сразу появляющихся в произведении и тем более не имеющих того значения, которое получают события 1812 г. И все же непосредственно вслед за процитированным высказыванием Толстой категорически заявляет: «<...> если бы не было этих рассуждений, не было бы и описаний» (Там же). – В свое время я по этому поводу писал: «Несогласованность второго утверждения с первым кажущаяся: в одном случае Толстой говорит о реальной последовательности своей работы над текстом романа, об относительно более позднем осознании им необходимости доказывать свои взгляды; в другом – о принципиальной внутренней соотносительности художественного и публицистического планов произведения в его целостной структуре, о невозможности изолированно воспринимать их и тем более противопоставлять друг другу» (См.: Руденко Ю. К. Чернышевский-романист и литературные традиции. Л., 1989 (Глава V: Чернышевский – Достоевский – Толстой. «Что делать?» и некоторые аспекты эволюции русского романа 60-х годов). С. 233). Е. Н. Куприянова еще более конкретизированно объясняет причины, побудившие Толстого не только художественно описывать давнюю эпоху, но и публицистически разьяснять и мотивировать свою позицию: «Толстой был художником не „от сих до сих“, а органически, по самому своему насковзь художественному мировосприятию. И потому всегда полагал, что искусство, и особенно искусство слова, не доказывает, а непосредственно являет в созданных художником образах столь же непосредственно открывшуюся ему видимую, ощущаемую им истину. В силу ее психологической несомненности и заразительности она не требует никаких логических доказательств. <...> Однако далеко не единодушные, а подчас и резко отрицательные критические отзывы 60-х годов на первые тома первого же и тогда шеститомного издания «Войны и мира» убедили его в том, что явленная в них художественная правда дошла далеко не до всех, что и побудило его дополнить художественные описания «рассуждениями» (См.: Куприянова Е. Н. О проблематике и жанровой природе романа Л. Толстого «Война и мир» // Рус. литература. 1985. № 1. С. 163).

Оно еще имеет форму *развернутого сравнения*, то есть всего лишь тропа или фигуры речи: здесь характер вступления многотысячных армий в сражение сравнивается с началом работы механизма часов. Однако важен *смысл* этого сравнения. Во-первых, оно дает автору повод ввести понятие «механизма военного дела» и подчеркнуть именно *механистичность* его дискретной совокупности. А во-вторых, позволяет – еще до описания сражения – указать на его *особое* историческое значение:

«Как в часах результат сложного движения бесчисленных различных колес и блоков есть только медленное и равномерное движение стрелки, указывающей время, так и результатом всех сложных человеческих движений этих 160-ти тысяч русских и французов – всех страстей, желаний, раскаяний, унижений, страданий, порывов гордости, страха, восторга этих людей – был только проигрыш Аустерлицкого сражения, так называемого сражения трех императоров, *то есть медленное передвижение всемирно-исторической стрелки на циферблате истории человечества*»¹.

Во втором томе не содержится *ни одного* авторского «рассуждения» философско-исторического плана, и понятно почему. О военных действиях (все – *вне* России) или дипломатических перипетиях межгосударственных отношений здесь коротко сообщается, как о чем-то вполне заурядном, а главное повествование сплошь посвящено личным судьбам важных, маловажных и вовсе не важных персонажей, их страстям, падениям, поискам смысла жизни, матримонимальным планам и т. п.

Зато третий том уже непосредственно *открывается* главой, которая является не чем иным, как авторским рассуждением по одному из важнейших, с точки зрения Толстого, *мировоззренческих* вопросов, касающихся как раз *механизма* исторического процесса.

Начинается глава с указания на факт «с конца 1811-го года <...> усиленного вооружения и сосредоточения сил Западной Европы» у границ России и с констатации того, что 12 июня, с переходом этими силами русской границы «*началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе*

¹ Толстой Л. Н. Война и мир. Том первый // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 4. М., 1979. С. 325.

событие¹. И сразу же вслед за этим Толстой поднимает вопрос о *причинах* такого рода событий. Следует иронический каскад «причин», указываемых *историками*, и снисходительное извинение думать так для «современников дела». «...Но для нас, – продолжает автор, – созерцающих во всем его объеме громадность совершившегося события и вникающих в его простой и страшный смысл, причины эти представляются недостаточными»². Во-первых, потому, что *никакими* причинами не то что *не оправдываются*, но и *не объясняются* «убийства и насилия» войны. Во-вторых, потому, что «нам, потомкам», – *не историкам*, «увлеченным процессом изыскания», а просто людям «с незатемненным здравым смыслом» – причины подобного рода вообще «представляются в *неисчислимом количестве*»³, и притом «*одинаково справедливыми* сами по себе и *одинаково ложными*»⁴ – как «по своей *ничтожности* в сравнении с громадностью события», так и «по *недействительности* своей (без участия всех других совпавших причин) произвести совершившееся событие»⁵.

Впервые в этом рассуждении возникает понятие «*фатализма в истории*»⁶ и утверждается его *неизбежность*, а главное – *истинность*. Но пока что мысль писателя ограничивается идеей *двойственной* природы человеческого существования и вытекающей отсюда *односторонности* индивидуального человеческого сознания: «Человек *сознательно* живет для себя, но служит *бессознательным орудием* для достижения исторических общечеловеческих целей»⁷. Острые мысли направлены в сторону «*так называемых великих людей*»: в исторических событиях они «*суть ярлыки, дающие наименование событию*», но «*так же, как ярлыки, менее всего имеют связи с самим событием*»⁸. «Каждое действие их, – заключает автор, – в историческом смысле *непроизвольно*, а находится

в связи со всем ходом истории и *определено предвечно*»¹. Последнее слово в этом утверждении заимствовано Толстым из арсенала важнейших и глубочайших истин православного богословия и наиболее точным образом объясняет смысл его исторического «фатализма».

Если начальное «рассуждение» вообще открывало собой третий том, посвященный событиям Отечественной войны 1812 г., а следовательно, находилось в *начале* его первой части, то следующее «рассуждение» точно так же *открывает* собой его вторую часть. Оно ничего не добавляет к философско-исторической идее предыдущего «рассуждения», но самым подробным образом *конкретизирует* ее, показывая на многочисленных фактах (добавим – до деталей давно установленных и изученных *историками* и у них заимствуемых Толстым), насколько *реально совершившееся* движение 800-тысячной наполеоновской армии вглубь России не отвечало – причем на любом своем этапе – *сознательным* намерениям обоих противников, начиная с желаний и планов полководцев-императоров и кончая настроениями солдат. Все совершалось, показывает Толстой, *вопреки* всеобщим желаниям и начальническим приказам. Исходит Толстой из *общепризнанного* результата наполеоновского вторжения: *движение его армии вглубь России одно только и погубило ее*, – но как раз этого *никто не хотел, не предвидел и не планировал!*.. Здесь Толстой вновь полемизирует с историками (и французскими, и русскими), но полемизирует особым образом: он игнорирует их якобы «научную» аксиоматику, оперируя только фактами, однако не выборочно, а в их нелинейной полноте, и тем самым обнажает *априорность* «научной» интерпретации событий 1812 г.

Самым убийственным для исторической науки логическим ходом Толстого стал следующий. Историки *post factum* отыскивают и, что замечательно, *всегда могут отыскать* большее или меньшее число документов и свидетельств, в которых либо предлагалось, либо предвиделось то, что впоследствии и произойдет. «Но, – заявляет писатель, – все эти намеки на предвидение того, что случилось, <...> выставляются <...> только потому, что событие оправдало их. Ежели бы событие не совершилось, то намеки эти были бы забыты, как теперь (далеко после событий 1812 г. – Ю. Р.) тысячи и милли-

¹ Там же. С. 12.

¹ Толстой Л. Н. Война и мир. Том третий // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 6. М., 1980. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 8–9.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Там же. С. 11.

оны противоположных намеков и предположений, бывших в ходу тогда, но оказавшихся несправедливыми и потому забытых»¹.

Новым «рассуждением», уже *вклинивающимся* в повествование, является XIX (срединная по своему местоположению) глава этой же части тома. Оно *предваряет* собой главы, в которых описываются начало и ход *исторически кульминационного* Бородинского сражения. И опять: «рассуждение» сугубо полемично по отношению к тогдашним военно-историческим интерпретациям события. Толстой буквально обвиняет историков (и французских, и русских) в *умышленном* искажении всего происходившего накануне сражения и даже рисует схему того, каким предполагалось расположение войск перед сражением и как они *реально* столкнулись друг с другом в ходе сражения². По смыслу объяснения известных фактов Толстой проделывает здесь ту же аналитическую работу, что и в предыдущем «рассуждении», но в выводе его содержится одно (словно бы попутное) замечание *в скобках* (!), которое не просто означает, что *правда* соображения фактов (пусть и неприятных или прямо конфузных с точки зрения «патриотизма») всегда патриотичнее лживых уловок в обращении с этими фактами:

«Итак, – пишет Толстой, – Бородинское сражение произошло совсем не так, как (стараясь скрыть ошибки наших военачальников и вследствие того *уменьшая славу русского войска и народа*) описывают его»³. Оно «принято было русскими <1> на открытой, почти не укрепленной местности <2> с вдвое слабейшими силами против французов, т. е. в таких условиях, в которых <3> не только нелегко драться 10 часов <4> и сделать сражение нерешительным, но <5> нелегко было удержать в продолжение 3-х часов армию от совершенного разгрома и бегства»⁴.

Вот такой *все усиливающейся градацией*, которая лишь подчеркивает остающееся в подтексте *сдержанное достоинство национальной гордости русского человека*, Толстой заканчивает это *четвертое* по счету «рассуждение», продолжающее бичевать конкретно – исто-

¹ Толстой Л. Н. Война и мир. Том третий... С. 106–107.

² Там же. С. 195.

³ Там же. С. 196.

⁴ Там же. С. 196–197.

риков Отечественной войны 12-го года, в целом – *жалкую методологическую слепоту исторической «науки» как таковой!*..

И лишь после того, как Толстой во всеоружии своего художнического гения воздвиг небывалую громаду картинного описания Бородинской битвы (которое заняло у него *девятнадцать* глав – всю вторую половину срединной части тома), он вдруг, словно бы возносясь над дымно-кровавой неразберихой угасающего сражения и духовно прозревая его провиденциальный смысл, последнюю, XXXIX, главу этой части посвящает его *всемирно-историческим* итогам.

«Пламя сражения», констатирует он, стало «медленно догорать»¹. Потуги историков объяснить этот странный с рациональной точки зрения факт Толстой перечисляет в своей уже знакомой читателю иронической манере, а затем дает свое – немислимое и невозможное в устах «академических» историков – образно-емкое, но потому безусловно убедительное и неоспоримо истинное объяснение.

Не только Наполеон (пишет Толстой), потерявший при Бородине всего *лишь четвертую часть* своих армий, «испытывал то *похожее на сновиденье* чувство, что страшный размах руки падает бессильно, но все генералы, все участвовавшие и не участвовавшие солдаты французской армии, после всех опытов прежних сражений (где после вдесятеро меньших усилий неприятель бежал), *испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв половину* (выделено Толстым. – Ю. К.) *войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения*»². И далее: «*Нравственная сила французской, атакующей армии была истощена*». Победа под Бородиным, настаивает Толстой, была одержана *именно и только русскими*, потому что это была «победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своей бессилии»³.

«Французское нашествие, как *разъяренный зверь, получивший в своем разбеге смертельную рану*, чувствовало свою погибель <...> После данного толчка французское войско еще могло докатиться до Москвы; но там, без новых усилий со стороны русского войска, оно

¹ Там же. С. 273.

² Там же. С. 273–274.

³ Там же. С. 274.

должно было погибнуть, истекая кровью от смертельной, нанесенной при Бородине, раны. **Прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, <...> гибель 500-тысячного нашествия и гибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом противника**¹.

Заметим: здесь – *впервые в романе* – возникают слова о «силе духа» (человека, войска, общества, народа).

И именно после этого – начиная с первых двух глав заключительной части третьего тома – все дальнейшие толстовские «рассуждения» обретают **философско-исторический** характер. Но происходит это уже *как бы само собой*.

Объемное «рассуждение», открывающее собой третью часть, сначала вводит аналогию между математическим анализом (разделом высшей математики) и историческим анализом, который должен, по убеждению Толстого, докапываться до «бесконечно малой единицы наблюдения – **дифференциала истории**», т. е. «*однородных* влечений людей», и лишь «достигнув искусства интегрировать (брать суммы этих бесконечно малых), мы можем надеяться на постигновение законов истории»². Эта аналогия утверждается Толстым уже как непреложный *принцип* исторического исследования, как *метод*, до сих пор исторической науке неведомый и потому не опробованный. Пока же это остается фактом, никто не может знать, какие *результаты* даст применение этого метода исторической наукой³.

Во второй главе третьей части третьего тома отмеченный в первой главе принцип знакомым читателю образом (приемами серьезно-иронического пересказа и алогичного последования) иллюстрируется набором указываемых историками, но ничего не объясняющих, по убеждению Толстого, «причин» того, как русские войска отступали от Бородина до Филей.

Дальнейшее отслеживание порядка появления «рассуждений» в ходе повествования, их объема, тематики, композиционной и смысловой роли в структуре целого невозможно в ограниченных рам-

ках статьи (оно требует, как уже указывалось, специального исследования). Но главное и качественно новое в структуре дальнейшего повествования следует оговорить.

Это, во-первых, нарушение той «правильности», с какой авторские «рассуждения» до сих пор возникали в тексте (например, первая, срединная и две последние главы второй части третьего тома) – а и было-то их, кроме этих, рассмотренных нами трех, всего *четыре!*.. Теперь «рассуждение», открывающее третью часть третьего тома, захватывает целых *две* первые главы, зато плавно переходит в повествование, а сама часть (и вместе с ней *том*) не заключаются никаким «рассуждением», так же как четвертый том им не открывается.

Во-вторых, в ходе повествования, не прерывая его, начинают время от времени возникать, так сказать, *микро-«рассуждения»*, иногда прямо авторские, но зачастую принадлежащие кое-кому из главных персонажей. Таково, например, утверждение, что сознание того, что Москва *будет* оставлена, *не может быть не оставлена*, было повсеместно распространено «в русском московском обществе 12-го года»¹; или маленькое рассуждение о причинах московского пожара²; или, в начале четвертой главы первой части четвертого тома, о том, что массовых «героических» чувств в тогдашнем русском обществе не было (*и быть не могло, и нигде никогда не бывает*, убежден Толстой), – с замечательной, *принципиального* характера сентенцией: «В исторических событиях очевиднее всего запрещение вкушения плода древа познания. Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения. Ежели он пытается понять его, он поражается бесплодностью»³; или всего лишь один только первый абзац первой главы второй части четвертого тома⁴.

В-третьих, многие важнейшие для философско-исторической концепции Толстого положения или их отдельные нюансы теперь становятся органической частью психологического анализа конкретного персонажа. Таков, например, весь эпизод общения Пьера

¹ Там же. С. 289.

² Там же. С. 369–370.

³ Толстой Л. Н. Война и мир. Том четвертый // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 7. М., 1981. С. 18–19.

⁴ Там же. С. 73–74.

¹ Толстой Л. Н. Война и мир. Том третий... С. 274.

² Там же. С. 276–277.

³ Там же. С. 278.

с Платоном Каратаевым, как следствие – мировоззренческое прозрение Пьера, а затем, после гибели Платона, его коренное личностное преобразование¹.

Наконец, неизбежно обращающий на себя внимание своим невиданным ранее в литературе объемом эпилог с его делением на две части. Уже его первая часть открывается «рассуждением», занимающим целые *четыре* первые главы, в которых ретроспективно охватывается вся так называемая «наполеоновская эпоха» в ее разномасштабных проблемных аспектах – личностном, дипломатическом, геополитическом, историографическом. И только за этими главами следует рассказ о семьях четырех сведенных друг с другом за двенадцать лет до того главных героях собственно *романа* – Наташе и Пьере, княжне (ныне графине) Марье и Николае Ростове, а кроме того, о ставшем уже подростком Николеньке Болконском и, через его сон, о его погибшем отце князе Андрее, которого он не помнит живым даже во сне, но которого в душе считает арбитром в нравственно-политическом споре Пьера и Николая. Этим, казалось бы, и должен завершиться эпилог, своей проблемной открытостью в будущее совершенно вписывающийся в художественную структуру толстовского произведения. Но Толстой все же иначе завершает его. Вторая часть эпилога вся является развернутым уже не «рассуждением», а самым настоящим философско-историческим трактатом, лишь отчасти развивающим проблематику некоторых предыдущих «рассуждений», а в своем целом – заново излагающим и аргументирующим основные положения взглядов писателя на целесообразность исторического процесса и его движущие силы.

Статья Н. С. Лескова
«Герои отечественной войны 1812 года
по гр. Л. Н. Толстому» (1869)
как ключ к пониманию истории
в романе «Война и мир»

Статья Н. С. Лескова «Герои отечественной войны 1812 года по гр. Л. Н. Толстому» появилась в газете «Биржевые ведомости» сразу после выхода в 1869 г. отдельного издания пятой части романа «Война и мир», полностью посвященной военным событиям 1812 г., в семи номерах в марте и апреле. Параллельно она перепечатывалась в «Вечерней газете»¹. По жанру это выступление Лескова следует отнести к литературному обозрению, которое в газетной периодике середины XIX в. тесно связано с фельетоном, обычно занимавшим подвальное место на одной из страниц или развороте газеты. Фельетон всегда привлекал читателя актуальным или остросатирическим содержанием и утвердил себя как структурно важный элемент универсальной прессы. Откликаясь на явления общественной жизни, искусства и литературы, он бойко вступал в полемику по вызывавшим интерес читателя вопросам². В связи с этим в газете все более важное место занимала фигура фельетониста, в роли которого успешно выступал Н. С. Лесков, часто публиковавший в ведущих московских и петербургских периодических изданиях («Русская речь», «Северная пчела», «Биржевые ведомости» и др.) свои статьи в этом жанре анонимно. Как уже состоявшийся писатель, он не упускал случая откликнуться с развернутыми отзывами на публикацию тех произведений художественной литературы, которые оставляли

¹ Статья была опубликована анонимно. На принадлежность ее Лескову указал сын и биограф писателя А. Н. Лесков, а также Б. М. Эйхенбаум в книге: Лев Толстой. Кн. вторая. 60-е годы. Л.–М., 1931. С. 257, 415. Исследователь творчества Л. Н. Толстого Н. Н. Гусев считал, что Лескову принадлежит также статья о шестом томе «Войны и мира», появившаяся позднее в «Биржевых новостях». См.: Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957. С. 849, 851.

² История русской журналистики XVIII–XIX веков. СПб., 2003. С. 478.

¹ Вот как этот материал распределен в тексте романа: глава XIII первой части четвертого тома (См.: Толстой Л. Н. Война и мир. Том четвертый // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 7. М., 1981. С. 54, 56); часть XII главы и концовка XIV главы второй части (Там же. С. 105–107, 114–115); вторая половина XII, полностью XIII, XIV и XV главы третьей части четвертого тома (Там же. С. 163–170) и, наконец, XII глава четвертой части тома, подводящая итог всей этой теме (Там же. С. 215–218).

след в сознании его современников, избегая при этом крайностей в оценках и принятых в критике того времени глумливых интерпретаций. Одним из таких отзывов, ставшим для Лескова очередной пробой пера в жанре литературного обозрения, и явилась статья «Герои отечественной войны по гр. Толстому»¹. Свой отклик на роман Толстого он просит читателя, однако, не воспринимать как рецензию. В самом начале статьи Лесков сообщает, что не ставит своей задачей «написать критику». Посвятить роману Толстого критический разбор, которого, по его мнению, это прекрасное сочинение заслуживает, должен какой-либо ежемесячный журнал: такое крупное литературное явление, как «Война и мир», следует сделать предметом всестороннего рассмотрения, но для этого в газете недостаточно места. В публикуемой статье Лесков ставит перед собой другую цель – «познакомить своих читателей с интереснейшими деталями исторических дней двенадцатого года»², которые в связи с выходом произведения Толстого возбудили внимание общества. Многие из читателей, подозревает автор статьи, еще не скоро смогут взять в руки эту книгу из-за своей отдаленности от места ее выхода. Поэтому, заявляет Лесков, он как можно скорее стремится рассказать о ее содержании тем, кто пребывает в «углах и захолустьях русского царства»³, то есть ввести в культурное сознание современников это крупномасштабное эпическое полотно.

Статья Лескова состоит из двенадцати небольших глав. Первая из них, «Рассуждающий смертный», исполняет роль предисловия и посвящена размышлениям о художественных достоинствах романа, которые автор рассматривает как критик, хорошо знакомый с традициями русской и западноевропейской литературы. Лесков одним из первых отмечает связь отдельных страниц романа с творчеством Диккенса и сопоставляет описание смерти князя Андрея с аналогичным эпизодом из романа «Домби и сын». Впоследствии русская критика XIX в. не раз будет говорить о влиянии произведений Диккенса на творчество Толстого⁴, а советская – часто

¹ Лесков Н. С. О литературе и искусстве. Л., 1984. С. 71–110.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 75.

⁴ Апостолов Н. Н. Толстой и Диккенс // Толстой и о Толстом. Новые материалы. М., 1924. С. 115–116.

оспаривать этот факт¹ (кстати, признанный самим писателем) из-за нежелания принижать великого Толстого даже мыслью о его возможном «ученичестве»².

Роман «Война и мир» занимает в этих спорах не последнее место. Вокруг него в связи с публикацией в 1960-е гг. отдельным изданием первой завершенной редакции вновь разразилась острая полемика. Важно отметить, что подход советских исследователей «Войны и мира» был однозначным и прямолинейным: они стремились разрушить «легенду» о том, что произведение было задумано Толстым как «семейная хроника» и лишь на четвертом году работы писателя «дворянский роман» стал превращаться в «народную эпопею». С этой точки зрения анализировались первые наброски романа, в которых публикатор первой его завершенной редакции Э. З. Зайденшнур³ пыталась увидеть только изображение исторических событий и таким образом доказать, что замысел Толстого не отзывался «диккенсовскими настроениями». По всей вероятности, споры вокруг трактовки первоначального авторского замысла были продиктованы идеологическими причинами и связаны в большей степени с установками, поставленными эпохой перед советским литературоведением. Лесков, не скованный в своих суждениях о романе такого рода обстоятельствами, напротив, подчеркивал присутствующее в «Войне и мире» так называемое «диккенсовское начало». Он перечисляет представляющие это начало в пятом томе романа Толстого «романические передвижения», которые являются семейной хроникой Ростовых, Болконских и Безуховых и в которых ощущается повышенный интерес автора к творчеству Чарльза Диккенса. Лесков называет эти эпизоды «чарующими своею прелестью, художественною правдою и простотою»⁴. Описание смерти князя Андрея он берет «за образец красот пятого тома сочинения гр. Толстого», приводит обильные выписки и наконец приходит к выводу, что «страница, написанная нашим художником, далеко превосходит ту блестящую страницу Диккенса <...> которая считается образцом

¹ Чуприна И. В. Трилогия Л. Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность». Саратов, 1961. С. 141–142.

² Катарский И. Диккенс в России. М., 1966. С. 298.

³ Зайденшнур Э. З. «Война и мир» Л. Н. Толстого: создание книги. М., 1966. 401 с.

⁴ Лесков Н. С. Указ. соч. С. 72.

описаний сцен подобного торжественно-грустного рода»¹.

Большая часть лесковской статьи тем не менее убеждает в том, что ее автор хорошо осознает, что роман представляет собой «историю из 1812 года» и ее события получили в нем широкое отражение. Писатель посвящает отдельные главки историческим лицам, сыгравшим определенную роль в кампании 1812 г., – князю М. И. Кутузову, графу Ф. В. Растопчину, Наполеону. Начиная с пятой главы Лесков обращается к историческим событиям. В центре его внимания – уход русских войск и населения из Москвы, расправа толпы над объявленным французским шпионом купцом Верещагиным, московский пожар, положение дел в обеих противоборствующих армиях, отношения главнокомандующего с генералитетом, который не упускал случая вредить «старому человеку» (так Л. Н. Толстой называет в романе Кутузова) путем интриги². Лесков подчеркивает, что пятый том «Войны и мира» – «самый военный» и имеет некоторые особенности. Сосредоточившись на описании военных событий, в этом томе романа автор отказывает себе в очевидной для него потребности обрывать нить рассказа и «уноситься в область рассуждений»³. Такие философские отступления Лесков не ставит в укор Толстому, а объясняет их появление природой жанра, к которому обратился писатель. В подтверждение он приводит определение романа, данное другим даровитым русским романистом И. А. Гончаровым: «роман может поглощать все», в романе терпимы и уместны всякие отступления от рассказа, все роды литературы, «кроме скучного»⁴. Необходимо отметить, что представление Гончарова о романе сформировалось под влиянием соответствующих идей В. Г. Белинского. Поэтому, оправдывая философские отступления в произведении Толстого, Лесков мог бы сослаться и на высказывания Белинского: «Отступления, рассуждения, дидактика, нетерпимые в других родах

¹ Лесков Н. С. Указ. соч. С. 72.

² Анализ оценок Кутузова его ближайшими сподвижниками дан в книге: *Высочков Л. В.* «Гроза двенадцатого года»: Отечественная война 1812 года и зарубежные походы 1813–1815 годов. СПб., 2011. С. 115.

³ Лесков Н. С. Указ. соч. С. 75.

⁴ Там же. С. 76. Выражение «Все роды литературы хороши, кроме скучного» принадлежит Вольтеру. См.: Предисловие к комедии в стихах «Блудный сын» (1738). В XIX в. это выражение стало крылатым и цитировалось многими деятелями литературы.

поэзии в романе... могут иметь законное место»¹.

Текст пятого тома романа создавался Толстым с опорой и на другие признанные русской литературой романские традиции – в нем присутствовал драматизм, позволявший раскрыть характеры и выразить отношение героев к обстоятельствам. Используя в своих целях драматические эпизоды пятого тома, Лесков обильно цитирует толстовский текст. Тем самым он погружал читателя в сюжетное пространство «Войны и мира» и заставлял вместе с героями Толстого переживать трагические события войны 1812 г. Лесков хорошо понимал, что художественная правда и простота толстовского текста позволяют ему продемонстрировать эффект проникновения истории в человека и человека в историю. При этом Лесков сосредоточивает внимание читателя на тех местах романа, которые раскрывают историко-философскую концепцию войны 1812 г. в понимании Толстого, вызвавшую как бурю негодования у военных историков и ветеранов 1812 г., так и множество иронических замечаний у его литературных современников. Последние П. И. Бирюков приводит в книге «Биография Л. Н. Толстого» в виде отрывков из писем и критических статей. Так, например, И. С. Тургенева, как пишет Бирюков, «захватывала и восторгала внешняя художественная сторона „Войны и мира“, самая же идея, которой это произведение служило воплощением, была ему настолько чужда, что он не переставал осуждать ее»². Это проявляется в письмах Тургенева к А. А. Фету и П. В. Анненкову. Тургенев не скрывал, что его раздражали претензии Толстого на «философские воззрения», проявившиеся в развернутых философских отступлениях в тексте романа. В одном из писем Тургенев пытается убедить адресата, что отрицание «преобладающего влияния личности в событиях есть не более как мистическое хитроумие»³. Возвращаясь к этой теме в другом письме, Тургенев раздражается восклицанием: «Беда, коли автодиктат, да еще во вкусе Толстого, возьмется философствовать: непременно оседлает какую-нибудь палочку, придумает какую-нибудь систему, которая, по-видимому, все разрешает очень просто, как,

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1953–1959. Т. 1. С. 271; Т. 10. С. 315–316.

² Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. М., 2000. Т. 1. С. 299.

³ Там же. С. 296.

например, исторический фатализм, да и пошел писать...»¹

Историко-философская концепция «Войны и мира» в восприятии Лескова, напротив, глубоко органична и связана с основами русской народной культуры – «знанием сердечным», которое проявляется в действиях Кутузова, москвичей, Пьера Безухова, Платона Каратаева. Противоречия Толстого в понимании свободы воли и необходимости не мешают Лескову принять главную мысль автора «Войны и мира» – о существовании нравственной ответственности человека за любое его решение или поступок в каждый переживаемый им момент истории². Опираясь на эту толстовскую мысль, он рассматривает деятельность Растопчина и осуждает «великого администратора», не способного быть полезным ни Москве, ни России, за убеждение, «что можно управлять людьми по одному праву своего положения» и не нести за последствия никакой ответственности³. При этом Лесков, как и Толстой, не оправдывает бессмысленной жестокости его поступков требованием *le bien publique*, то есть общего блага. Важно также отметить и другое. Лесков не находит в романе Толстого изображения неведомой высшей силы, которая оказывает влияние на ход исторических событий, а проявление добра и зла объясняет как естественное следствие столкновения различных миропониманий. Таким образом, можно сказать, что Лесков полностью принимает исторические взгляды Толстого, основанные на понимании истории как науки народного самопознания и естественного движения человечества во времени. С этой точки зрения его рассуждения о причинах победы, одержанной русскими в войне 1812 г., полностью согласуются с толстовскими заключениями, основанными на народной памяти: «Россию действительно спасло не геройство полководцев, не планы мудрых правителей, а та органическая сила, которая была тверда в государе, фельдмаршале, солдатах, во всем народе»⁴. Кроме этого, Лесков считает, что свое подтверждение историко-философская концепция романа находит в самом правильно, нетенденциозно освещенном историческом материале,

¹ Бирюков П. И. Указ. соч. С. 300.

² Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой // История русской литературы: В 4 т. Т. 3: Расцвет реализма. Л., 1982. С. 812–828.

³ Лесков Н. С. Указ. соч. С. 87.

⁴ Там же. С. 95.

в соответствии толстовского текста историческим реалиям. Только объективное исследование истории, как представляется Лескову, помогает Толстому обнаружить закономерности исторического развития, и они, с его точки зрения, никак не связаны ни с кипением умов «в суетливой среде одних мелких и крупных интриганов»¹, ни с возможностью выдающихся личностей влиять на ход и исход исторических событий. Так, он вспоминает, что Толстой, изображая Кутузова, доказывает, что он, «которому предписана безмерная дальновидность, не имел вовсе определенного плана действий»² и предпочитал дремать и пресекать по возможности активность военачальников, желавших столкновений с противником. С точки зрения Лескова, Наполеон в романе Толстого, напротив, был в плену собственных планов, определивших его стратегию ведения войны, и стремился действовать согласно им, не забывая при этом, как воспримут его действия в будущем историки и потомки. С высот Кремля он надеялся дать поверженным русским «законы справедливости», показать им «значение цивилизации» и заставить «поколения бояр с любовью поминать имя своего завоевателя»³. Намеченные им планы, однако, рассыпались от того, что определенные, еще не познанные им закономерности хода исторических событий противодействовали их осуществлению. Так, жители Москвы, покинувшие город, сами того не ведая нанесли Наполеону сокрушительный удар. Лесков пишет: «...рога его победительной гордыни были надломлены, и надломлены не теми, кто делал вопрос из сдачи Москвы (генералитет русской армии. – А. Ш.), а <теми>, которые ушли из Москвы ради сохранения собственной жизни»⁴. Для Лескова этот факт явился, вопреки многочисленным историческим исследованиям, доказательством того, что путь к победе был определен не правильными «предусмотрениями, предназначениями и планами»⁵, а духом народа и «старого человека», фельдмаршала Кутузова. Именно это, по убеждению Лескова, стало в восприятии Толстого выражением исторической закономерности.

В связи с тем, что вопрос о толстовском понимании истории

¹ Там же. С. 76.

² Там же.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Там же. С. 76.

уже был представлен как спорный в историографической литературе и публицистике, Лесков посвящает его разбору последнюю часть своего обозрения, где анализирует критические отклики на «наилучший», по его мнению, русский исторический роман. Из «современников отечественной войны и новейших военных специалистов-мыслителей», критиковавших Толстого за непонимание истории, Лесков выделяет А. С. Норова (1795–1869)¹. Возражения Норова Толстому в статье «Война и мир»: «по поводу сочинения гр. Толстого с исторической точки зрения и по воспоминаниям современников»² представляются Лескову весомыми и требующими ответа. Норов – государственный деятель, прогрессивный министр народного просвещения (1854–1858), участник войны 1812 г., потерявший в результате ранения ногу, поставил роман Толстого лицом к лицу с историей. Прежде всего он подверг сомнению толстовскую концепцию войны 1812 г. и его понимание тех сил, которые вызвали кровавое движение народов с запада на восток, и тех, что противостояли ему. В трудах военных историков А. И. Михайловского-Данилевского, М. И. Богдановича, Жоржа де Шамбре, мемуарах А. П. Ермолова Норов находил свидетельства подготовленности победы. Своего рода первоисточником сведений о 1812 г. были также его собственные воспоминания – участника и очевидца. Учитывая эти материалы, он резко выступил против «фатализма и случая», на которых, как писал он, «гр. Толстой основал военное искусство и геройство наших генералов»³. Возражения Норова Толстому Лесков принял во внимание, но, оставляя их за рамками статьи, ответил в ней скрытой полемикой с его работой и параллельно с трудами других критиков романа, назвавших его автора «суеверным и ребячливым фаталистом». Сочувственно цитируя текст «Войны и мира», Лесков приводит те отрывки, которые могут убедить в исторической правоте Толстого. В частности, он акцентирует внимание читателя на размышлениях Кутузова, которые свидетельствуют о том, что он не знал, «что предпринять и как спасти государство». Лесков, предполагая ход мыслей главнокомандующего объединенными военными силами России, писал: «Он имел один

¹ Лесков Н. С. Указ. соч. С. 76.

² Военный сборник. 1868. № 11. С. 189–246.

³ Там же. С. 183.

план – довести французов до гибели... но как устроить эту гибель? Это не слагалось ясно в его сознании. Гибель эта устроилась, как полагает гр. Толстой, сама собою...»¹ Подробное описание Толстым Тарутинского сражения, которое не одобрял Кутузов и которое, в его понимании, было провалено еще до начала боя, служит для Лескова еще одним доказательством предопределения хода военных действий и подчинения их итога влиянию не личностей, а исторических законов: «Все сбивались, путались, не попадали на свои места по диспозиции, упрекали друг друга бог весть в чем и гибли в огромном числе без всякой пользы»². Тем не менее это сражение имело важный итог: исход войны был предопределен – армия Наполеона заблудилась в России и по его ошибочным расчетам двинулась не тем путем, растратив по дороге провиант и потеряв обоз. Когда Москва была оставлена французами, «старый человек» Кутузов, который, по убеждению Лескова, «знал, как делается история», воскликнул: «Россия спасена!»³ Историкам и ветеранам, отвергая их упреки в отступлении Толстого от исторической правды, Лесков напоминает, что строго «обдуманнные планы» и диспозиции в кампанию 1812 г. писались, но почти никогда не выполнялись. Все устраивал «случай», и этому есть не менее важные, чем в печатных источниках, подтверждения в семейных преданиях⁴, то есть народной памяти. К тому же Лесков был уверен, что у Толстого есть право очертить «исторические лица не карандашом казенного историка, а свободною рукою правдивого и чуткого художника»⁵. Это утверждение было адресовано Норову, который поднял в своей статье важный для каждого автора, обратившегося к истории, вопрос о границах правды и вымысла. Норов хорошо понимал, что в своем произведении Толстой нарушил привычные для русских представления об историческом романе, укрепившиеся в русской культуре на примерах исторических романов Вальтера Скотта и М. Н. Заголкина. Следует отметить, что эти писатели никогда не изображали исторических деятелей в качестве главных героев своих произведе-

¹ Лесков Н. С. Указ. соч. С. 100.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 101.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Там же. С. 102.

ний, отводя их на второй план. С недоумением Норов пишет о том, что Толстой вкладывает в уста Кутузова, Багратиона, великого князя Константина Павловича и даже Наполеона, не основываясь на фактах, собственные рассуждения и мысли и заставляет их совершать поступки, которые не известны по историческим источникам. Особое возмущение вызывает у него изображение Кутузова и тот, с точки зрения Норова, недостоверный факт, что у Толстого Кутузов, принимая армию, читает легкомысленный роман г-жи Жанлис «Кавалеры Лебеда» и занят его содержанием более чем состоянием войск.

Упрек в недостоверном изображении исторических лиц был высказан Толстому и другим критиком романа – И. С. Тургеневым. Он не скрывал своей неудовлетворенности этой стороной произведения и предположил, что «...роман плох потому, что автор ничего не изучил, ничего не знает и под именем Кутузова и Багратиона выводит нам каких-то рабски списанных с современных генеральчиков»¹. Опровергнуть эти несправедливые обвинения в адрес автора «Войны и мира» попытался в своей книге П. И. Бирюков. Он опубликовал запись своего разговора с Толстым об исторических источниках романа, где Толстой не раз убежденно говорил о своем стремлении к достоверности и пояснял: «Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг, заглавия которых я не нахожу надобности выписывать здесь, но на которые всегда могу сослаться»².

Говоря о полемике Лескова с Норовым, следует отметить также и то, что Лесков не упоминает в своем обзоре, но держит в уме, настаивая на правдивости изображения истории в романе. Лесков был хорошо знаком с публикацией Норова, которая включала не только негативную оценку принципов изображения истории в романе и упреки в адрес его автора. Строгий критик обратил внимание и на то, что, несомненно, свидетельствовало о подготовленности Толстого к постановке исторической темы в его произведении и его огромном писательском мастерстве. В тридцать третьей и тридцать

¹ Бирюков П. И. Указ. соч. С. 298.

² Там же. С. 296.

пятой главах романа Толстой, по его мнению, «прекрасно и верно отобразил основные фазисы Бородинской битвы», дав канонический вариант ее русской версии. В силу большого скопления на поле боя войск, лошадей и орудий, принявших участие в Бородинском сражении, оно трудно поддавалось описанию. По донесению начальника французской артиллерии Ларибосьера, только с французской стороны на Бородинском поле было выпущено 60 000 тысяч пушечных зарядов и 1 400 000 патронов. Расчеты А. С. Норова свидетельствовали, что в одну минуту во время боя звучали 100 пушечных и 2300 ружейных выстрелов¹. Описанию Бородинской битвы также мешало «разномыслие» историков и оставшихся в живых участников сражения, каждый из которых предлагал свои версии расположения войск и хода военных действий. Принято считать, что только современный уровень изучения источников наконец позволяет установить последовательность и хронометраж событий во время Бородинского сражения². Тем не менее после выхода романа «Война и мир» в свет его «военные критики» признавали, что военные историки могут многому научиться, обращаясь к этим художественным очеркам войны 1812 г.³ Некоторыми из них, в частности, высказывалось предположение, что писатель, создавая их, обладал особым творческим прозрением, которое водило его пером в романе, а впоследствии подтверждалось документально⁴.

В заключение можно сказать следующее. С момента выхода романа Толстого «Война и мир» и публикации литературного обзора Лескова, посвященного его пятому тому, прошло почти полтора века. Несмотря на большое количество трудов, выпущенных за это время интерпретаторами бессмертного произведения, можно с уверенностью сказать, что газетная публикация Лескова, появившаяся в 1869 г., не утратила своего значения, поскольку уже современникам Толстого дала ключ к пониманию истории в его романе. Актуальной

¹ Норов А. С. Воспоминания. Бородинское сражение // России двинулись сыны: Записки о войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 367.

² Выскочков Л. В. Указ. соч. С. 82.

³ Бирюков П. И. Указ. соч. С. 308.

⁴ В частности, такой точки зрения придерживался А. Н. Попов, автор «Истории отечественной войны 1812 года», оставшейся неопубликованной. См. об этом: Бирюков П. И. Указ. соч. С. 306.

Статья Н. С. Лескова «Герои отечественной войны 1812 года по гр. Л. Н. Толстому» (1869) как ключ к пониманию истории в романе «Война и мир»

остаётся и мысль Лескова о том, что толстовское изображение Отечественной войны 1812 г. имеет большое значение «в приложении к решению многих практических вопросов, которые время от времени могут повторяться и даже несомненно повторяются со свойственной им роковой неотразимостью»¹. Здесь историческая память неизбежно должна привести нас к событиям другой Отечественной войны – 1941–1945 гг., которые, как и в 1812 г., показали, что «военные вожди, как и мирные правительства, состоят в непосредственной зависимости от духа страны и вне пределов, открываемых им для эксплуатации этим духом, ничего совершить не могут...»²

¹ Лесков Н. С. Указ. соч. С. 110.

² Там же.

Е. С. Кащенко

События 1812 года в отечественных кинематографических интерпретациях

В рамках данной публикации нам хотелось бы остановиться на нескольких кинематографических версиях событий 1812 г. Для представителей творческих профессий 1812 г. – дата не только исторически значимая, но и овеянная романтическим настроением.

В конце августа 1912 г. знаменитый «фабрикант русских кинематографических картин» А. Ханжонков представил публике новый фильм «1812 год»¹. Перед началом съемок было подано прошение на имя великого князя Александра Михайловича, в котором Ханжонков писал: «Моя мечта направить все свои силы и средства на правдивую и художественную постановку эпизодов Отечественной войны 1812 года». Он особо подчеркивал необходимость «позаботиться об исторически правильном освещении подвигов наших героев, что так важно для всех граждан России и особенно нашего подрастающего поколения»².

Официальные представители Императорского двора особо оговорили вопрос об отсутствии в постановке образа Александра I, а также некоторые аспекты, связанные с религиозно-патриотическими чувствами русского зрителя. В съемках по распоряжению военного министра В. Сухомлинова принимали участие солдаты Екатеринославского и Ростовского полков, а также казаки. В качестве режиссера картины выступил В. Гончаров – «первопроходец» этой профессии в России. Ханжонков вспоминал впоследствии об экспансивной натуре Гончарова, его склонности к мелодраматическим эффектам. Однако в период съемки масштабных исторических картин энтузиазм Гончарова нашел адекватное применение.

Постановка «1812 год» не отличалась художественной целостностью: это был, скорее, набор эпизодов, «живых картин»,

¹ Также известны названия «Отечественная война», «Нашествие Наполеона», «Бородинский бой».

² Цит. по: Великий Кино. Каталог сохранившихся игровых фильмов России 1908–1919. М., 2002. С. 103.

изображавших русских и французов. В качестве его основных характеристик можно назвать «русскую патриархальность» и «французскую сентиментальность». «Кутузов» окружен народом, который приветствует полководца; «Наполеон» рассматривает портрет сына-наследника, предрекая мальчику «славное будущее». Здесь нашло отражение традиционное противопоставление русской и французской версий стиля ампир. Во Франции ампир ассоциировался в основном с фигурой Наполеона, в то время как русский ампир отображал тему победы русского воинства, возглавляемого императором Александром I.

Автор журнала «Сине-Фоно» так описывал сцены съёмочного процесса, свидетелем которых ему удалось стать: «Кричал режиссер-старичок с каким-то неопрятным лицом. Кричали и суетились актеры. <...> Декорации – изба с расклеенными по стенам картинками из японской войны. <...> Режиссер кричал: Генералы должны сидеть вокруг стола... Вот так... Потом все встанут, когда встанет Кутузов... потом махнут рукой и головой... вот так... – Режиссер дернул несколько раз головой, как добрая породистая лошадь. – Понимаете!.. Потом Кутузов поднимает кверху глаза со слезой и палец правой руки... Вот так...»¹. В этом резком, более чем ироническом описании режиссера легко можно узнать В. Гончарова. Репортер не щадит никого из членов съёмочной группы, уделяя особое внимание массовке и исполнителю роли Наполеона².

Критически оценили фильм издания «Русское Слово», «Наша Неделя». «Вестник кинематографии», напротив, регулярно публиковал в 1912 г. на своих страницах хвалебные отзывы, посвященные премьере картины («Высота русской души – эта тема, проходящая во всей картине»; «кинематограф служит делу даже и такой важности, как франко-русское единение» и т. п.).

Какова же на самом деле была эта совместная постановка русских и французов, призванная напомнить о значительной юбилейной дате? Как показывает опыт, современная критика опе-

рирует теми же понятиями, что и репортеры 1910-х гг. Раздражение прежде всего вызывает непрофессиональная работа и не слишком впечатляющий художественный результат итоговых трудов съёмочной группы. Интересно отметить, что, несмотря на достаточно условный характер актерской игры, неизменную критику журналистов вызывал «Наполеон». Не всегда можно понять, кто из двух исполнителей этой роли имеется в виду, но эпитеты «несколько жидковатый» и «излишне суетливый» выглядят одинаково уничижительными.

Вместе с тем оценка картины новым – кинематографическим – сообществом довольно показательна. Вряд ли можно согласиться с мнением, что «1812 год» является значительной постановкой в контексте эволюции художественных средств кинематографа¹. Популярность фильма возросла благодаря практике сеансов, проводимых «на народных гуляньях, или в народных домах, или в театрах» за условную плату. Так поощрялся публичный интерес к отечественной истории, показанной посредством такого «многообразного орудия развития и образования», как кинематограф.

Из наиболее известных художественных фильмов, связанных с событиями 1812 г., можно также назвать картину «Кутузов» (1943; режиссер В. Петров, автор сценария В. Соловьев). Главную роль сыграл А. Дикий, в фильме также снимались Н. Охлопков, Б. Чирков, С. Закариадзе. В 1944 г. в СССР «Кутузов» стал одним из лидеров кинопроката – картину посмотрели 17,73 млн зрителей². Можно отметить, что именно «Кутузов» был определен в качестве одной из первых постановок, производство которых должно было осуществляться на восстанавливаемой киностудии «Мосфильм».

Съемки эпизода «Бородинское сражение» состоялись «в день 131-й годовщины битвы под Бородином на натурной площадке» студии³. Большое внимание съёмочному процессу уделял И. Ста-

¹ Оператор Чеслав Сабинский в середине 1930-х гг. вспоминал, что, работая над сценами пожара Москвы, провел «комбинированную съемку довольно сложного порядка», совместив в кадре макет горящего города и настоящих актеров. См.: Великий Кинемо... С. 110.

² Домашняя синематека. Отечественное кино. 1918–1996 / сост.: С. Землянухин, М. Сегида. М., 1996. С. 221.

³ Летопись российского кино 1930–1945. М., 2007. С. 775.

¹ Цит. по: Великий Кинемо... С. 107.

² Роль Наполеона исполнили два актера: П. Кнорр и В. Сержников. Этот казус произошел вследствие сотрудничества А. А. Ханжонкова с известной французской фирмой «Бр. Пате». Две группы приступили к съемкам без обсуждения графика, что привело к неизбежным накладкам.

лин, отмечая, в частности, веру русского народа в полководца Кутузова и любовь к нему солдат. «Кутузов спас Россию от поражения» – такова была главная идея политического руководства страны. Примечательно, что в 1949 г. вышел новый фильм В. Петрова «Сталинградская битва», в котором главную роль (Сталина) вновь исполнил А. Дикий¹. Ранее, 14 апреля 1944 г., актер был удостоен ордена Ленина «за успешную работу в дни Великой Отечественной войны».

1960-е годы стали временем появления двух знаменитых постановок, тематически связанных с эпохой Наполеона и Александра I. В 1962 г. Э. Рязанов снял фильм «Гусарская баллада» по сценарию А. Gladкова. В 1965–1967 гг. масштабную экранизацию романа Л. Н. Толстого «Война и мир» осуществил С. Бондарчук.

Оба фильма имели впоследствии большой резонанс. Музыкальная лирическая лента Э. Рязанова с Л. Голубкиной в роли Шурочки Азаровой и Ю. Яковлевым (поручик Ржевский) до сих пор остается одним из самых любимых зрителем отечественных фильмов². Война 1812 г. была показана режиссером темпераментно и романтично, а музыка композитора Т. Хренникова как нельзя лучше способствовала общему энергичному настроению постановки. Определенные нарекания вызвал тот факт, что на роль Кутузова режиссер пригласил И. Ильинского. Рязанову с большим трудом удалось опровергнуть официальное мнение руководства о том, что «Ильинский – комический актер» и такую серьезную роль исполнять не должен. «Гусарская баллада» стала для зрителей очевидным подтверждением того, что патриотические настроения могут быть показаны без излишнего пафоса, а молодая привлекательная героиня, не теряя природной женственности, способна выступить в роли защитника отечества.

«Война и мир» С. Бондарчука не была первой экранизацией одноименного романа. В 1915 г. в Москве вышел немой фильм кинопредпринимателя П. Тимана, некоторое время спустя зрители увидели «Наташу Ростову» (производство А. Ханжонкова). До появ-

ления этих картин «Войну и мир» хотел экранизировать А. Талдыкин. История приобрела авантюрный характер, поскольку соперники стремились опередить друг друга (отсюда и название «Наташа Ростова» у «отставшего» в графике съемок фильма Ханжонкова).

Спустя десятилетия, в 1956 г., в мировом прокате появилась киноверсия режиссера К. Видора (итало-американское производство) с О. Хепберн в роли Наташи Ростовской. Великолепная отечественная постановка второй половины 1960-х гг. стала не только «ответом Голливуду», но и значительно превзошла фильм Видора. Тонкая игра актерского ансамбля (В. Тихонов, Л. Савельева, А. Вертинская, О. Ефремов, О. Табаков, В. Лановой, А. Шуранова), блестящая операторская работа А. Петрицкого, музыка В. Овчинникова – все это не могло не поразить мировую киноаудиторию. Постановкой этой версии «Войны и мира» занимался выдающийся профессиональный коллектив, что принесло фильму многочисленные награды, среди которых выделялась премия Американской академии кинематографических искусств и наук «Оскар» (в категории «лучший иностранный фильм»).

В 1980 г. был снят фильм «Эскадрон гусар летучих» (режиссеры С. Росточки и Н. Хубов), посвященный подвигам Дениса Давыдова. Главную роль сыграл А. Росточки. Следует признать, что во многом восприятие этой картины зависело от психофизической характеристики актера (в первую очередь его личного обаяния и спортивной подготовки). Соответствие исторической эпохе достигалось в основном с помощью звучащих в фильме стихотворений легендарного поэта-партизана. Образ бунтаря, стремящегося доказать правомерность своей нестандартной позиции, был достаточно актуальным для советского общества начала 1980-х гг., т. е. историческая фигура отчасти оказалась приближена к эпохе съемок фильма.

Своеобразным апофеозом «поисков 1812 года» в эпоху постмодернизма стала лента режиссера О. Фесенко «1812: Уланская баллада» (2012). Стилистически и сюжетно в ней можно обнаружить много общего с работой В. Гончарова «1812 год» и романом А. Дюма «Три мушкетера». Сюжет «Уланской баллады» складывается из нескольких составляющих: тайный агент Наполеона, всеми спосо-

¹ Летопись российского кино... С. 793.

² В мае 1963 г. по итогам опроса читателей журнала «Советский экран» «Гусарская баллада» была названа в числе лучших фильмов 1962 года.

бами пытающийся нанести урон русским противникам; трое друзей-улан (С. Безруков, А. Белый, С. Дужников), чрезвычайно похожих на героев Дюма – Атоса, Портоса и Арамиса; условные фигуры «Наполеон» и «Александр». Хочется отметить, что батальные сцены, снятые в 1912 г., смотрелись несколько убедительнее их современной версии. В фильме О. Фесенко вновь звучат стихи Дениса Давыдова, скорее всего, потому, что актерам хотелось показать профессиональные навыки декламации.

Тема 1812 г. вызывала и будет вызывать интерес кинематографистов. Главный вопрос, на наш взгляд, заключается в том, как снять картину на историческую тему, не пугая зрителя излишним пафосом и не увлекаясь романтическим антуражем. Ближе всех к идеальному решению оказался С. Бондарчук. Взяв за основу литературное произведение, он сумел показать зрителю великое событие отечественной истории через призму восприятия великого русского писателя. «Война и мир» дает возможность зрителю увидеть групповой портрет героев на фоне эпохи и одновременно выделить каждого из них, охарактеризовать индивидуально как личность.

Увлекаясь идеологическими выкладками, режиссер может забыть об исторической аутентичности и невольно (или намеренно) наделить героев прошлых времен современной мотивацией мыслей и поступков. К сожалению, события 1812 г. в разное время претерпевали идеологическую корректировку, что не могло не отразиться на кинематографических интерпретациях.

Сведения об авторах

Абрамкин Олег Сергеевич, методист экскурсионно-выставочного отдела Президентской библиотеки.

Березкин Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Грузнова Елена Борисовна, кандидат исторических наук, ученый секретарь Президентской библиотеки.

Кащенко Елена Сергеевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, член Ассоциации искусствоведов (АИС).

Кожухова Мария Владимировна, аспирант кафедры истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Михайлова Елена Андреевна, кандидат искусствоведения, научный сотрудник отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Раздорский Алексей Игоревич, кандидат исторических наук, заведующий группой исторической библиографии отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки.

Романова Анастасия Анатольевна, кандидат исторических наук, заведующая научно-исследовательским отделом редкой книги Библиотеки Академии наук.

Руденко Юрий Константинович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, член Ученого совета исторического факультета, член Союза писателей России.

Сапожников Александр Иванович, кандидат исторических наук, заведующий отделом газет Российской национальной библиотеки.

Смирнова Мария Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Тихомиров Сергей Алексеевич, директор Вологодского регионального научно-исследовательского центра краеведения и локальной истории «Северная Русь».

Цыткин Денис Олегович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документов отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Шелаева Алла Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, член Союза журналистов России.

Шибачев Михаил Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий сектором информационно-библиографического обслуживания отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПАРТНЕР ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Научное издание
**1612 И 1812 ГОДЫ
КАК КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ
В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ**

Сборник научных трудов

Выпускающий редактор: *А. Д. Бархатова*
Разработка и дизайн обложки: *А. Д. Бархатова, А. К. Гольшиева*
Корректоры: *Л. Н. Анастасиади, М. А. Антипов*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка: *Г. А. Филичева*

Подписано в печать 00.00.2013. Формат 60 × 90 1/16.
Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 0,00. Тираж 000 экз. Зак. № 00.

ISBN 978-5-905273-31-5

Издание подготовлено и отпечатано
в ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина».
190000, Санкт-Петербург, Сенатская пл., 3

**ФГБУ «ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
имени
Б. Н. ЕЛЬЦИНА»**

Россия, 190000, Санкт-Петербург, Сенатская пл., 3.

Экскурсии

Тел.: (812) 305-16-52, (812) 305-16-36.

Экскурсии проводятся по предварительной записи.

Организация мероприятий

Тел.: (812) 305-16-52, (812) 305-16-36.

Редакционно-издательская деятельность

Тел.: (812) 305-16-52, (812) 305-16-29.

Подготовка макетов издания, печать от 1 экземпляра.

Связи с общественностью

Тел. (812) 305-16-40.

Медийная поддержка мероприятий, пресс-клиппинг.

